

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА»

на правах рукописи

РОСТОВЦЕВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**РЕЦЕПЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ XVIII ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой
степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н. В. Ковтун

Красноярск – 2018

Содержание

Введение	4
Глава первая. Природа утопического метажанра	17
1. 1. Литературная утопия. История термина	17
1. 2. Утопия как метажанр в контексте русской литературы	20
1. 3. Эвномия и дисномия. Опыт обоснования понятий	43
1. 4. Русская литературная утопия в свете европейской традиции	47
Глава вторая. Русская литературная утопия и законодательство Елизаветы Петровны	52
2. 1. Мораторий на смертную казнь в елизаветинской России и «счастливое общество» А. П. Сумарокова	55
2. 2. Идеальные священнослужители А. П. Сумарокова и законодательство Елизаветы Петровны по отношению к Церкви	66
Глава третья. Русская литературная утопия и законодательство Екатерины Второй	75
3. 1. Законы против лихоимства в екатерининской России и панегирическая утопия Ф. А. Эмина	77
3. 2. «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» М. М. Хераскова в свете документов Комиссии по составлению проекта Нового уложения	84
3. 3. Художественные особенности романа-утопии М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» и «Наказ» Екатерины Второй	99
3. 4. Школьное образование офирян в контексте образовательных установлений Екатерины Второй	111
3. 5. Идеал благочиния М. М. Щербатова в свете законодательной политики Екатерины Второй	125
3. 6. Утопический проект И. И. Тревогина и законы Екатерины Второй в области образования	136

3. 7. Утопия В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» и екатерининский «Наказ»	146
3. 8. «Хотиллов. Проект в будущем» А. Н. Радищева и «Наказ» Екатерины Второй	154
Заключение	164
Список литературы	170

Введение

В энциклопедиях терминов и понятий утопия определяется как особый вид художественных произведений (fictional writings)¹. Если создатель социальной утопии стремится «превратить литературу в жизнь, культуру в бытие», для автора литературной утопии важно облечь свою мысль в занимательную форму художественного произведения². В данном исследовании мы сосредоточим внимание лишь на собственно утопических текстах, рассматривая их с точки зрения истории литературы, оставив за пределами наших изысканий сферу народно-утопических легенд.

В отличие от социальных утопий, известных уже в Древней Руси, возникновение литературного вида приходится на XVIII столетие³. С момента своего появления литературная утопия неразрывно связана с темой идеального законодательства. В первом из созданных образцов жанра – «Сон. Счастливое общество» (1759) А. П. Сумарокова – описывается «Книга узаконений», содержащая права и обязанности жителей мечтательной страны»; весь кодекс обязанностей и прав жителей Офирии М. М. Щербатова (1783) сосредоточен в «Гражданском катехизисе»; в утопии «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1792) М. М. Хераскова особое внимание уделено книге под названием «Наука царствовать». Можно отметить несомненную связь с законодательной проблематикой всей утопической литературы XVIII века.

Об **актуальности** настоящего исследования свидетельствуют факты самой истории. Многие из утопистов XVIII века, являясь литераторами по роду занятий, были одновременно авторами трудов по праву. Некоторым из них тема законопорядка была близка по причине особенностей биографии. А. П. Сумароков известен как непримиримый критик «Большого наказа императрицы» в первой его редакции. Писатель «был, пожалуй, единственным из

¹ Utopias and dystopias / Abrams M. H. Geoffrey Galt Harpham. A Glossary of Literary Terms. Wadsworth Cengage Learning. 9 edition. 2008. P. 378.

² Бердяев Н. Собр. Соч.: В 3 т. Париж, 1989 – 1991. Т. 3. С. 444.

³ Русская литературная утопия / Сост, общ. ред., вступит. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 13.

читателей “Наказа” до его публикации, кто позволил себе открыто не согласиться с некоторыми положениями документа и противопоставить мнениям императрицы собственную точку зрения»¹. Когда в 1766 году по инициативе государыни Вольно-экономическим обществом был объявлен конкурс: «Что полезнее для общества – чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?», писатель совершенно неожиданно принял в нем участие и ответил на поставленную задачу крепостническим по духу сочинением. Еще более вовлеченным в законодательную политику страны оказался другой утопист XVIII столетия – князь М. М. Щербатов. В 1767 году в качестве выборного депутата от ярославльского дворянства он принимает участие в Комиссии по составлению проекта Нового уложения², становится автором «Замечаний на Большой Наказ императрицы Екатерины II»³. Политико-правовая деятельность писателя нашла свое отражение в утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую». Как критик екатерининского «Наказа» известен А. Н. Радищев. В «Опыте о законоположении» (1801) он называет екатерининский «Наказ» компиляцией, фикцией, отказывая императрице в искренности ее благородных идей.⁴ Негативное отношение к закону нашло отражение и в тексте «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790).

Эти и другие примеры служат доказательством того, что утопия и право в русской литературе взаимосвязаны. Указанный тезис подтверждается и тем, что со времен Уложенной комиссии русская утопическая литература была в некоторой степени обусловлена законодательной проблематикой⁵. «Наказ», который являлся, по выражению В. М. Живова, «атрибутом монарха,

¹ Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII. 2006. Вып. 24. С. 130.

² Брикнер А. Г. Князь М. М. Щербатов как член Большой Комиссии 1767 г. // Исторический вестник. 1881. Т. 3. № 10. С. 217 – 249.

³ Щербатов М. М. Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II / Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935.

⁴ Радищев А. Н. О законоположении / Радищев А. Н. Избранные философские сочинения под общей ред. и предисл. И. Я. Щипанова. Л., 1949. С. 402.

⁵ Baerh S. L. The paradise Myth in Eghteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford. California. 1991. С. 121.

устанавливающего всеобщую справедливость и гармонию мира»¹, служил источником для создания образов идеального законодателя и философа на троне. Уложенная комиссия, знаменовавшая собой учреждение нового царства эвномии, подавала идеи для изображения идеальных государств, где царствует закон².

Степень научной разработанности проблемы. Известно, что первое исследование, в котором была проанализирована литературная утопия, было написано в 1896 году. Именно в это время А. Н. Пыпин издал в журнале «Вестник Европы» статью «Полузабытый писатель XVIII века»³. В статье вниманию читателя был представлен обзор и беглый анализ опубликованного незадолго до того сочинения князя М. М. Щербатова – «Путешествие в землю Офирскую Г-на С... Швецакого дворянина». По причине неизвестности произведения широкой читающей публике автор позволяет себе сделать его подробный пересказ. Историко-культурный подтекст утопии был репрезентирован слабо. Ученого более интересовала зависимость сочинения от традиций мировой литературы.

Труд, в котором утопическое произведение рассматривается в историческом контексте приходится на начало XX века – это «Русский социальный роман XVIII века» (1900). Его автор, историк Н. Д. Чечулин, анализируя «Путешествие в землю Офирскую» показывает некоторые особенности правовой действительности времен создания романа и привлекает для этого элементы биографии писателя. «...Разные сословія въ Офирской землѣ распредѣляютъ между собою дѣятельность совершенно такъ, какъ казалось всегда Щербатову наиболѣе справедливымъ и необходимость чего онъ постоянно доказывалъ въ застѣданіяхъ Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: дворяне служатъ, купцы и ремесленники занимаются торговлею и промыслами, крестьяне – это рабы, крѣпостные»⁴. Так, в начале прошлого века художественные особенности текста описываются неотрывно от правовой и общественной деятельности

¹ Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996. С. 668.

² Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002. С. 171.

³ Пыпин А. Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. 1896. № 11. С. 264 – 305.

⁴ Чечулин Н. Д. Русский социальный роман. (Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкаго дворянина. Сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. С. 36.

писателя. Можно сказать, что Н. Д. Чечулин как родоначальник русской утопиологии заложил традиции анализа утопического произведения, при котором утопический идеал писателя рассматривается сквозь призму его политических взглядов. В вышедшем годом позднее исследовании А. А. Кизеветтера «Русская утопия XVIII века» равным образом отмечена связь между законодательной политикой и взглядами М. М. Щербатова. В словах одного из главных героев – вельможи Агибе – исследователь обнаруживает критику «текстов градостроительных проектов Екатерининской эпохи»¹.

В 1922 году появляется первое *обзорное* исследование по русской утопии – «Русский утопический роман» В. В. Святловского. В отличие от своих предшественников, ученый подвергает анализу не одно, а сразу несколько утопических сочинений XVIII века, уделяя особое внимание роману М. М. Щербатова. Несмотря на конспективность своего труда, автор описывает законодательство идеального государства: «Взаимоотношения (в Офирии – Ю.Р.) просты и добродетельны. Законы мягки и снисходительны»².

В начале 90-х С. Л. Бэр окончательно обосновывает идейно-мотивную зависимость русской утопии от законотворческих инициатив верховной власти. Он указывает на такую важную особенность как мотивологическая связь литературной утопии с деятельностью комиссии по составлению проекта Нового Уложения: «В некоторой степени утопическая литература отражала имплицитно присутствующий в Наказе образ райской России, в которой правит закон»³. Исследователь развил данную мысль на примере романа М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или процветающий Рим» (1768) – произведения, изображающего идеального правителя и законодателя. Важно отметить, что, рассуждая об особенностях первых русских литературных утопий, автор упомянул лишь несколько произведений, описывающих законодательный идеал. Это и «Приключение Фемистокла» (1763) Ф. А. Эмина и трилогия М. М. Хераскова

¹ Кизеветтер А. А. Русская утопия XVIII века / Кизеветтер А. А. Исторические очерки: Из истории политических идей. М., 1912. С. 35.

² Святловский В. В. Русский утопический роман. Петроград, 1922. С. 21.

³ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... P. 121.

«Нума Помпилий» (1768), «Кадм и Гармония» (1787), «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1792). В действительности, наблюдения С. Л. Бэра не совсем точны. Первой утопией, в которой также поднимается тема благих законов, следует считать «Сон. Счастливое общество» (1759) А. П. Сумарокова. В то же время мотивы, связанные с идеальным законодательством, можно встретить и в более поздних утопиях, о которых ученый не упоминает. Это «Путешествие в землю Офирскую» князя М. М. Щербатова, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В. А. Левшина и другие. Анализ С. Л. Бэра нельзя назвать исчерпывающим не только с фактической, но и с теоретической стороны. В действительности, согласно методологическим построениям самого исследователя, русская утопия была не только панегирической, но и сатирической («*russian utopian and eutopian fiction*»). В представленном же ряду текстов указаны лишь так называемые «панегирические» утопии, иллюстрирующие положительные стороны екатерининского законодательства, произведения же, содержащие черты сатиры (классический пример «Хотилов. Проект в будущем» А. Н. Радищева), автор в правовом контексте уже не рассматривает.

Заслуга ученого заключается в том, что он первым указал на законодательную сферу как непреходящий источник мотивов и идей русской утопической литературы, впервые дал определение законодательной кампании 1766 – 1768 годов, назвав ее эвномией (благозаконом). Впоследствии идеи С. Л. Бэра используются зарубежными и русскими учеными. Так, Л. Геллер и М. Нике применяют определение «эвномический» по отношению к роману «Нума Помпилий», называют патриархальной «эвномией» описанное в «Приключениях Телемака» Фенелона государственное устройство Крита и Салента. В докторской диссертации Е. Е. Приказчиковой «Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения» (2010) «эвномия» впервые определяется как отдельный вид литературной утопии¹.

¹ Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дисс.... д-ра филол. наук: 10.01.01. / Е. Е. Приказчикова. Екатеринбург, 2010. С. 10.

Работа, имеющая непосредственное отношение к проблематике нашего исследования, относится к 2009 году. Это вышедшая в журнале «Актуальные проблемы российского права» (серия «Юридические науки») статья Б. А. Назаренко «Право “Офирского государства” в утопии М. М. Щербатова»¹. В ней впервые проводится сопоставительный анализ идеальных законов, описанных в художественном произведении, и действующих законов (в данном случае екатерининского «Наказа»). Автор дает довольно детальную ссылку на пункты офирского «Катехизиса законов» и соответствующие ему статьи «Большого наказа императрицы». Например: «закрепление божественного происхождения власти государя (п. 6 “Катехизиса законов” и ст. 625 “Наказа”»)). Работа Б. А. Назаренко не является исследованием по филологии, поэтому параллели между литературной утопией и законодательными документами не приводят к выводам биографического или источниковедческого характера: знакомство М. М. Щербатова с текстом «Наказа», возможное обращение писателя к законопроекту во время работы над произведением. Вместе с тем, нельзя отрицать значимость данного исследования для российского литературоведения. Его автору удалось выявить те особенности, которые представляют собой «слабые места» работ по истории литературы. Под «слабыми местами» понимается преимущественно недостаточная историческая аргументированность выводов о зависимости содержания литературной утопии от социально-политической и правовой ситуации.

Один из ярчайших примеров – статья И. З. Сермана «Мечтательная страна Александра Сумарокова» (2000). Автор усматривает в законах совершенного общества едкую насмешку над порядками, принятыми при Елизавете Петровне, и, между тем, не предлагает (вполне ожидаемого в данном случае) сравнительного анализа законодательной политики государыни и утопического идеала писателя. Как следствие, вывод И. З. Сермана: «от иронии и насмешки над истинным

¹ Назаренко Б. А. Право Офирского государства в утопии М. М. Щербатова // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 30 – 36.

положением в государственном управлении Сумароков переходит к собственному утопическому изображению», остается без должной аргументации¹.

Подводя некоторый итог, следует заметить, что, несмотря на неоднократные утверждения исследователей о связи русской литературной утопии XVIII века и законодательной политики, до сих пор не сформирована традиция рассматривать утопические сочинения в контексте российских законов.

Научная новизна. Среди неотъемлемых признаков утопии нередко называют «всеохватность»². Как отмечает А. Е. Ануфриев, «авторы классических утопий стремились описать все сферы жизни созданных их фантазией стран»³. Утопистам, отмечает Т. А. Чернышева, казалось, «что социальную гармонию создать не так уж сложно, нужно только хорошо подумать и написать хорошие законы»⁴. На установлении об отсутствии частной собственности построено общество утопийцев Мора, на законах семьи и брака основано общество Бенсалема.

Закон – неотъемлемый атрибут изображения всякого совершенного правления. Роль его для утопического произведения столь велика, что в зависимости от противопоставленности или, напротив, близости вымышленных законов действующему законодательству меняется жанровая категоризация текста: принадлежность его сатирическому или панегирическому виду утопий.

Настоящая работа представляет собой первое изыскание по истории русской утопии, в котором тема законодательного идеала рассматривается одновременно на обширном **материале** законов российской империи эпохи просвещенного абсолютизма и целого ряда сочинений утопической мысли.

Среди *художественных произведений*: «Сон. Счастливое общество» А. П. Сумарокова, «Приключение Фемистокла» Ф. А. Эмина, «Нума Помпилий, или процветающий Рим», «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии»

¹ Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы Международной конференции 27-28 июля 2000 г. 2000. Альманах 13. С. 222.

² Свентоховский А. История утопий. М., 1910. С. 6.; Чернышева Т. А. Природа фантастики. Иркутск, 1984. С. 311.

³ Ануфриев А. Е. К вопросу о доминантных признаках жанра литературной утопии // Вестник Вятского государственного университета. 2012. Т. II. № 2. С. 107.

⁴ Чернышева Т. А. Что такое утопия? // Жанры русской литературы: Сб. науч. тр. Иркутск, 1991. С. 90.

– М. М. Хераскова, «Путешествие в землю Офирскую» М. М. Щербатова, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В. А. Левшина, утопические проекты И. И. Тревогина, «Хотиллов. Проект в будущем» («Путешествие из Петербурга в Москву») А. Н. Радищева.

Основные юридические сочинения: Анонимное «Мнение об освобождении крестьян», «Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II», «Размышления о законодательстве вообще» – М. М. Щербатова, «О законоположении» А. Н. Радищева.

Основные законы и законодательные акты: «Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов», «Артикул воинский» (1715), «Духовный регламент» (1721), «Большой наказ императрицы» (1767), «Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения» (1767), «Устав благочиния, или полицейский» (1782), «Свод законов Российской империи» (1832) и др.

Ряд исследуемых нами сочинений до сих пор не опубликован. Это хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов – утопические сочинения литератора и авантюриста И. И. Тревогина¹ и педагогические проекты князя М. М. Щербатова². Среди неизданных работ по истории русской литературы следует назвать и очерк А. А. Дубицкого «Князь Михаил Михайлович Щербатов как историк и писатель» (Отдел письменных источников государственного исторического музея)³.

К нововведениям в области изучения русской литературной утопии следует отнести итоговую трансформацию традиционных представлений о жанре ряда утопических произведений. Отправной точкой в этом вопросе служит известная монография С. Л. Бэра «Миф о рае в России XVIII века. Утопические модели в ранней русской литературе и культуре» (1991), в которой было представлено и аргументировано членение на панегирический и сатирический виды утопий (*utopia* и *eu-topia*). Рассматривая художественные тексты на фоне законодательной

¹ Российский государственный архив древних актов. (Далее – РГАДА) Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631.

² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 466.

³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. (Далее ОПИ ГИМ) Ф. 268. Ед. Хр. 7.

политики XVIII века, мы последовательно доказываем, что отношение автора утопии к современным ему законам имело определяющее значение: оценка установления как положительного впоследствии являлась причиной создания панегирического типа утопий, тогда как сатирический был основан на критическом восприятии того или иного законоположения. Сопоставительный анализ законов и литературных утопий XVIII века позволяет скорректировать представление о жанровой категоризации последних. Так, утопия Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла», рассматриваемая С. Л. Бэром и как сатирическое, и как хвалебное произведение, при сравнении с екатерининским законодательством приобретает целостность как панегирическая утопия.

С теоретической точки зрения, научную новизну диссертационного исследования обуславливает и введение в терминологический аппарат понятия «дисномия». На основании имеющегося в науке выделения в самостоятельный жанр «эвномии» (eu – благой, nomos – закон) как утопии, в которой прославляется действующее законодательство, мы предлагаем вычленять и «дисномию» (dis – плохой, nomos – закон) – утопию, призванную показать ущербность и недостаточность законов. Ярчайший пример «дисномии» – утопия А. П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество», в которой содержится имплицитная критика в адрес императрицы Елизаветы – законодательницы. «Дисномией» следует считать и «Новейшее путешествие, сочиненное в г. Белеве» В. А. Левшина. Черты «дисномии» можно обнаружить в отрывке «Хотилон. Проект в будущем» – «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, а также в утопическом романе М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии».

Объектом изучения является отражение российской законодательной практики XVIII века в художественном мире утопий А. П. Сумарокова, Ф. А. Эмина, М. М. Хераскова, М. М. Щербатова, В. А. Левшина, И. И. Тревогина, А. Н. Радищева, А. Д. Улыбышева, Ф. В. Булгарина, В. Ф. Одоевского.

Предмет исследования – текстологические, исторические, идейно-мотивные связи литературной утопии и законодательных актов XVIII столетия.

Связь нормативных документов с представлениями об идеалах прослеживается на всем протяжении второй половины XVIII века. Зачастую эти представления облекались в форму художественного текста – утопического сочинения. Этим обусловлена **основная цель диссертационной работы** – эксплицировать отражение правовых актов в утопических текстах эпохи. Поставленной цели соответствует решение ряда **задач**:

показать текстологические, идейные и мотивные параллели между законами и утопическими произведениями;

объяснить причины заимствований из законов и подзаконных актов в русские утопические тексты;

выявить причины отрицательного или положительного отношения автора-утописта к упоминаемым документам права;

рассмотреть случаи, когда отношение к тому или иному действующему закону влияло на жанр утопического сочинения, привнося в него панегирический или сатирический элемент.

уточнить при необходимости сложившееся представление о том или ином художественном тексте как утопии сатирической или панегирической.

В силу широты изучаемого материала (художественные, законодательные, историко-правовые тексты XVIII века) **методология** исследования совмещает в себе особенности разных аналитических приемов. При разборе художественных текстов основным является метод комплексного изучения памятников письменности, сочетающий в себе принципы текстологического, источниковедческого и историко-литературного анализа. В изучении автобиографического начала утопической прозы и политико-правовых идеалов писателя неоднократно привлекается биографический метод. Использование культурно-исторического подхода основано на изучении связей утопической литературы, юридических документов и сочинений в области истории и права. Этими же связями обусловлено применение историко-функционального метода.

Методологическую основу диссертации составляют исследования по *теории утопического жанра*: Ф. Клейнвехтера, Б. А. Ланина, В. Фортунати, А. Петручанни, А. А. Файзрахмановой, В. А. Чаликовой; *истории русской литературной утопии*: В. В. Святловского, С. Л. Бэра, В. П. Шестакова, Т. В. Артемьевой, И. А. Калинина, Н. В. Ковтун. Уделено особое внимание *исследованиям творчества отдельных писателей*. Это статьи сумароковедов И. З. Сермана, Ю. В. Стенника, посвященные утопической прозе М. М. Хераскова труды Л. Н. Нарышкиной, А. В. Западова и Л. И. Кулаковой, монографии и статьи о М. М. Щербатове А. Н. Пыпина, Н. Д. Чечулина, А. А. Кизеветтера, Т. В. Артемьевой, связанные с утопическими идеалами И. И. Тревогина изыскания А. И. Старцева, Л. Б. Светлова, А. Л. Топоркова, Е. Е. Дмитриевой и др. Другую группу составляют *труды по истории и исследования по истории права XVIII века*: Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, С. М. Соловьева, О. В. Ключевского, А. Ф. Кистяковского, М. И. Семевского, О. А. Филиппова, К. А. Писаренко, Дж. Ледонне, С. Бринера, Д. Р. Скотта и др.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении научно-исследовательских положений об истории возникновения жанра литературной утопии в России, уточнении его категориальных особенностей, а также в изменении научного представления о жанровой природе ряда утопических текстов XVIII века (обосновании взгляда о преобладании в них сатирического или панегирического элемента), выявлении социально-политического, правового и религиозного идеалов писателей-утопистов, в определении тесной текстологической, исторической, идейно-мотивной связи утопических текстов с законодательными актами XVIII столетия.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения его выводов при чтении курсов по истории русской литературы, специализированных курсов по русской литературной утопии и творчеству писателей XVIII века. Отдельные наблюдения применимы в курсах по русской истории и истории русского права, при создании антологий и учебных пособий.

Степень достоверности исследования определяется, в первую очередь, привлечением достаточного числа источников различного характера (законодательных актов, юридических сочинений, историко-правовых документов, литературных произведений), внимательным отношением к жанровому своеобразию каждой отдельной утопии, рассмотренной в подобном контексте, использованием соответствующих целям и задачам исследования методов анализа.

Апробация работы Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на всероссийской конференции «Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых» (МПГУ, 2014), «Евангельский текст в русской словесности: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (ПетрГУ, 2014), на Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 2014), «Мировая словесность для детей и о детях» (МПГУ, 2015), всероссийской конференции «Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте» (Литературный институт имени М. Горького, 2016), международной научной конференции «Литературный процесс в России XVIII–XIX веков. Светская и духовная словесность» (ИМЛИ, 2016), международной научной конференции «Русский язык и литература в поликультурной среде» (КГПУ им В. П. Астафьева, 2017). По теме исследования опубликовано одиннадцать работ, в том числе шесть – в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С момента своего появления (эпоха европеизации) русская литературная утопия неразрывно связана с темой идеального закона;
2. Для воссоздания образа идеального государства утописты использовали элементы действующего законодательства;
3. Обращение утопистов к правовой сфере оставило свои «следы» в русских утопических текстах;
4. Влияние законов на тексты указанного содержания нашло свое выражение в текстологических, идейных и мотивных заимствованиях;

5. Отношение автора изображаемого утопического идеала к действующему законодательству определяло сатирическую или панегирическую направленность текста.

Структура диссертации. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 222 наименования.

Глава первая. Природа утопического метажанра

Литературная утопия. История термина

Кодификация слова «утопия» в русском литературном языке напрямую связана с историей переводов одноименного английского романа, первый из которых, озаглавленный как «Картина всевозможного лучшего правления или Утопия канцлера Томаса Мориса» (1789), из опасения влияния «французской заразы» был сожжен в год выпуска. Спустя год та же книга была вновь издана под другим названием. Второй, отличный от оригинального заголовок, придуманный российским переводчиком, имел подчеркнута художественную направленность: «Философа Рафаила Гитлоде Странствование в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии» (1790)¹. Автор перевода предусмотрительно лишил заголовок прежнего политического оттенка. В такой интерпретации роман приобретал вид приключенческой повести и, вероятно, потому был дозволен к печати Управой благочиния. Изменения коснулись только титульного листа, в то время как содержание издания 1790 года во всем повторяло прежний вариант². Первым из переводчиков был Т. Руссо, имя второго – русского, сделавшего перевод 1790 года, неизвестно. Роман произвел в обществе резонанс и заинтересовал литературную элиту. Так, Н. М. Карамзин, более, впрочем, пересказывая, чем анализируя переведенный с английского текст «Утопии», заключил о нем так: «Сия книга содержит описание идеальной, или мысленной республики, подобной республике Платоновой; но только слог англичанина не есть слог греческого философа. Сверх того, многие идеи его одна другой противоречат и вообще никогда не могут быть произведены в действо»³. Оценка Карамзина, очевидно, первая, в которой выражено критическое отношение к моровскому идеалу, показана эфемерность эталона английского

¹ Святловский В. В. Каталог утопии. М – П., 1923. С. 36.

² Валлич Э. И. Н. М. Карамзин – первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора // История социалистических учений. Сб. науч. ст. М., 1977. С. 244.

³ Карамзин Н. М. Философа Рафаила Гитлоде странствование в новом свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии. Перевод с Английского языка. Сочинение Томаса Мориса (Моруса). В Санкт-петербурге у Шнора 1790 года. // Московский журнал. 1791. Ч. I. С. 359.

писателя. Так, уже к концу XVIII века (рецензия Карамзина была опубликована в 1791 году) в русском литературном языке установилась семантическая связь утопии – образа политического устройства, реализованного в определенном локус-пространстве – и химеричности, несбыточности. Изобличительные ноты слышны и в статье другого известного литератора, беллетриста XIX века – В. Г. Авсеенко. «Авторъ разбилъ свою “Утопію” на двѣ части, рѣзко отличныя одна отъ другой. Первая, сравнительно меньшая по объему, служить введеніемъ во вторую и содержитъ въ себѣ много чрезвычайно дѣльныхъ, гуманныхъ и въ высшей степени благородныхъ идей; вторая, большая, составляетъ ядро всего сочиненія и наполнена нелѣпыми фантазіями...»¹. Критик называет нелепым политический идеал Мора, «ядро всего сочиненія», его Утопию. Отсюда следует, что на первых порах изучения художественного произведения слово «утопия» не имело еще нарицательного смысла. Ирреальные, несбыточные коннотации заключало в себе не слово, а описанное Мором политическое устройство. Под «утопией» понимался конкретный, не приобретший еще значения топоса художественный образ.

Однако в тот же период, когда было написано исследование Авсеенко, толковые словари запечатлевают иной взгляд. С позиции авторов словарных статей, слово приобретает уже более широкое значение, оно отрывается от своего текста-архетипа. Так, в X томе «Справочного энциклопедического словаря» А. В. Старчевского (1848) в ряду утопий перечислены художественный роман, сатирическая карта «*Tabula Utopiae oder Schlaraffenlad*» австрийского генерала Шребелина, примеры утопического в религии зелотов. На основании перечисленного можно заключить, что первоначально утопический вымысел далеко не обязательно должен был быть облечен в форму художественного произведения. Для составителя заметки, например, отсутствовало различие между рисунком, аллегорией и романом, которые были объединены по принципу тематического сходства.

¹ Авсеенко В. Г. Томасъ Моръ // Русское слово. 1860. № 11. Отд. III. С. 41.

Определенной вехой в изучении русской литературной утопии можно назвать статью выдающегося советского историка А. К. Дживилегова, написанную для Энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Именно в этом исследовании слову впервые присвоено значение художественного жанра. «Утопии, – отмечает автор, – являются постоянным литературным видом, находящимся на границе между чистой литературой и социально-политической философией»¹. Из примеров утопического, приведенных А. К. Дживилеговым, следует, что утопией является не обязательно отдельное законченное художественное произведение². «Очень много У[топии] в романах для юношества Купера, Жюль Верна, Лорн, Стифенсона»³. Так, задолго до теоретических работ Г. Морсона, Г. Гюнтера и Н. В. Ковтун был сделан шаг в сторону изучения утопии как метажанра.

Сатира и общественно-политическая проблематика как неотъемлемые составляющие утопического жанра впервые упоминаются в словарной статье И. Р. Эйгес (Литературная энциклопедия)⁴. Под утопией понимается здесь «попытка нарисовать будущее общество на основе критики реальных социально-политических отношений»⁵. Критика, или шире, сатира впоследствии станут восприниматься как обязательный компонент жанра. Так, в первой четверти XX века было определено то содержание термина «утопия», которым сейчас пользуются русские специалисты и которое поразительным образом созвучно представлению западных исследователей в области изучения теории жанра.

¹ Дживилегов А. Утопии / Брокгауз Ф.А, Ефрон И.А Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб. 1902. С. 77.

²Так, задолго до определения утопии как метажанра была проиллюстрирована ее способность встраиваться в структуру любого текста.

³ Там же.

⁴ Эйгес И. Р. Утопия // Бродский Н. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.: Л, 1925. Стлб. 994.

⁵ Там же.

Утопия как метажанр в контексте русской литературы

В 1990 году Т. А. Чернышева отмечала: нет еще определенного ответа на вопрос, что же такое утопия, границы жанра теряются в смежных областях. Здесь же со ссылкой на работу В. В. Святловского утверждалось, что у литературного вида «выработались свои традиционные манеры, свой условный язык»¹. Таким образом, утопия преподносилась как некое наджанровое явление с неопределенными границами. На наджанровую природу утопии косвенно указывалось в статье В. Недошивина «Джордж Оруэлл – беглец из лагеря победителей» (1990): «впрочем, условно... то, что мы называем сегодня утопией, куда мы причисляем и примитивный фантастический роман, и соц-философские трактаты, и просто то, что считаем высококлассной художественной литературой»². Вместе с тем, понимание утопии как метажанра не было сформулировано исследователем. То же, вероятно, следует сказать и о работе В. Шохиной «На втором перекрестке утопий» (1990): приведенные примеры («философский трактат», «литературное произведение»), свидетельствующие о наджанровости утопии, вместе с тем не привели автора к выводам теоретического или терминологического характера³. Подобная двусмысленность существовала в науке до 2002 года, когда была защищена докторская диссертация А. Е. Ануфриева. Среди заявленных исследователем задач упоминалось выявление метажанрового характера утопий и антиутопий, который проявляется в преодолении родовых и жанровых границ, актуализации в качестве наджанровых содержательно-формальных единиц⁴.

В 2004 году опубликована статья Н. В. Ковтун «Роман В. Ф. Одоевского “4338 год” и традиции интеллектуальной утопии в России»⁵. Автор исследования

¹ Чернышева Т. Русская утопия // Сибирь. № 6. 1990. С. 118.

² Недошин В. Джордж Оруэлл – беглец из лагеря победителей // Иностранная литература. № 3 (март). 1999. С. 168.

³ Шохина В. На втором перекрестке утопий // Звезда. № 11. 1990. С. 171.

⁴ Ануфриев А. Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. / А. Е. Ануфриев. М., 2002. С. 5.

⁵ Ковтун Н. В. Роман В. Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 5. С. 179.

характеризует утопию как метажанр, «вторичный жанр» по терминологии М. М. Бахтина»¹. Годом позднее Н. В. Ковтун изложила видение научной проблемы более развернуто в диссертации на соискание степени доктора филологических наук «Русская литературная утопия второй половины XX века»: «очевидно, что утопия – явление наджанровое, утопическое сознание воплощается и в романе, и в рассказе, и в драме, и в поэме»². Исследователь указала на литературоведческую (преимущественно европейскую) традицию изучения утопии как метажанра. По наблюдению Ковтун, принципы изучения утопии как наджанровой структуры были намечены в работах А. Петруччани, Г. Морсона, Г. Гюнтера³. Так, А. Петруччани указал на промежуточное положение «Утопии» Мора: между трактатом и рассказом⁴. В статье Г. Морсона были эксплицированы важнейшие характеристики антижанра или метажанра⁵. В работе Г. Гюнтера применительно к «Чевенгуру» Платонова был использован термин «метаутопия»⁶.

В книге, изданной в тот же период, в подразделе «Границы утопии», исследователь выразила собственный взгляд на природу метажанра. «Утопия постоянно стремится к аннексии смежных областей: с одной стороны, она объединяет в тексте, картине мира различные типы мирообразов и способы словесного моделирования мира (сказку, пастораль, поучение, исповедь), к которым восходит поэтика данного вида литературного жанра; с другой – вторгается в область идеала и идеального»⁷. Так был окончательно сформулирован качественно иной подход в репрезентации литературного вида: не отсутствие произведений утопического жанра, а наджанровость утопии как

¹ Там же. См. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Сб. избр. тр. М., 1986. С. 250 – 298.

² Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века: автореф. дис ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Н. В. Ковтун. Томск, 2005. С. 4.

³ Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск, 2005. С. 25.

⁴ Петруччани А. Вымысел и поучение. Структура утопии. «Утопия» Томаса Мора как исходная модель /// Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М., 1991. С. 103.

⁵ Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М., 1991. С. 233.

⁶ Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М., 1991. С. 252.

⁷ Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск, 2005. С. 20.

таковой. В монографии «Деревенская проза в зеркале утопии», вышедшей в 2009 году, исследователь посвятила целый раздел метажанровой природе утопического текста, рассмотрев связь и различие утопии и таких смежных видов художественной литературы как идиллия, повесть, роман. Н. В. Ковтун справедливо указала на то, что «повесть-утопия, роман-утопия, как и рассказ, поэма, драма, – генетически и структурно разные жанры»¹. Наблюдения ученого неоспоримы и ценны как для изучения теории жанра, так и для детального анализа отдельных его образцов, в том числе на материале литературы XVIII века.

Итак, долгое время в науке существовало направление, согласно которому русской литературе XVIII века отказывалось в наличии утопических жанровых форм. Так, итальянский ученый С. Грачиотти и самую, казалось бы, образцовую утопию столетия – «Путешествие в землю Офирскую» М. М. Щербатова рассматривал как «этико-политический трактат... заключенный удобства ради в утопические рамки»². На отсутствие утопий в русской литературе периода XVIII века есть косвенное указание и в работе Т. А. Чернышевой «Русская утопия». Исследователь называет первым текстом, написанным в традициях утопических произведений, вышедший в начале XX столетия роман А. Богданова «Красная звезда» (1908). Однако подобные оценки нуждаются в пояснении.

Так, почти одновременно с работой Т. А. Чернышевой выходит в свет монография С. Л. Бэра «Миф о рае в XVIII веке. Утопические модели в ранней светской русской литературе и культуре» (1991), в которой в качестве утопических рассматривается внушительный ряд сочинений. Среди них широко известные, такие как «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» Хераскова и тексты второго ряда, такие как «Письмо с Сатурна» неизвестного автора N. N. Показательно, что С. Л. Бэром понятие «утопический текст» трактуется гораздо шире, чем, его предшественниками С. Грачиотти, Т. А. Чернышевой, В. Шохиной и другими, в своеобразном наджанровом аспекте. Во время выхода в свет книги

¹ Ковтун Н. В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. С. 19.

² Грачиотти С. Функция утопии в русской литературе второй половины XVIII в. // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО. Минск: Наука и техника, 1985. С. 149.

американского слависта определение «метажанр» применительно к русской утопии еще не использовалось. Однако сейчас, оглядываясь на всю научную литературу по истории русской утопии и русского утопизма, мы можем утверждать, что исследование С. Л. Бэра выполнено в метажанровом ключе.

Обратившись к текстам словесности XVIII века, мы не можем не отметить перспективности этого пути. Ведь в литературе указанного периода едва ли найдется текст, который считался бы утопией без всяких оговорок. Чаще всего изыскания, авторы которых относят сочинение к утопическому роду, и труды, в которых используется иной термин, как-то: роман, памфлет, трактат, – сосуществуют. Нередко различные жанровые наименования одного и того же текста встречаются в рамках одной научной статьи. Это справедливо в отношении сочинения А. П. Сумарокова «Сон», называемом «небольшой повестью» даже в профильных работах¹ и не менее – применительно к «Нуме Помпилию» Хераскова, который характеризуют как «политический роман» даже специалисты по русской утопической мысли эпохи Просвещения². Действительно, гораздо более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой утопия только «встраивается» в какой-либо жанр. Репрезентативного материала в данном случае достаточно. Это и примеры утопического в политико-философском романе Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла», и утопические мотивы в фантастической повести В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». Примечательно, что С. Грачиотти, фактически отказавший литературе XVIII века в собственно утопических произведениях, находит различного рода утопические компоненты в «Описании земли Камчатки» (1755) Крашенинникова, в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***» (1772), в 109-й статье из «Всякой всячины» (1769), тем самым как бы подтверждая правомерность научного тезиса о наджанровой природе утопии.

¹ Бугров Д. В. Политико-правовые идеи в русской социокультурной утопии второй половины XVIII в. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV – XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 226.

² Артемьева Т. В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Альманах 12 «Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу». Материалы Третьей Международной Летней школы по истории идей 9 – 30 июля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 22.

Продолжая выше упомянутую мысль, следует отметить, что наджанровость утопии, оставленная без внимания учеными, приводит к чрезвычайному обеднению русской утопологии как дисциплины, словно возвращая науку к первой трети XX века, когда А. Свентоховский писал: «утопии неравномерно распределились по эпохам и нациям. Больше всего их произвели французы, затем англичане, затем немцы и итальянцы, а у славян можно отыскать только слабые зародыши их»¹. Однако история русской утопии преодолела огромный путь с начала XX века по начало века XXI-го. И теперь едва ли может быть оспорено, что первые русские утопии появились уже в XVIII столетии. Так, Н. В. Ковтун называет «Путешествие в землю Офирскую господина С. Швецкого дворянина» «крупнейшим утопическим сочинением»².

Между тем, утопология как ответвление русского литературоведения действительно молода. Этим отчасти объясняется терминологическая вариативность в названии жанра «Путешествия в Офир» М. М. Щербатова: социальный роман, политический роман, утопия. Не будет преувеличением заметить, что в ряду перечисленных жанровых форм в данном конкретном случае «утопия» занимает доминирующее положение, хотя последнее не является обязательным для других произведений эпохи. Например, то же наименование отнюдь не так просто коррелируется с произведением Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла», которое рассматривается С. Л. Бэрром как образец жанра.

Обоснованность термина метажанр очевидна и из структурных особенностей русской утопии. Она отнюдь не всегда тождественна целому произведению, элементы утопического жанра могут встречаться как во всем тексте (утопии авантюриста И. И. Тревогина), так и в отдельных его фрагментах и главах. Например, отрывок «Хотил. Проект в будущем» повести «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Исходя из размытых границ жанра (метажанра) мы полагаем возможным включение в разряд утопий и поэтических произведений: сатир, хоров (в том

¹ Свентоховский А. История утопий. Петербург, 1922.

² Ковтун Н. В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. С. 34.

числе одного из самых известных в XVIII веке – «Хора к превратному свету» А. П. Сумарокова), но ввиду рамок, заданных настоящим исследованием считаем правомерным ограничиться только прозаическими произведениями эпохи.

Истоки утопического метажанра в русской литературе

Как известно, слово «утопия» появилось в отечественном языке примерно в конце XVIII века, одновременно с изданием в русском переводе романа Томаса Мора. Между тем, отождествление слова с особым литературным видом происходит гораздо позднее. Лишь к началу XX века у «утопии» появляется значение художественного жанра, находящегося «на границе между чистой литературой и социально-политической философией»¹. Сегодня связь этих двух явлений (издание романа и появление нового термина, обозначающего жанр русской словесности) утратила былое значение. Уже с середины восьмидесятых годов выходят в свет исследования, авторы которых ставят своей целью показать иные истоки утопической традиции. В ряду первых образцов метажанра называются «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова, «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая Еразма². Подобные высказывания могут соседствовать с утверждениями о том, что в русской словесности вообще нет «примеров формально утопической литературы»³. Главной проблемой в данном случае является не источниковедческая база или метод, а вопрос аксиологии ученого.

Научная аксиология как проблема до сих пор не привлекала к себе пристального внимания ученых-утопистов. Однако ее значимость не является от этого менее очевидной. В качестве репрезентативного примера можно привести исследование В. В. Святловского «Русский утопический роман» (1922). Намереваясь описать «первые веки» истории утопизма в России, исследователь предлагает вниманию читателя перечень написанных в этом жанре произведений.

¹ Дживилегов А. Утопии / Брокгауз Ф.А, Ефрон И.А Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб. 1902. С. 77.

² Харитонов Е. «Русское поле» утопий: [Россия в фантазиях утопистов и фантастов; построение нового общества в утоп. и антиутоп. лит.]: Серия очерков // Если. 2001 URL http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_06.htm (дата обращения 12.11.2017) ; Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 26.

³ Грачиотти С. Функция утопии в русской литературе второй половины XVIII в. // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы межд. науч. конф. ЮНЕСКО. М., 1985. С. 149.

Взяв за основу клейнвехтеровскую классификацию, ученый называет первой утопией роман М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» (1784)¹. «Наши утопические произведения, – отмечает он, – располагаются хронологически в следующем порядке». Роман М. М. Щербатова, утопии М. М. Хераскова, «Российская Памела» П. Ю. Львова. Исследователь нарушает принцип хронологии. Но причина анахронизма в его собственных предпочтениях. На взгляд В. В. Святловского, «наиболее значительным (утопистом – Ю. Р.) после Щербатова *был* князь М. М. Херасков»². Этот пример лишь один из случаев, иллюстрирующих превалирование научной аксиологии над фактологией.

Первой задачей историка русской утопии является правильный выбор текста, который следует считать основой метажанра, его архетипом. Можно искать утопии в средневековой книжности, в литературе петровской поры, однако решающее значение в отборе произведений играет их типологическое сходство с первоисточником – романом Томаса Мора. Доказывать, что данный текст является первым образцом метажанра нет необходимости. В знаменитой классификации Клейнвехтера отсутствуют утописты до Т. Мора. В Словаре литературных утопий В. Фортунати сообщается, что «границы» утопического жанра заложены в «Золотой книжечке»³. К аналогичным выводам в статье «Вымысел и поучение: Утопия как литературный жанр» приходит А. Петруччани⁴.

Обратившись к русским толковым словарям, можно убедиться, что определение утопии (художественной, философской, социально-политической) – «родилось» из попытки объяснить идейные и композиционные черты этого произведения. Первой из них является критика реального общественно-политического устройства: изображение **«важнѣйшихъ темныхъ сторон**

¹ Kleinwüchter F. V. Bibliotheca utopistica – Katalog einer Merkwürdigen Summlung von Werken utopistischen inhalts 16-20 Jahrh, aus Nachlasse Ludwig Hevesi mit einer Einleitung.

² Святловский В.В. Русский утопический роман. Петроград, 1922. С. 28.

³ Fortunati V. Utopia as a Literary Genre // Dictionary of Literary Utopias, ed. by Vita Fortunati and Raymond Trousson. Paris: Champion, 2000. P. 635.

⁴ Петруччани А. Вымысел и поучение: Утопия как литературный жанр//Социокультурные утопии XX века. 1987. Вып. 4. С. 177.

существующего порядка» (Брокгауз, Эфрон)¹. Другую особенность составляет описание государственно-правового идеала. Кроме этих неперенных характеристик всякого утопического текста, существуют такие, которые мы бы отнесли к факультативным, необязательным. Это связь утопического эталона с будущим и наличие в тексте фигуры рассказчика. Анализируя первое из указанных свойств утопического нарратива, следует отметить, что действие ряда русских утопий разворачивается в прошлом. Ретроспективен утопический роман князя Хераскова «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768). Образ прошлого идеализируется в «Новейшем путешествии, сочиненном в городе Белеве» (1784) Левшина. Главным мотивом повести является воспетый поэтами Античности «золотой век». Говоря о фигуре рассказчика и, стало быть, о диалоге как неперенном условии всякого утопического текста, следует отметить, что эта форма может отсутствовать в таких произведениях, действие которых происходит во сне, например, «Сон» (1759) А. П. Сумарокова. Необязательным для утопии является и мотив путешествия. Он не имеет большого значения и, для так называемых эпистолярных утопий². Таким образом, в ряду несомненных причин отнесения сочинения к жанру утопии следует назвать изображение социально-политического идеала и сатиру на настоящее. Исходя из двух этих элементов утопического метажанра, можно найти его истоки в русской литературе.

Более обоснованной, полагаем, можно считать точку зрения, согласно которой русская утопия появилась в период европеизации, в XVIII веке³. Таким образом, научные представления В. П. Шестакова⁴, Т. А. Чернышевой⁵, С. Л. Бэра⁶, Н. В. Ковтун⁷ следует считать традиционными. Воззрение о

¹ Дживилегов А. Утопии / Брокгауз Ф.А, Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб. 1902. С. 76 – 77.

² Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения. автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Е. Е. Приказчикова. Екатеринбург, 2010. С. 6.

³ Чернышева Т. А. Русская утопия // Литературно-художественный и общественно-политический двухмесячник. Сибирь. 1990. № 6. С. 122.

⁴ Русская литературная утопия / Сост, общ. ред., вступит статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 13.

⁵ Чернышева Т. А. Русская утопия ... С. 122.

⁶ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... 1991.

⁷ Ковтун Н. В. Становление русской утопической парадигмы. Опыт жанрового анализа // Философский век. История идей как методология гуманитарных исследований. Программы спецкурсов. СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей. 2001. Альманах 14. С. 205.

появлении утопии в Древней Руси можно принять с теми лишь замечаниями, что, это была утопия социальная, а не «в полном смысле слова литературная»¹.

Настоящий переворот в российской утопиологии приходится на 1995 год, когда в Париже издается знаменитая монография Л. Геллера, М. Нике «Утопия в России». В отличие от своих предшественников, ученые заявили о более глубоких, средневековых корнях метажанра. Монография сразу получила признание в научной среде, и это во многом определило ход российской утопиологии. С. Л. Бэр посвятил изданию отдельный очерк, опубликованный *The Slavic and East European Journal* в 1998 году. Его рецензия начиналась с заявления: «Излагать историю утопий и утопических идей в России сродни описанию истории русской культуры. Проблема утопии является одной из наиболее ключевых в российской ментальности: от “обнаружения” земного рая в эпоху Средневековья до утвержденной утопии Советского государства и по настоящий день»². Заголовок статьи «*Re-Searching Utopia*» отражал суть нового взгляда на историю метажанра в России. Автор словно отменял ценность озвученных ранее *собственных* научных выводов об истории литературной утопии XVIII века и провозглашал единственно верным метод Л. Геллера и М. Нике.

Между тем, в рассуждениях исследователей имеет место некоторая двусмысленность: отмечая, что «говорить об утопии в древнерусской литературе – анахронизм»³, они уже в первой главе называют в качестве примеров утопического рассказы о земном рае, апокрифическое сказание «Хождение св. Агапия к рахманам» (XII – XIII) и, таким образом, опровергают собственный постулат о том, что Средневековая Русь утопий не знала. Специфичность труда заключается и в отождествлении понятий *утопия* и *утопизм*. Так, термин «утопия» употребляется Л. Геллером и М. Нике одинаково по отношению к литературным произведениям и целому периоду царствования Ивана Грозного –

¹ Русская литературная утопия / Сост, общ. ред., вступит. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 13.

² Baer S. L. Review: *Re-Searching Utopia*. Reviewed Work: *Histoire de l'utopie en Russie* by Leonid Heller, Michel Niqueux // *The Slavic and East European Journal*. 1998. Vol. 42. № 3. P. 517.

³ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. Санкт-Петербург, 2003. С. 15.

«губительная утопия Ивана IV» (1560 – 1584)¹. В другом месте утопией называется идеал «Святой Руси».

Вероятно, эта специфичность терминологии не была замечена как зарубежными, так и российскими исследователями. После выхода монографии ее авторы получили известность как «слависты», невзирая на то, что оба являются специалистами в области русской литературы XX века. В единственном критическом отзыве о монографии Л. Геллера и М. Нике, принадлежащем А. Б. Блюмбауму, представлено несоответствие между содержанием и предметом исследования. «Не думаю, что у авторов получилась история в собственном смысле слова, – отмечает автор, – их книжка скорее является каталогом русских утопических проектов, расположенных диахронически, или, точнее, комментарием к собранной учеными и весьма любопытной библиографии утопических текстов и работ о них. При этом в основном тексте работы не очень много нового материала... Сочиняя работу об утопии, – отмечает Блюмбаум, – можно было, на мой взгляд, двигаться двумя путями: или последовательно филологически работать с жанрами и риторическими стратегиями утопического дискурса, или столь же последовательно пытаться философски отрефлексировать утопическое мышление, понять, какие мыслительные ходы являются утопическими. Французские ученые останавливаются на полпути...»². Статья Блюмбаума, вышедшая в свет в одном из номеров ежедневного сетевого издания 2003 года, прошла незамеченной для большей части ученой общественности.

Незамеченным осталось и то, что к анализу русской литературы Л. Геллер и М. Нике подошли с набором европейских архетипов. В их рассуждениях о «земном рае» слышны отзвуки работы румынского культуролога М. Элиадэ «Миф о благородном дикаре» и отсутствуют отсылки к трудам знаменитых российских исследователей средневековой культуры, таких, как Д. С. Лихачев³,

¹ Там же. С. 25.

² Блюмбаум А. Политическая история как утопический радикализм // Русский журнал. Круг для чтения. URL http://old.russ.ru/krug/kniga/20031215_ab.html (дата обращения 12.11.2017)

³ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; Его же. Развитие русской литературы X – XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973.

А. Н. Веселовский¹, В. Ф. Ржига², Н. С. Тихонравов³ и др. По существу же, западное и русское представления о земном рае имеют много отличного. Парадиз всегда совмещен с гедонистическими образами *insulae fortunatae*: «изумительные пейзажи», изобилие плодов, «красота туземных девушек». Поэтому, отмечает М. Элиаде, «вся литература о дикарях является ценным материалом для изучения мышления западного человека: она раскрывает его стремление к условиям Эдема»⁴. Сходные описания «земного рая» можно встретить у Л. Геллера и М. Нике: «удаленность», островное положение, труднодоступность, отсутствие зла, денег, естественный достаток, упорядоченная половая жизнь, счастье, красота, мир... и проч. Повествование о «земном рае» в Древней Руси было иным. Оно было отлично и от тех описаний, которые содержат **переводные** сочинения сходной тематики («Житие св. Агапия», «Слово о рахманах и предивном их житии»). Истинность данного наблюдения видна на примере сравнения западных сочинений о диковинных землях и оригинального, русского текста о земном рае – «Послания Василия Новгородского».

Сказание о рахманах, населяющих острова блаженных дошло до нас во множестве вариантов. Один из них, в составе «Александрии Сербской», относится к XV веку. Другой, более ранний, содержится в составе греческого апокрифа X века «Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Зосимы». Текстологические, историко-культурные связи этих памятников были прекрасно проиллюстрированы А. Н. Веселовским в первом выпуске исследования «Из истории романа и повести»⁵. Позволим себе в рамках данного изыскания ограничиться отсылкой к этому труду.

Примечательно, что и в том и в другом повествовании райские острова вполне доступны обычному человеку, будь то царь, или пустынный Зосима. В

¹ Веселовский А. Н. К вопросу об источниках Сербской Александрии // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Июнь. С. 182 – 197.

² Ржига В. Ф. Новая версия легенды о земном рае // *Byzantinoslavica*. Roc. II. 1930. S. 374 – 385.

³ Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863.

⁴ Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_BIDik.php (дата обращения 12.11.2017).

⁵ Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. I. // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Греко-византийский период. СПб., 1886. См. главу «Страна блаженных в Александрии и рахманы-рехавиты в Хождении Зосимы».

обоих произведениях мерцает топка Эдема: земля сама дает благоуханные плоды, из корней деревьев исходит сладкая вода. Тем не менее, отнести эти тексты к рассказам о «земном рае» сложно. Напротив, в них есть черты, свидетельствующие о принадлежности к утопическому метажанру: идеализация определенного локуса (государства, страны), имплицитная критика современного цивилизованного мира. Так, совершенные рахманы противопоставляют себя прочим народам: «Услышите, сынове челоуѣчьстии, яко у насъ... ни сосуда, ни желѣза, ни дому, ни зданий, ни огня, ни ножа, ни иного желѣза»¹. У мудрецов отсутствует календарь. Вместе с тем, очевидно, что о системе счисления времени они осведомлены и отказались от нее не по незнанию, а из стремления к нравственному совершенству – чтобы проводить «все дние аки единь». В довершении, выступающий в роли рассказчика островитянин, делится с Зосимой суждениями о других странах света, подчеркивая этим исключительность своего этноса: «Свѣмъ ж о мирѣ вашемъ, иже суть ли праведнии, или грѣшнии; дѣла ваша свѣмы»².

Границу между иностранными и оригинальными сочинениями Л. Геллер и М. Нике не проводят. Между тем, для истории **русской** литературной утопии важно возникновение первых **самобытных** образцов метажанра. Так, в отличие от западных сочинений о счастливых островах, древнерусский рассказ о «земном рае» имел нравоучительное содержание и развлекательную цель не преследовал. Пример тому – «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае» (1347). Вместо ярких образов «terra beata», культа беспопечительности и комфорта, читателю предлагается вселяющий трепет короткий рассказ о «земном рае», который видели Мстислав-новгородец и его сын Иаков.

«И вѣдѣша на горѣ той написанъ дѣиисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ, паче мѣры, яко не челоуѣчьскыма рукама творень, но божиею благодатью. И свѣтъ бысть в мѣстѣ томъ самосиянень, яко не мочи челоуѣку

¹ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863. С. 87.

² Там же.

исповѣдати»¹.

Сюжет о путешественниках, нашедших «земной рай», имеет множество аналогий в западных, прежде всего, средненемецких сказаниях². Эти связи были продемонстрированы в статье Веселовского «Параллели къ сказанію о “Новгородскомъ Раѣ”»³. На основании описанного можно сделать вывод, что к рассказу о рае следует отнести только «Послание Василия Новгородского» (1347). В иностранных источниках Эдем существует как фантазия, человеческая выдумка, догадка. Встретив на своем пути огромную стену или гору до неба, путешественники решают, что за нею скрыт от людей «земной рай», потому лишь, что всякий, кто отправляется проверить это – уже не возвращается. Таким образом, тайна места остается неразгаданной. В легенде, которая включена в состав книги «Приключений Сэра Джона Мандевиля» (XIV), описание рая «на востоке» и вовсе имеет много inferнального: «Рай обнесень стѣнами, расположенными крестообразно, обросшими плющемъ и мохомъ. Къ нему одинъ лишь путь, по которому безъ помощи Божіей не можетъ пройти ни одинъ смертный, потому что ему угрожаетъ тамъ пламя, великая тьма и дикія звѣри»⁴. Как следствие, закономерно, что эпизоды о рае в составе древнегерманских сказаний и книги Мандевиля относятся Веселовским к «баснословнымъ рассказамъ о странахъ незнаемыхъ»⁵. Иная по своему содержанию история о новгородцах, видевших близ Белого моря «райские горы». Дети и внуки очевидцев живы и ныне, – сообщает Василий Калика. Снабжая описание свидетельствами очевидцев, автор усиливает былевой характер сказания.

Итак, рай, описанный в «Послании» Василия Новгородского совершенно отличен от примеров *terra beata*, которые можно встретить в переводной литературе. «Райские горы», преграждающие вход на святую «твердь» смертным

¹ Послание архиепископа Новгородскаго Василия к владыце тверскому Феодору // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века (Далее – ПЛДР). М., 1981. С.46.

² Веселовский А. Н. Параллели к сказанию о «Новгородском рае» // Филологические Записки. 1875. Вып. III. Отд. «Историко-литературные заметки». С. 1–7.

³ Там же. С. 5.

⁴ Цит. По Веселовский А. Н. Параллели к сказанию о «Новгородском рае» // Филологические Записки. 1875. Вып. III. Отд. «Историко-литературные заметки». С. 7.

⁵ Там же. С. 6.

людям, нельзя сравнить ни с ветхозаветным Эдемом, ни с «обетованной землей», ни с островами блаженных. Это «Горний Иерусалим», подразумевающий встречу со Христом. В пути герои перерождаются. В противоположность, пребывание на «острове блаженных» не требует духовного преображения ни от Александра Македонского, ни от пустычника Зосимы. Иноземцы лишь дивятся «предивному житию» рахман, образу их мысли, нравам и обычаям. На фоне европейских сюжетов о «земном рае», древнерусский – глубоко религиозен и драматичен. Текст имеет подчеркнуто христианский смысл. Указаны такие детали, которые имеют отношение к православному обряду: нерукотворный образ Деисуса, увиденный близ «высоких гор» героями рассказа.

Изображение это, – отмечает автор «Послания», – написано лазорем чудесным и сверх меры украшенное, как будто не человеческими руками созданное, но божиею благодатью. Согласно православной традиции, эта икона располагается над центральным входом в алтарь. Используя для анализа тексты древнейших источников, таких, как Новгородская первая летопись, Н. К. Голейзоковский обнаружил, что во времена архиепископа Василия алтарные врата носили имя «райских врат»¹. На это же есть косвенное указание в статье Э. С. Смирновой: «Может быть, в Новгороде в старину встречались не только иконостасы типа Софийского 1341 г., с ярусом из двенадцати праздников, но и другие разновидности декора алтарной преграды, послужившие исходным мотивом для длинного ряда трансформаций в более позднем северном искусстве. В частности, мог существовать и тип темплона с Христом или “Деисусом” в центре и евангельскими сценами по сторонам»². В отличие от переводных сказаний о диковинных землях, древнерусский рассказ о рае имеет своим нравственным ориентиром образ Христа.

Идейное своеобразие рассказа о новгородцах отразилось и на его жанровой природе. В отличие от западных легенд об «островах блаженных», которые, как показали А. Н. Веселовский и Я. С. Лурье, принадлежат к «памятникам

¹ Там же.

² Смирнова Э. С. Два примера убранства иконостасного тябла на Севере // Средневековая Русь. М., 1976. С. 354 – 355.

утопической мысли Древней Руси»¹, история о новгородцах – имеет иную жанровую природу. Отличительные черты рассказа архиепископа Василия позволили Голейзоковскому сделать вывод об уникальности произведения. Тогда как древненемецкие сказания о рае следует относить к жанру приключения, сведения, изложенные владыкой Василием, легли в «основу философской притчи»².

Доминантные для русской культуры идеи – покаяния, воскресения, христоцентризма, будучи осмыслены французскими учеными в рамках атеистического мировосприятия, привели их к неожиданным выводам. «Православие во всех своих аспектах – источник русского утопизма»³. Эта словесная формула во многом предопределила все последующие выводы ученых. Отождествив религию и утопию, исследователи тем самым «вычеркнули» целый период в истории русской литературы – Средневековье, включающий ряд житийных произведений, мученики и гомилии. В этой связи не удивительно, что «Повесть о Петре и Февронии муромских» и «Правительница» (1549) Ермолая-Еразма рассматриваются западными учеными как утопические произведения⁴.

«Для Ермолая-Эразма, псковского монаха, затем священника одной из церквей Кремля **все социальные отношения...должны основываться на Троице**, источнике и образце христианской любви, описанной им в *Повести о Петре и Февронии*. Ермолай написал *Правительницу* которую Клибанов называет “**утопией социальной гармонии**» [Клибанов 1977, 34 – 54]»⁵.

В действительности, этот фрагмент монографии иллюстрирует рецепцию Л. Геллером и М. Нике трудов А. И. Клибанова. Специалист в области народных утопических легенд, Клибанов изучал идейное наполнение текста, естественно, гораздо в большей мере, чем его художественные особенности. Литературоведы

¹ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 175 – 177; Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. I. // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Греко-византийский период. СПб., 1886. С. 305.

² Голейзоковский Н.К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV века. // Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 42 – 67.

³ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб, 2003. С. 15.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же.

Л. Геллер и М. Нике, используя наблюдения историка Клибанова, пришли к выводу, что оба текста являются художественными утопиями, тем самым исключив значимое для русской литературы отличие фантастики и утопии, агиографии и утопии.

В. П. Шестаков называет такое отличие утопии от фантастики, как присутствие в тексте футурологического прогноза. Научная фантастика, по мнению ученого, «далеко не всегда занимается построением возможного образа будущего»¹. Очевидно, при более пристальном изучении образцов метажанра следует отметить, что не всегда конструирование будущего имеет место и в утопическом тексте. Его лишены произведения, действие которых происходит во сне, или так называемые ретроспективные утопии. Более обоснованным в данном случае является указание на наличие социально-политической критики, с которой метажанр утопии связан генетически. «Скептическую, ироническую направленность утопии по отношению к современному ей социуму» называет константной чертой жанра А. Петруччани². Наблюдениям ученого вторят отечественные утопиологи. Наряду с идеализирующей тенденцией утопии, выделяет критическую С. А. Гончаров³. Сатира на современные общественные и государственные установления, действительно, всегда в утопии присутствовала, — отмечает Т. А. Чернышева⁴. Вместе с тем, сатирический подтекст нерелевантен для фантастики.

Еще более отчетливые отличия можно увидеть между агиографией и утопией. Достижение царства Божьего на земле, которое осмысляется как утопия непосвященным сознанием, является вполне реальным с точки зрения верующего человека. В то же самое время теологическая максима, что «несть бо власти аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть» (Рим.13:1) исключает прямую критику господствующего политического устройства. Даже в тех случаях, когда

¹ Русская литературная утопия / Сост., общ. ред., вступит. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 11.

² Петруччани А. Вымысел и поучение: Утопия как литературный жанр // Социокультурные утопии XX века. 1987. Вып. 4. С. 177.

³ Гончаров С. А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор. Вопросы поэтики. Сб. науч. тр. Волгоград, 1990. С. 39.

⁴ Чернышева Т. А. Природа фантастики. Иркутск, 1985. С. 324.

неправота власти очевидна, это описывается как поущение божие за грехи народа, чем исключаются сатирические и обличительные выпады в адрес правительства.

Если учесть, что утопией является изображение идеального общественного устройства на основе критики современного правления, то не следует относить к утопистам православного писателя и публициста Еразма. Ни в «Повести о благоверных князьях», ни в «Правительнице» автор не поместил сатиру на настоящее. В сочинении, посвященном Петру и Февронии муромским, он «нарисовал идиллическое царство любви и правды под началом “благохотящего” правителя», его сочинение «Правительница» и вовсе представляет собой проект реформ, реализация которых полностью зависит от царя¹.

Текст нельзя назвать литературной утопией и потому, что он не является художественным. По выражению Т. А. Колесниковой, произведение представляет собой «проект реформ» и в то же время «наставление», обращенное к царю Ивану IV. Как правильно заметили французские исследователи, автор указывает на распространившиеся разбой и пьянство. Однако от сатиры повествование отлично. Ермолай не обличает общественные пороки и недостатки государственного правления, подобно писателям-утопистам. Напротив того, язык его насыщен конструкциями с сослагательным глагольным наклонением.

«Аще убо сам царь во всѣх своих градѣх елико восхоцет...»²

«Аще ли же царь восхоцет, дабы воинство его противу ратным во един день собиралося»³.

«Аще ли же сам царь восхоцет, дабы ему за всю землю не отвещати...»⁴

Указывая на греховную жизнь своего народа, автор отмечает, что ее исправление зависит от Бога и от помазанника Его – Царя. Предложения Ермолая-Еразма чужды художественного вымысла. В этом их главное отличие от классических утопий, в частности, романа Томаса Мора.

¹ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 49.

² Ермолай-Еразм. Аще восхотят царем правительница и землемерие // Библиотека литературы Древней Руси. Т. IX. СПб., 2000. С. 478.

³ Там же. С. 482.

⁴ Там же.

Упоминаемая западными исследователями «Повесть о Петре и Февронии» имеет к метажанру утопии еще более отдаленное отношение. Вряд ли возможно, например, согласиться с тем, что благоверные князья – это легендарные личности. Из истории мы знаем, что к середине XVI столетия они уже местно чтимы как «новые чудотворцы», а в 1547 году прославлены на Московском церковном соборе. Таким образом, ни то, ни другое сочинение автора невозможно отнести к утопическому метажанру. Несмотря на излишнюю категоричность выводов Л. Геллера и М. Нике, идеи французских ученых можно обнаружить во множестве новейших исследований по русской утопии.

В 2000-м году была опубликована работа Т. В. Чумаковой «Утопия в Древней Руси», в которой исследователь повторяет большую часть утверждений иностранных специалистов. Вслед за Л. Геллером и М. Нике она отмечает, что в России утопия не ограничивается каноном жанра, созданного Томасом Мором, при этом почти дословно воспроизводятся постулаты западных ученых.

Геллер Л. , Нике М. «Утопия в России»

«История утопии в России не может ограничиться только обзором текстов, отвечающих канону литературного жанра, созданного Томасом Мором. Утопии письменные (литературные и нелитературные), утопии практические (опробованные на деле), а также утопизм сам по себе наслаиваются и образуют сложное целое... Утопия движется утопизмом, особым образом мыслей, «принципом надежды», воспетым Э. Блохом»¹.

Чумакова Т. В. «Утопия в Древней Руси»

«Утопия в России не ограничивается литературными канонами жанра, созданного Томасом Мором. Утопия письменная (литературная и нелитературная), утопия практическая (реализованная) и утопизм в древнерусской культуре соединяются в единый комплекс. Утопизм, по выражению Эрнста Блоха, это «принцип надежды», формирующий «утопическое поле»².

¹ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 5 – 7.

² Чумакова Т. В. Утопия в Древней Руси // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы международной конференции 27 – 28 июля. СПб., 2000. С. 188.

Сходство методологии отразилось и на структуре научных рассуждений Т. В. Чумаковой. Она классифицирует известные образцы жанра как утопии бегства, перестройки, воздействия. Усматривая в религии утопическое начало, относит к жанру утопии сказания «о земном рае». При этом в качестве репрезентативного примера выбирается притчевое «Послание Василия Новгородского». Согласно классификации автора – это утопия бегства. В том же контексте называется легенда об острове Буяне, вопреки тому, что ученые-словесники относят заговоры к апокрифической литературе¹. Изыскания медиевистов, историков литературы исследователем не учитываются. Утопия для нее – это, прежде всего, мечта, легенда, концепция, а не художественный текст, имеющий отношение к тому или иному типу культуры. Поэтому памятники отреченной письменности и агиография рассматриваются Т. В. Чумаковой в одинаковой степени как утопические тексты. Трудно отнести к утопии и указанное исследователем описание правления «царя от нищеты» в составе «Жития Андрея Юродивого». Прежде всего (используя терминологию Т. В. Чумаковой), это произведение не представляет собой образец «традиционной культуры». Памятник переведен с греческого в конце XIV – начале XV веков.

В 2007 году издается «Исторический путеводитель» Б. Ф. Егорова, в котором идеи Л. Геллера, М. Нике также используются для анализа российских утопических произведений. Книга получила положительные отклики не только у крупных филологов, но и у публицистов. Рецензенты единогласно указывали на несомненное новаторство научного подхода, фундаментальность исследования. «Утопии и антиутопии дореволюционной эпохи представлены в книге... с такой полнотой, что автор имел все основания определить жанр своей работы как “исторический путеводитель...», – отметил Борис Виттенберг, постоянный обозреватель журнала «Новое литературное обозрение»². Свой отзыв он довершил еще более восторженным высказыванием: «Это поистине

¹ См. об этом Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. (К истории византийской отреченной письменности). Одесса, 1901. С. 10.

² Виттенберг Борис Путешествия в мир утопий // Новое литературное обозрение (далее – НЛО). 2008. № 93. С. 329.

«Исторический путеводитель» в полном смысле слова – русская литературная утопия рассматривается здесь как лишь одно из проявлений (хотя, возможно, и самое яркое) всеохватывающего российского утопизма»¹. Ту же особенность книги сочла нужным отметить в своей рецензии и Н. Н. Соболевская:

«Главный вывод, к которому ведет читателя Б. Ф. Егоров, – пишет исследователь, – и который складывается сам собой, это “всеобщность” присутствия утопического феномена, генетическая укорененность его в русском сознании и русской жизни»².

По мнению Б. Ф. Егорова, *«каждая утопия в какой-то степени религиозна»*³. Следует заметить, что подобная широта понятия неизбежно проистекает из представленного в монографии определения утопии. Под ней понимается «желаемое устройство общества или личности в свете представлений об идеалах»⁴. Так, религия дает человеку надежду беструдной жизни. Отсюда, отмечает автор, и истолкование христианской морали: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...»⁵. Другие примеры, приведенные автором по принципу смысловой градации, иллюстрируют, что книжная христианская культура и фольклор для ученого не имеют принципиальных различий: «Работа не волк, в лес не убежит», «От работы не будешь богат, а будешь горбат»⁶. Основываясь на истории «многовекового рабства», Б. Ф. Егоров отождествляет утопические чаяния и христианство: «недаром в большинстве религий выработалось понятие рая», – отмечает исследователь⁷. Вместе с тем, у рядового русского читателя подобные выводы могут вызвать недоумение. Пример тому – рецензия К. А. Степаняна: «...Памятуя об ответственности за слово, не надо бы, думается,

¹ Там же.

² Соболевская Н. Н. Рецензия на книгу Б. Ф. Егорова «Российские утопии: Исторический путеводитель» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 2. С. 166.

³ Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 15.

и самому Б. Ф. Егорову в начале книги писать: “Рай, пожалуй, самая древняя утопия во всей мировой литературе”»¹.

Следует заметить, что озвученные в «Историческом путеводителе» идеи не принадлежат всецело Б. Ф. Егорову. В Предисловии к книге ученый отмечает: «до новейших исследований, особенно до указанной в примечании книги Л. Геллера и М. Нике... обилие русских утопий не было известно мировой общественности»². Вместе с представлениями о масштабности российского утопизма историком были заимствованы элементы атеистической аксиологии. Так, анализируя образ рая в древнерусской словесности, автор исключает тот факт, что сама эта словесность была глубоко религиозной, христианской. Именно поэтому рай и «блаженное место, созданное богами», используются в тексте Б. Ф. Егорова как синонимы³. «Блаженному месту» (Аркадия, Елисейские поля) приписывается значение *топоса русской литературы*. Первым утопистом также называется Ермолай-Еразм, «Правительница» – вершиной его «социального творчества», и вслед за Л. Геллером и М. Нике упоминается в ряду утопий «Повесть о благоверных муромских князьях». Между тем, аргументы в пользу жанровой категоризации последней сомнительны.

«Он [писатель – Ю.Р.] явно же с симпатией относился к умным и работающим крестьянам [подразумевается Феврония – Ю.Р.], и вообще был гуманистом в своих утопических идеалах. Конечно, ему симпатична и любовь человеческая (как и Божья!)...». *И далее*: «Разумеется, все идеалы и построения Ермолая-Еразма были абсолютно утопичны при реальном русском самодержавии, тем более при Иоанне Грозном»⁴.

Из рассуждений Б. Ф. Егорова остается не ясным, на каком основании житийное произведение рассматривается в книге о российских утопиях. Вместе с тем, данный подход пришелся по вкусу критикам и был преподнесен читающей

¹ Степанян К. А. Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель // Знамя. 2008. № 5. С. 217.

² Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 4.

³ Там же. С. 19.

⁴ Егоров Б. Ф. Российские утопии ... С. 29.

публике как элемент новой, нестандартной методологии. Почти сразу после выхода издания в свет газета «Литература» публикует отзыв Максима Батшева. Автор с восхищением замечает: «Оказывается, историю идейных исканий русского общества можно представить как историю складывания литературных утопий... Это и сделано в новой книге известного литературоведа Б. Ф. Егорова. Первым русским утопистом Борис Фёдорович называет жившего в XVI веке московского протопопа Ермолая-Еразма, написавшего известную “Повесть о Петре и Февронии муромских”, воспринимаемую как гимн любви и праведной семейной жизни. Но это только поверхностный смысл произведения, другим, более глубоким смыслом в “Повести”, представляется историку апофеоз ума и сноровки Февронии, пронизывающий весь рассказ»¹.

Монография Л. Геллера, М. Нике и «Путеводитель» Б. Ф. Егорова – не единственные исследования, в которых первой утопией назван древнерусский текст. В 2005 году издаются историко-литературные этюды А. В. Харитонova ««Русское поле» утопии». Автор провозглашает первым образцом метажанра «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова. Произведение довольно сложно отнести к классической утопии. В. В. Кусков называет его «памфлетом»². В центре повествования – образ идеального правителя, монарха-правдолюбца, выстраивающего государственные отношения с помощью «веры» и «правды». При этом царь Магмет не представляет собой образец гуманности. Так, узнав о лихоимстве судьи, царь не ставит ему это в вину, только повелевает с живого кожу содрать, говоря: «егда на немъ кожа наростеть, тогда ся ему и пени отдасть»³. Подобные установления царя автор не только одобряет, но и полагает «грозную мудрость» основой порядка в стране⁴. Эта справедливость, граничащая с жестокостью, напоминает порядки царя Ивана IV. Как заметил

¹ Батшев М. Книжная полка // Литература. № 12. 2007. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200701220> (дата обращения: 12.11.2017)

² Кусков В. В. История древнерусской литературы. М., 1998. С. 208.

³ Сказание Ивана Пересветова о царе Турском Магмете, како хоте сожещи книги греческия // Ученые записки Казанского университета. 1865. С. 26.

⁴ Михайлова А. В., Михайлова Т. В. Вера и правда в текстах Ивана Пересветова как часть политической терминологии московского царства, или Чему турецкий султан может научить русского царя // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 129.

С. В. Перевезенцев, политические взгляды автора совпадали с теми, которые *впоследствии* выдвигал Иван Грозный¹. Несмотря на то, что образ правителя, описанного Пересветовым, далек от идеала, в «Сказании» отсутствует один из главных компонентов утопического метажанра – критика современного правления.

Итак, оригинальных русских утопических произведений в Древней Руси не было. Средневековая книжность, воспроизводящая теоцентрическую модель «нет власти иже не от Бога», была лишена злободневности как составляющей всякого утопического нарратива. Те же произведения, которые включали в себя элементы социально-политической сатиры и могли быть отнесены к утопическому жанру («сказание о рахманах»), имели иностранное происхождение. Первая русская литературная утопия, таким образом, не могла появиться до того, как начался процесс секуляризации. Таким образом, вслед за группой ученых-традиционалистов следует назвать временем появления первых образцов жанра правление императрицы Елизаветы.

¹ Русская социально-политическая мысль XI – XVII вв. Хрестоматия / Сост. С. В. Перевезенцев. М., 2011. С. 228.

Эвномия и дисномия. Опыт обоснования понятий

Общеизвестно, что слово «утопия» является придуманным. Неологизм Томаса Мора восходит к двум греческим словам: отрицательной частице «οὐ» и существительному «τόπος», обозначающему «место». Любопытно, что в толковых словарях, например, в Словаре живого великорусского языка В. И. Даля, этимология моровского неологизма объясняется не через национальную принадлежность автора, а посредством указания на происхождение отдельных частей словоформы – «греч»¹. Заглавие, содержащее неологизм греческого происхождения, написано на латыни. И в этом оказалась главная сложность для историков и теоретиков жанра. В романе описан остров (*insula Utopia*), которого не существует в реальности, своеобразная «Нигде́йя». Однако творческая мысль породила иные вариации названия – «Идеальное место» от греческого наречия «εὖ» – «хорошо» и существительного «τόπος».

Известно, что в эпоху Средневековья (и более поздние периоды) диграф «ευ» не был тождественен по звучанию «ου». В словаре А. Д. Вейсмана отмечены два примера, когда подобное встречалось, но оба они имеют отношение к литературе Античности. В английском варианте сочетание «eu» звучит как [ju:], что сближает его с [u]. Для этимологии слова эти детали едва ли имеют какое-то значение. Неологизм Мора, записанный на латыни, имел единственный смысл – «не место», «место, которого нет». Композиционные особенности романа, большую часть которого занимает описание совершенного государственного устройства, не должны становиться причиной лингвистических спекуляций по поводу двойственного смысла названия. Довольно странно выглядит утверждение В. А. Чаликовой о том, что «двойной интерпретацией своего термина Т. Мор создал серьезные трудности в определении жанра»².

Нелегко найти работу, в которой английскому романисту впервые была присвоена мысль о создании слова со значением «благое место». Однако

¹ Даль В. И. Утопия / Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. IV. СПб. – М., 1882. С. 536.

² Чаликова В. Утопия рождается из утопии URL: <http://chalikova.ru/utopiya-rozhdaetsya-iz-utopii.html> (дата обращения: 12.11.2017)

появление эвтопии (eu-tori-i) в истории изучения жанра отследить можно. Термин встречается у С. Л. Бэра (1991) и обозначает тип утопии, в которой панегирический элемент доминирует над сатирой. Ученый не приписывает возникновение слова замыслу Мора и вполне закономерно выводит его из **собственных** наблюдений о своеобразии литературы «золотого века», в которой панегирические утопии (эвтопии) описывают не несуществующее место, а современную екатерининскую Россию¹. В книге «Утопия рождается из утопии», изданной спустя год в Лондоне, В. А. Чаликова, ссылаясь на довольно общую работу Л. Мэмфорда, как бы изобретает жанр эвтопии и само это слово. «Но если, как думает Мэмфорд, это (утопия – Ю.Р.) “хорошее” место, сюда надо включить и описания идеальных, но когда-то существовавших или собирающихся существовать в определенном месте и времени обществ, называя их “**евтопиями**»². Таким образом, определение утопии как совершенного локуса достаточно молодо, оно не принадлежит Мору и появляется лишь в начале девяностых годов XX века.

К работам С. Л. Бэра восходит возникновение и другого термина – эвномии, также связанного с культурной жизнью России XVIII столетия. Идеал, воплощенный в создании Уложенной комиссии и Наказе императрицы, послужил тому, что благозаконие (eunomia) стало темой для утопических сочинений эпохи. По-видимому, С. Л. Бэр не ставил целью выделить особый тип текстов, в которых так или иначе прославлялось российское законодательство. В пятистраничном разделе его книги проанализированы лишь четыре утопии, содержание которых как-либо соответствует эвномии Екатерины Второй. Это «Приключения Фемистокла» Ф. А. Эмина и трилогия М. М. Хераскова «Нума Помпилий», «Кадм и Гармония» и «Полидор». Заслуга ученого в том, что он ввел термин в теорию изучения утопической литературы. После него слово «эвномия» начинает широко использоваться и приобретает новые смыслы. Так, Л. Геллер, М. Нике применяют

¹ Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... P. 113.

² Чаликова В. Утопия рождается из утопии URL: <http://chalikova.ru/utopiya-rozhdaetsya-iz-utopii.html> (дата обращения: 12.11.2017)

определение «эвномический» по отношению к роману «Нума Помпилий», называют патриархальной «эвномией» описанное в «Приключениях Телемака» Фенелона государственное устройство Крита и Салента. В известном исследовании Е. Е. Приказчиковой «эвномией» впервые называется разновидность литературной утопии¹. Анализируя эвномию, автор не ссылается на С. Л. Бэра, который впервые использовал слово применительно к утопии XVIII века². В выводах Приказчиковой, таким образом, есть некоторая неточность. «Утопии-эвномии, – пишет она, – те, «в которых речь шла о построении идеального государства на основе не менее идеальных и разумных законов»³. В свою очередь, следует отметить, что С. Л. Бэр писал не просто об утопиях, темой которых является совершенный законопорядок, а о панегирических произведениях, прославляющих благозаконие верховной власти. Сейчас эвномией традиционно называют утопию, **прославляющую** действующее законодательство. Это, в первую очередь, – роман Хераскова «Нума Помпилий или процветающий Рим». Таким образом, сами эвномии следует считать разновидностью именно панегирической утопии.

Термин «эвномия» недостаточен. Во-первых, он имеет отношение только к панегирической прозе, в то время как утопические тексты, описывающие законодательный идеал, вступающий в противоречие с действительностью, занимают в русской литературе гораздо более заметное место. Это «Сон. Счастливое общество» А. П. Сумарокова, «Хотиллов. Проект в будущем» А. Н. Радищева и др. Объединяющей отличительной чертой данных текстов является скрытая или явная сатира, критика современного законодательства. По аналогии с эвномиями можно было бы называть такие произведения – **дисномиями** (dis – плохой, nomos – закон). Одним из ярчайших примеров дисномии тогда являлась бы повесть «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» Левшина.

¹ Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дисс.... д-ра филол. наук: 10.01.01. / Е. Е. Приказчикова. Екатеринбург, 2010. С. 10.

² Там же. С. 24.

³ Там же.

Утопия В. А. Левшина была выпущена в четырех частях журнала «Собеседник любителей русского слова» за 1784 год. Фрагмент повести, опубликованный в XVI-й, заключительной, части журнала, редко подвергался литературоведческому анализу. Как следствие, в научной литературе сформировался преимущественный взгляд на произведение как на масонскую утопию, в которой в завуалированном виде писатель выразил свои мировоззренческие идеалы¹. Между тем, завершающий фрагмент повести представляет собой сатирическое изображение России второй половины XVIII века, центральным моментом которого является критика нереализовавшихся постулатов екатерининского «Наказа». Таким образом, финал «Путешествия» совершенно меняет взгляд на жанровое своеобразие повести. Из масонского текста она превращается в сатирическую утопию – дисномию. Следует отметить, что дисномические черты присутствуют и в произведениях елизаветинской поры.

¹ Пиксанов Н. К. Масонская литература [второй половины XVIII века] // История русской литературы в 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. II. 1947. С.80 ; Сахаров В.И. Масонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения (вместо введения) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. С. 5. ; Омелько Л. В. Масонские идеи в прозе В. А. Левшина 1780-х годов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. С. 59.

Русская литературная утопия в свете европейской традиции

Прежде чем анализировать имманентные качества русской литературной утопии XVIII века на примере отдельных текстов, следует хотя бы немного порассуждать о влиянии на нее европейской утопической традиции. Об этом уже достаточно написано, но вопрос остается сложным, дискуссионным. Как известно, подавляющее большинство образцов жанра в России XVIII века (исключение составляет разве что «Хотилово. Проект в будущем» А. Н. Радищева) создано до знакомства читающей публики с «Утопией» Томаса Мора, первое издание на русском языке которой было осуществлено лишь в 1789 году. Стоит не согласиться с тем, что переиздание в 1790 году «Утопии» свидетельствовало о большой популярности книги¹. В действительности первый перевод её был сожжен по повелению императрицы Екатерины из опасений влияния идей французской революции. Последующее через год издание сочинения могло свидетельствовать о желании книгоиздателей опубликовать этот текст хотя бы и под другим заголовком. Внимания заслуживает тот факт, что Н. М. Карамзин – автор первой рецензии на книгу английского канцлера – предварил свой текст краткой справкой об авторе сочинения как бы знакомя читателя с неизвестной ему до этого фигурой. Несмотря на то, что с оригиналом книги Н. М. Карамзин был знаком ранее, чем с ее переводом, нельзя назвать такую осведомленность чем-то присущим литературной элите в целом². Так ни один из тех ученых, которые ставили себе целью рассмотреть, например, прототипические тексты «Путешествия в землю Офирскую» М. М. Щербатова, не назвал «Утопию» Т. Мора в числе таковых³. Среди предшественников утописта называются Д. Веррас, Ф. Фенелон, С. Лещинский, но не Мор⁴.

¹ Валлич Э. И. Н. М. Карамзин – первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора // Сборник социалистических учений. М.: Наука, 1977. С. 243.

² Там же. С. 250.

³ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. – 1989. – № 4. – Л.: Наука. – С. 107 – 119. ; Чечулин Н. Д. Русский социальный роман. (Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкаго дворянина. Сочинение князя М. М. Щербатова). – СПб.: Типография «В. С. Балашевъ и Ко», 1900. – 53 с.

⁴ Чечулин Н. Д. Русский социальный роман. Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецкаго дворянина сочинение князя М. М. Щербатова. СПб., 1900. С. 17.

Еще бледнее моровский след в более ранних русских утопиях. Первая из них, облеченная в форму сна («Сон. Счастливое общество» А. П. Сумарокова), сама послужила примером для ряда утопий – «Сон» С. Г. Домашнева, «Сон» А. Д. Улыбышева. Описывая характерные черты произведения А. П. Сумарокова такие, как «зеркальность» и «отсутствие отдельного лица в жизни утопического общества», В. И. Мильдон указал на их тождество специфическим чертам утопии западноевропейской. В исследовании нет прямого указания на то, обращался ли такой известный утопист, как Л. С. Мерсье, к тексту А. П. Сумарокова, однако из логики рассуждений становится понятным, что оба произведения питало единое поле идей и мотивов. «Но не так ли (как у Сумарокова – *Ю. Р.*) в утопиях западноевропейских, например, в известнейшем сочинении Л. С. Мерсье «Год две тысячи четыреста сороковой» (1771)?... Не есть ли качества, отмеченные как свойственные русской утопии, попросту жанровые?»¹.

Назовем неточным довод В. И. Мильдона о том, что действие утопии А. П. Сумарокова, в отличие от сочинения западного утописта, всецело протекает вне времени. Концовка трактата («Больше бы мне еще грезилось») разрушает вневременность сна и сталкивает читателя с настоящим «автора».

Влияние западноевропейской, преимущественно французской утопической традиции исследователи называют неперенным условием появления утопии отечественной². Одной из французских книг, оказавших несомненное влияние на русскую утопическую литературу, следует назвать «Приключения Телемака» Ф. Фенелона, первый рукописный перевод которого появился еще в 1724 году, в петровское время. Печатное издание было осуществлено лишь в 1747 году, с этих пор произведение чрезвычайно полюбилось читающей публике, нашло своих подражателей в литературной среде. Наиболее отчетливо влияние фенелоновской традиции прослеживается в романе Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла» (1763). При общем параллелизме сюжетов и мотивов сочинение

¹ Мильдон В. И. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М., 2006. С. 15.

² Ковтун Н.В. European “Nigdeya” and Russian “TUtopia” (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. № 1 (4). 2008. P. 546.

Ф. А. Эмина отличается и присущей своему прототипу политико-нравоучительной направленностью.

«Аргенидой» и «Телемахидой» В. К. Тредиаковского продолжается традиция «государственных романов», содержащих изображение различных политических систем и многочисленные советы правителям. Херасков, пользуясь описанием дел Нумы Помпилия, также преподает ряд советов русской самодержавной монархии. Л. Геллер и М. Нике по праву называют роман «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» «эвномическим»¹.

Иное по своей направленности произведение В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». По словам Т. В. Артемьевой, повесть восходит к традиции «“воздушных путешествий”, легендам о Беллерофонте, Дедале, Икаре и Фаятоне»². С свою очередь, Н. К. Пиксанов, В. И. Сахаров и Л. В. Омелько вполне закономерно связывают главные мотивы сочинения с масонской проблематикой³.

Масонской же тематикой правомерно объяснять художественные особенности социально-политического романа М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую». Устройство офирского храма, религиозные постулаты описываемого государства, – все это указывает на масонство как идейно-мотивный источник произведения⁴. Кроме масонской философии следует, однако, отметить и иное влияние на уровне сюжета, речь идет о сочинениях французских авторов: «Приключениях Телемака» Ф. Фенелона и «Истории севарамбов» Д. Верраса. Можно усмотреть некую двусмысленность в рассуждениях Н. Д. Чечулина, с одной стороны, полагавшего, что сколько-нибудь заметное влияние на роман М. М. Щербатова оказали лишь «Приключения» Ф. Фенелона, с

¹ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 59.

² Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в Россия эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 191.

³ Пиксанов Н. К. Масонская литература [второй половины XVIII века] // История русской литературы в 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. II. М., 1947. С. 51 – 84.; Сахаров В. И. Масонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения (вместо введения) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. 3 – 29.; Омелько Л. В. Масонские идеи в прозе В. А. Левшина 1780-х // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. С. 53 – 65.

⁴ Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: Монография. Томск: ТГУ, 2005. С. 33- 52.

другой, – отмечающего некие параллели в сюжете (караблекрушение, невиданный остров) с романом Д. Верраса. В работе исследователя детально рассмотрены переклички между указанными французскими сочинениями и произведением М. М. Щербатова¹. Некоторые параллели между щербатовской Офирией и вальтеровским Эльдorado находит В. И. Мильдон, не называя, впрочем, «Кандида» прототипическим текстом русского социально-политического романа².

В виду того, что утопия – не жанр, а метажанр появляются значительные сложности при анализе влияния на конкретные русские утопические тексты сочинений европейских авторов. Отечественная «Нигде́я», – свидетельствует Н. В. Ковтун, – не всегда оформлялась в самостоятельное произведение, будучи нередко растворенной в литературных произведениях других жанров – социальных романах, фантастических рассказах³. Так, к примеру, затруднительно в случае с отрывком известной повести А. Н. Радищева – «Хотил. Проект в будущем» – найти какой-то западноевропейский образец, давший тему или сюжет указанному тексту. Гораздо репрезентативнее в данном случае выглядит альтернатива рассматривать все «Путешествие» в рамках традиции создания произведений-путешествий.

В целом же русская утопия в отличие от западной ненаучна, она не ставит своей целью сциентистский прогресс общества, скорее, напротив, культивирует идеалы «золотого века». Антисциентизм отечественной утопии противопоставлен ее нравственному вектору: гораздо важнее достичь социальной гармонии, чем технократического успеха. Именно поэтому селенит В. А. Левшина на космическом корабле все-таки возвращается в свой примитивный и архаичный по своему политическому устройству город на Луне, оставляя государство Р** с разветвленной судебной-правовой системой. Не ориентирована русская литературная утопия (в такой мере, как западная) и на государственные вопросы.

¹ Чечулин Н. Д. Русский социальный роман. Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецакого дворянина сочинение князя М. М. Щербатова. СПб., 1900. С. 19 – 20.

² Мильдон В. И. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М., 2006. С. 18.

³ Ковтун Н.В. European “Nigdeya” and Russian “TUtopia” (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. № 1 (4). 2008. P. 548.

В области интересов отечественных утопистов не политические темы, а нравственный статус личности. Именно поэтому создатель «политического романа» князь М. М. Щербатов поместил в текст своего произведения катехизис гражданский и нравственный, уделяя особое место благочинию изображаемого общества.

Существуют признаки утопического нарратива, носящие межнациональный характер, это определенная изолированность локус-пространства¹, облечение повествования в форму сна или путешествия, наличие фигуры рассказчика. В качестве одного из основополагающих признаков утопии следует назвать и присутствие в повествовании критического изображения действительности². Так, в утопии, написанной во время правления Елизаветы, находят свое отражение историко-правовые особенности эпохи. Зачастую, как увидим ниже, влияние современной российской действительности проступает в утопических текстах гораздо отчетливее, чем воздействие европейской утопической традиции.

¹ Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М., 2007.

² Петруччани А. Вымысел и поучение: Утопия как литературный жанр // Социокультурные утопии XX века. 1987. Вып. 4. С. 177.

Глава вторая. Русская литературная утопия и законодательство

Елизаветы Петровны

Утопии в России появляются в эпоху Просвещения. В первую половину XVIII века это по преимуществу переводные произведения¹. Оригинальных сочинений в царствование Петра не было. Возможно потому, что правление первого императора само по себе было насыщено различного рода реформами и проектами, сделавшими излишним изображение возможного законодательного идеала.

По замечанию К. Манхейма, утопии ориентируют сознание на элементы, не содержащиеся в действительности². Действительность петровского времени была перенасыщена преобразованиями, что, в определенном смысле, не оставляло возможности для утопической рефлексии. Писатели, обращенные к достижениям сегодняшнего дня, не склонны были описывать воображаемые государства. Ко времени возникновения первых оригинальных утопий «в русской литературе сложилась обширная панегирическая традиция, осмыслявшая послепетровскую эпоху как уже реализованную утопию»³. Таким образом, отсутствовала необходимость описывать фантастические страны и образцовые государства с поучительной целью. Империя Петра способствовала рождению од и похвальных слов, но не благоприятствовала рождению утопических текстов.

Первая литературная утопия появилась в царствование Елизаветы Петровны. Этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, на фоне великих реформ первого императора политика государыни не отличалась масштабностью преобразований. По наблюдению Е. В. Анисимова, пренебрежительное отношение к правлению Елизаветы сохранялось вплоть до

¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. М., 2001. С. 87.

² Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 116. Подробнее об идеологии и литературе см.: Зорин А. Корня двуглавого орла... литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

³ Калинин И. Слепота и прозрение. Риторика истории России и «Риторика темпоральности» Поля де Мана // НЛО. 2003. № 59. С. 254.

времен Н. М. Карамзина¹. Однако этим же отношением проникнуты стихи А. К. Толстого

Веселая царица
 Была Елисавет:
 Поет и веселится,
 Порядка только нет²

и негативные оценки другого известного российского историка более позднего периода – В. О. Ключевского: «царствование Елизаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного»³. Не благоволил, кроме того, императрице и сам сочинитель первой утопии – А. П. Сумароков. И в таком жанре, как ода, писатель не склонен был прославлять государыню. За годы жизни самодержицы им написаны четыре похвальных оды, из которых к панегирическим сочинениям можно отнести лишь одну. Как только умирает Елизавета, «Сумароков и его друзья немедленно обращаются к торжественной оде»⁴.

В 1759 году писатель создает литературную утопию «Сон. Счастливое общество». Произведение сравнительно мало изучено и редко признается первым образцом литературного вида. Так, в известной книге В. В. Святловского «Русский утопический роман» А. П. Сумароков в ряду утопистов не упомянут: перечень авторов, работавших в указанном жанре, начинается с Хераскова. В знаменитой монографии С. Л. Бэра о тексте немного сказано в главе «Сатира и утопия», но так как в основу исследования американского слависта не был положен принцип хронологии, анализу «Сна» отведено незначительное, периферийное место, по сравнению с произведениями того же М. М. Хераскова и М. М. Щербатова.

¹ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 1.

² Толстой А. К. История государства российского / Толстой А. К. Полное собрание стихотворений в 2-х томах. Т. I. Стихотворения и поэмы. Л., 1984. С. 334.

³ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 40.

⁴ Сумароков и его литературно-общественное окружение / История русской литературы. Литература XVIII века. Ч. I. Т. III. Под ред. Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого. М. – Л., 1941. С. 383.

Между тем в своем утопическом памфлете А. П. Сумароков не только выразил социально-политические взгляды, но и определил, какими должны быть законы счастливого общества. Идеал автора во многом противопоставлен юридическим документам эпохи. Особенно отчетливо это видно в вопросе о применении высшей меры наказания к преступившим закон.

Мораторий на смертную казнь в елизаветинской России и «счастливое общество» А. П. Сумарокова

В «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина есть примечательный персонаж – градоначальник И. М. Великанов, известный тем, что, обложив жителей данью по три копейки с души, предварительно утопил «экономии директора», перебил в кровь множество капитан-исправников и в царствование «кроткия Елисавет», будучи уличен в любовной связи, бит кнутом и «по урезании языка, сослан в заточение». Само по себе упоминание о «кроткой Елисавет» в контексте всех преступлений Великанова выглядит как указание на беспрецедентное для России правление – без смертной казни. Именно такие ассоциации рождались у вспоминающих императрицу потомков. Характерно наблюдение историка С. П. Даля: «Въ народѣ долго оставалась память о **кротости** и привѣтливости дочери Петра Великого. По ея повелѣнію, въ судебныхъ дѣлахъ была отмѣнена **смертная казнь**»¹. Впоследствии рассказы о государыне приобрели мифопоэтические черты. Известен исторический анекдот, который сейчас с совершенным обыкновением воспроизводят как русские, так и зарубежные ученые. Суть его в обете Елизаветы никого не казнить в случае своего воцарения². Имела место или нет подобная клятва, сейчас сказать трудно. Как бы то ни было, отмена высшей меры наказания при императрице была засвидетельствована юридически, и явление это не имело аналогов в Европе.

Вдохновленный мораторием на смертную казнь в России, Чезаре Беккария предлагал «отцам народов» обратиться к блистательному примеру «императрицы Московии Елизаветы I» («О преступлениях и наказаниях»)³. За четыре года до публикации книги итальянского правоведа (который в значительной мере явился «только выразителемъ и собирателемъ идей, возникших до него и занимавших его

¹ Даль С. П. Императрица Елизавета Петровна. Рассказы из русской истории. М., 1984. С. 18.

² Bryner Cyril. The Issue of Capital Punishment in the Rein of Elizabeth Petrovna // The Russian Review. 1990. Vol. 49. С. 389.

³ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 169.

современников»¹⁾ А. П. Сумароков издает утопию «Сон. Счастливое общество». Законодательный идеал писателя выражает небольшая «Книга узаконений» мечтательной страны: «чево себѣ не хочешь, тово и другому не желай... за добродѣтель воздаяніе, а за беззаконіе казнь»²⁾. Правовые предпочтения утописта отличает то, что высшая мера наказания провозглашается им в период, когда смертная казнь фактически отменена правительством. Попытка увидеть те историко-культурные связи, которые легли в основу законов «мечтательной страны», представляет цель данного раздела работы.

Законы утопического государства А. П. Сумарокова неоднократно описывались в научной литературе, однако не становились темой отдельного изучения. Анализ «Книги узаконений» с позиций естественного права был предпринят Л. Геллером и М. Нике³⁾. С религиозно-этической точки зрения рассматривала право «счастливого общества» Т. В. Артемьева, по замечанию которой, установления сумароковских героев не более, чем «кодекс морали»⁴⁾. В работе А. Д. Таракановой «Русская литературная утопия второй половины XVIII века» правовая норма счастливого общества эксплицируется (в логическом своем пределе) как христианское вероучение⁵⁾. Между тем, данное наблюдение учитывает только первую часть «Книги узаконений» («чего себе не хочешь, того и другому не желай»), тогда как есть и другая, уже совсем чуждая ортодоксальной традиции: «*За добродетель воздаяние, а за беззакония казнь*» (выделено автором – Ю.Р.).

Утилитарность как основа законности «счастливого общества» названа в статье Д. В. Бугрова «Политико-правовые идеи в русской социокультурной утопии второй половины XVIII в»: «*Вся система управления основана на принципе общей пользы, государь же имеет народную любовь, страх и*

¹⁾ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. СПб., 1896. С. 178.

²⁾ Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудолюбивая пчела. Декабрь 1759 года. С. 742.

³⁾ Геллер Л, Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 88.

⁴⁾ Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопии в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 185.

⁵⁾ Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 41.

почтение»¹. Вопросы наказания Бугров особого внимания не уделяет, поэтому остается не выясненным, каким образом сочетается со смертной казнью «триада – любовь, почтение, страх». Любопытное исследование вопроса представляет собой статья И. З. Сермана «Мечтательная страна Александра Сумарокова». Анализируя произведение в исторической перспективе, автор эксплицирует подтексты, которые были неочевидны при другом подходе. Впервые высказывается предположение, что небольшой объем «Книги узаконений» – это и решение многовековой проблемы наведения порядка во множестве российских законов². В особенностях рассмотрения дел великим государем счастливой страны И. З. Серман увидел откровенную критику порядков, заведенных при Елизавете. Однако обличительные моменты самодержавной политики были только намечены исследователем. То же, очевидно, следует сказать о монографии В. И. Мильдона³ и учебном пособии А. Г. Алтуняна «Анализ политических текстов»⁴.

Общеизвестно, что в утопическом тексте могут доминировать черты панегирика или сатиры. К 60-м годам, когда панегирическая традиция уже осмысляла послепетровскую действительность как *реализованную утопию* (термин И. А. Калинина), утопическая программа нашла отражение в жанрах, изначально идеологически противоположных: посвященных монарху хвалебных сочинениях и утопиях⁵. Так, у авторов од, похвальных слов и утопических произведений сформировался единый набор идеологем и риторических приемов, преимущественным из которых было обращение к фигуре преобразователя Петра. В этом смысле «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом», оды в честь его императорского величества Елизаветы Петровны и утопию «Сон. Счастливое общество» можно рассматривать как единое культурное целое.

¹ Бугров Д. В. Политико-правовые идеи в русской социокультурной утопии второй половины XVIII в. // Проблемы истории России. Опыт государственного строительства XV – XX вв. Екатеринбург. 1998. Вып. 2. С. 227.

² Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы международной конференции 27 – 28 июля 2000 г. Санкт-Петербург. 2000. С. 223.

³ Мильдон В. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М., 2006. С. 15.

⁴ Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: учебное пособие. / А. Г. Алтунян. М., 2006. С. 100.

⁵ Калинин И. А. Слепота и прозрение. Риторика истории России и риторика темпоральности Поля де Мана // НЛО. 2003. № 59 (1). С. 254.

Елизавету нередко сравнивали с Петром. Это был излюбленный прием одописцев. Наряду с данным *locus communis* отечественной словесности, панегиристы императрицы (как и ее критики) использовали мотивику страха. Так, и В. К. Тредиаковский, и А. П. Сумароков прибегают к данному инструментарию совершенно в различных случаях. Первым из них монархиня прославляется за дарованное спокойствие после устрашающей политики своих предшественников:

Народ тогда колико бедный
Лил теплых к вышнему молитв
Да взыдет та на трон наследный
Хоть был ему страх от ловитв¹.

В этих словах можно увидеть отсылку сразу к двум историческим фактам: это расположение всего народа к Елизавете еще до ее восшествия на престол и страх, порожденный в обществе бироновщиной.² Не следует забывать жанровый контекст: М. В. Ломоносов соотносил со страшным временем правление Анны Иоановны, в одах В. Тредиаковского «страх» правления и образа Анны рассматривался как норма.

В произведениях же А. П. Сумарокова, написанных при жизни Елизаветы, обращают на себя внимание скрытый дидактизм и сравнение с фигурой первого императора. В отличие от В. К. Тредиаковского, в «Оде Е. И. В. Всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской В 25 день ноября 1743» он употребляет слово «страх» с положительной семантикой. Страх равносителен могуществу, славе самодержца.

Взгляни в концы твоей державы...
Весь Север чтит, твои уставы...
Что ты Петров воздвигла прах,

¹ Тредиаковский В. К. Императрице Елизавете Петровне в день ее коронавания / Тредиаковский В. К. Избр. произведения / Вступ. ст. и подготовка текста Л. И. Тимофеева. М. – Л., 1963. С. 460.

² Характерно наблюдение М. И. Семевского о репрессиях тех лет: «На площадях и перекрестках явились караулы, по улицам столицы расхаживали и разъезжали патрули, шпионы подслушивали, прокрадывались вь дома, втирались вь семейные кружки и бесѣды задушевныхъ пріятелей, ловили слова налету и доносили патрону». Ср. у Тредиаковского «Все без защиты от навета!... Везде обида, всюду страхи»). См.: Семевский М. И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол. 1709 – 1741 // Русское слово. 1859. февраль. С. 150.

Дела его возобновила
И дух его в себе вместила,
Являя свету прежний страх¹.

В этих строках, естественно, воспеваются одержанная в русско-шведской войне победа 1741 – 1743 гг. и подтверждение прежнего «устава» Петра – Ништадтского мирного договора 1721 г. Но кроме этой, основной темы можно отметить и другую, лейтмотивом проходящую через все посвященные Елизавете оды А. П. Сумарокова. Это – тихость, кротость императрицы, ее снисхождение к подданным, зачастую в урон славе государственной:

Едина лишь Елисавет,
Исполненная днесь любви,
Брежет своих подданных крови
И в тихости свой скиптр берет².

Слова «прежний страх» и строчки о кротком правлении императрицы, поставленные в один поэтический контекст, рожают новые обертоны смысла. Очевидно, что устрашающая сила монарха в данном случае – тема, выходящая за рамки только военных событий сороковых годов XVIII века. А. П. Сумароков как бы противопоставляет образ внутренней политики Петра и Елизаветы, отдавая предпочтение первому из них. Упоминание о «тихом» воцарении монархини («И в тихости свой скиптр берет») имело свою историю. Случившееся в 1741 году, оно сопровождалось помилованием всех врагов новой правительницы. «Первыми милостями», как назвал установления Елизаветы С. М. Соловьев, была замена физической казни для Остермана, Миниха, Головкина и других врагов престола на политическую. Случай для петровского времени немислимый. Согласно 19 Артикулу смертная казнь могла последовать не только за совершение политического преступления, но и за «голый умысел»³.

К 1743 году, когда была написана указанная ода А. П. Сумарокова, относится еще одно событие, связанное с темой смертной казни. Речь идет о

¹ Сумароков А. П. Ода Е. И. В. Всемилостивейшей государыне императрице Елизавете Петровне, самодержице всероссийской / Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 59.

² Там же. С. 61.

³ Артикул воинский / Российское законодательство X – XX веков в девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 331.

нашумевшем деле русских солдат, уличенных в мародерстве и убийстве шведов. На приказание императрицы о помиловании виновных Сенат откликнулся неповиновением. Обеспокоенные решением государыни сенаторы постановили 22 октября 1743 года (ода А. П. Сумарокова написана в ноябре) сохранить смертную казнь, напомнив о том, как часто прибегал к ней император Петр Великий¹. Подобное напоминание было вполне резонным: цель устрашения, «проводимая не только со строгостью, но даже с жестокостью», отличала большинство петровских узаконений². Поскольку было признано устрашительное воздействие смертного приговора, ничто не воспрещало угрожать им «за всякаго рода правонарушениа, великия и малыя»³. В конце XVII – начале XVIII века идея устрашения достигла в уголовной практике своего апогея. В этом контексте вполне понятно, что с течением времени сторонники высшей меры наказания нередко апеллировали к карательным законам данного периода российской истории.⁴

Разумеется, никакой «прежний страх» императрица не думала возвращать. По сравнению со своими предшественниками Петром и Анной Иоановной Елизавете вовсе была чужда идея устрашения, но договориться с Сенатом в этом деле оказалось непросто. Вопрос оставался открытым вплоть до издания в 1744 году закона, провозглашающего отмену высшей меры наказания прежде решения Сената⁵. Не совсем правомерным поэтому можно считать замечание Е. В. Анисимова о том, что фактическая отмена смертной казни была объявлена уже в 1741 году⁶.

Спустя год после издания закона А. П. Сумароков пишет «Оду Государыне Императрице Елизавете первой. На день Ея рождения». Привлекая в качестве

¹ Писаренко К. А. Елизавета Петровна: наследница петровских времен. М., 2013. С. 164 – 165.

² Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. Историко-юридическое исследование // Ученый записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. 1891. Вып. 7. С. 131.

³ Там же. С. 280.

⁴ Так, приговаривая А. Н. Радищева к смертной казни, Сенат был вынужден заручиться ссылками на Соборное уложение, Военский и Морской уставы Петра Великого, то же следует сказать и о деле декабристов.

⁵ О присылке в Сенат списков о колодниках, приговоренных к смертной казни, или к политической смерти о неисполнении над ними приговора прежде Сенатского указа. № 8944. Мая 7. // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 1830 (Далее – ПСЗРИ). Т. XII. СПб. 1830. С. 114.

⁶ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 538.

контрастного фона фигуру первого преобразователя Петра, поэт использует прежний инструментарий – мотив страха. Страх, внушаемый подданным самодержавной властью тождественен славе монарха. Избрав правление милости, Елизавета тем самым обрекла себя на довольство собственной славой, тогда как могла воспринять славу своего отца.

Не ищешь ты войны кровавой,
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой
 Спокойства смертных не врѣдишь¹.

При помощи панегирической риторики («не лзя хвалы умножить болѣ») автор усиливает мотив зависимости могущества самодержицы от страха, производимого ею в свете.

Сѣдящія на семь престолѣ
 Не лзя **хвалы** умножить болѣ
 Ни свѣта усугубить **страхъ**²

Чуть ниже поучительный элемент Оды А. П. Сумарокова получает свое конечное выражение в образе Петербурга.

Оттоль Монархиня зриаешь,
 На градъ Петровъ, на свой престоль...
 Въ семь мѣстѣ было прежде блато,
 Теперь сіяеть тамо злато,
 На башняхъ роскаго творца,
 Нева средь пышна града льется,
 Отколѣ ехо раздается
О славѣ моего отца³.

¹ Сумароков А. П. Ода Государыне Императрице Елизавете первой. На день Ея рождения, 1755 года, Декабря 18 дня / Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Ковалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. II. М. 1781. С. 14.

² Там же.

³ Там же. С. 17.

Среди золотобашенного города, бывшего некогда «блатом», звучит эхо прославления Великого Петра, Елизавета осталась неприобщенной к этой славе, но монархиня еще может ей поревновать. В «Слове похвальном о государе императоре Петре Великом, сочиненном ко дню тезоименитства Ея Императорского Величества» (1759) поэт предлагает императрице путь, возводящий к добродетели ее отца.

Сам по себе панегирический текст, написанный в честь одного монарха по случаю тезоименитства другого, «прочитывался» как наставление, руководство к подражанию. Знаменательно, что произведение начинается с темы смертной казни. Дихотомия суд царский – суд божий объясняет оправдание смертной казни самим Всевышним существом. В стремлении обосновать высшую меру наказания автор заручается авторитетом Писания, но остается в рамках ветхозаветного, *законнического* (термин И. А. Есаулова) понимания. «Начертанный въ сердцахъ нашихъ законъ, и той же законъ изображенный во Священномъ писаніи, не тягостень добродѣтельной душѣ, и жестокосудія въ немъ не видно. **Казни за беззаконія суть орудія привлекающія насъ на пути добродѣтели.** Воздаяніе и наказаніе праведнаго судіи не превосходятъ мѣрь заслугъ и преступленія»¹. Используя противопоставление исторической (данной) и поэтической (желаемой) реальности, автор обращается к Елизавете со словами: «Тако царствовалъ над нами Великій ПЕТРЪ, тако царствуешь над нами и Ты Великая ЕЛИСАВЕТА»². Смысл данного выражения А. П. Сумарокова должен был прочитываться, вполне очевидно, как призыв к введению смертного наказания. И здесь в который раз хвала отождествляется с темой страха. Один из главных выводов А. П. Сумарокова заключается в том, что российское общество стало счастливым благодаря устрашающей политике Петра. «Подражай Великая Государыня,

¹ Сумароков А. П. Слово похвальное о государе императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства Ея императорского величества / Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. II. М., 1781. С. 245–246.

² Там же. С. 246.

подражай всегда великому Твоему Родителю, **Основателю нашего щастія, Основателю нашея славы**»¹.

Истинное счастье и благоденствие автор изображает в утопии «Сон. Счастливое общество», написанной в том же 1759 году. Памфлет А. П. Сумарокова вновь отсылает читателя к идеалам петровских времен. В «мечтательной стране» А. П. Сумарокова чины даются по достоинствам, точно так же, как это было регламентировано петровской Табелью о рангах². «Не имѣють тамо люди ни благородства, ни подлородства, и преимуществуют по чинамъ, даннымъ имъ по ихъ достоинствамъ»³. Это очевидное противопоставление желаемого и действительного возрождало прежнюю антитезу Петр – Елизавета: рассказ А. П. Сумарокова воспринимался как критика политики последней. По словам И. З. Сермана, «уже “неусыпное попечение” “великого человека” (то есть государя – *Ю. Р.*), для всех, кому известно было почти патологическое нежелание Елизаветы заниматься делами по управлению государством, звучало злой иронией»⁴. В отличие от своего родителя, Елизавета действительно не отличалась вовлеченностью в государственные занятия. Характерна оценка ее деятельности саксонским посланником в России: «Не желая, чтобы что-нибудь мешало проводить время так, как ей вздумается, государыня терпеть не может государственных дел, удаляется от них или рассматривает чрезвычайно небрежно и зачастую в досаде, что ей мешают, назначает приговоры с ужаснейшей строгостью»⁵. Таким образом, у писателя вполне могли быть причины упрекать Елизавету в некотором бездействии. В особенности же это справедливо в отношении судебных дел о присуждении смертной казни. По замечанию К. А. Писаренко, Елизавета «явно умышленно» избегала изучения бумаг, связанных с высшей мерой наказания. Факт этот был

¹ Там же. С. 247.

² Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы Международной конференции 27 – 28 июля 2000. СПб. 2000. С. 221.

³ Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудолюбивая пчела. Декабрь 1759 года. С. 741.

⁴ Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова ... С. 222 – 223.

⁵ Князья, цари и императоры России. Елизавета Петровна. Беззаботная императрица. Годы правления 1741 – 1761. 2016. № 7. С. 21.

широко известен, так как число приговоренных к казни или ожидавших приговора «росло день ото дня»¹.

Кроме означенной имплицитной критики, очевидно, следует назвать и провозглашенную законом «счастливого общества» смертную казнь: за добродетель воздаяние, за беззакония казнь. Здесь, как и в «Слове похвальном о государе императоре Петре Великом», А. П. Сумароков предлагает Елизавете обратиться к примеру своего родителя. В «мечтательной стране», как и в петровской России, присутствует факт присуждения к смертной казни, независимо от тяжести преступления. Злодеяния не делятся на тяжкие и средние. Понятие «беззаконие» трактуется крайне широко. Непонятно, к примеру, где заканчивается «беззаконие» и начинается «преступление». В «счастливом обществе» А. П. Сумарокова, как и в карательной системе уголовного законодательства Петра I, на первом месте «не интенсивность злой воли, высказавшейся въ правонарушеніи... но *ослушаніе*» закона, которое и наказуется². За **всякое** преступление – смертная казнь. Устрашительная политика оценивается автором безусловно положительно. С ее помощью государь счастливой страны смог даровать своим подданным благоденствие.

Именно благодаря репрессивной политике, а не в силу того, что источником законов «счастливого общества» является христианское вероучение, как считает А. Д. Тараканова, – преступности в идеальном государстве нет³. Законы утопического общества приравнены к божественным установлениям. Но религия А. П. Сумарокова не имеет ничего общего с православием, хотя бы потому, что истина священного и, стало быть, гражданского закона «счастливого общества» находится за пределами христианской милости. «Не судьи тамо страшны, но судъ, который основанъ на узаконеніяхъ, а узаконенія на истиннѣ»⁴.

Примечательно, что, имея совершенно законническое понятие о суде и милосердии божьем, писатель и после 1759 года высказывался в пользу

¹ Писаренко К. А. Елизавета Петровна: наследница петровских времен. М., 2013. С. 165.

² Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 59.

³ Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 41.

⁴ Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудодлюбивая пчела. Декабрь 1759 года. С. 745.

присутствия смертной казни в карательной системе уголовного законодательства. Так, в публицистическом трактате «О казни» (1774) повторяется озвученное ранее в «Похвальном слове» представление о милосердии. «Казни убійцѣ ради образца нужны; но истина и **человѣколюбіе** не образца единого, но и отомщенія требуютъ»¹. Таким образом, уже к концу XVIII века и, следовательно, после моратория на смертную казнь в России и выхода в свет книги выдающегося итальянского правоведа и гуманиста Ч. Беккарии понятие о человеколюбии у А. П. Сумарокова гораздо более связано с идеей устрашения.

По наблюдению К. Бринер, «российская общественность, по крайней мере, ее самые активные и либеральные сословия – священство и поэты восприняли отмену смертной казни... как акт личной милости монарха»². Очевидно, А. П. Сумарокова нельзя отнести к этому разряду людей. У литератора было совершенно свое, особое понимание жестокости. «Жестокосердыми» именуется он тех, которые представляют легкомысленным людям Бога, благоволящего о соразмерном воздаянии за беззакония, как грозного судью. Иными словами, в мировоззренческой системе А. П. Сумарокова смертная казнь представляется провиденциальной, противники ее – «жестокосердными». Как следствие, жестокосердной представляется сама Елизавета. Государыня, которую Н. М. Карамзин в свое время («Записка о древней и новой России») назвал «самой кроткой».

¹ Сумароков А. П. О казни / А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. М., 1781. С. 332.

² Bryner Cyril. The Issue of Capital Punishment in the Rein of Elizabeth Petrovna // The Russian Review. 1990. Vol. 49. P. 389.

**Идеальные священнослужители А. П. Сумарокова и законодательство
Елизаветы Петровны по отношению к Церкви**

Димитрий

Толь дерзостно, Пармен, о нем не говори.
Сие светило чтут и князи и цари!
Пармен

Не все к нему, не все усердным сердцем тают,
Но многие его притворно почитают,
И виден только в нем **вселенский патриарх**,
Не мира судия, не бог и не монарх.
(А. П. Сумароков «Димитрий Самозванец»)

В строках, выбранных для эпиграфа к данному разделу, – отношение героев трагедии А. П. Сумарокова к папе римскому. Как отмечает Гуковский, деспот и злодей Димитрий Самозванец отстаивает «точку зрения церковного “суеверия”», тогда как «идеальный Пармен» высказывает мысли самого автора. «Дмитрий защищает не православие, а католицизм, но цензурный характер этого иносказания ясен»¹. В выделенных словах, вероятно, есть некое подтверждение слов ученого. В строках о понтифике выражен и взгляд писателя на главу русской православной церкви в том числе. Обращает на себя внимание точно подобранное Гуковским название официальной религии с позиции писателя – суеверие. Как к «суеверам» поэтому должен относиться А. П. Сумароков к представителям православного учения, но кто в таком случае исповедующие «правильную» веру? Ответить на поставленный вопрос можно было лишь в сочинении того жанра, который позволял изобразить идеал при одновременном изобличении не порядков современной России – в утопии. Таким текстом стал написанный в 1759 году рассказ писателя «Сон. Счастливое общество».

Особое место в «мечтательной стране» А. П. Сумарокова отведено духовенству. Приступая к описанию священной власти, повествователь

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. Учебник / Вступ. Статья А. Зорина. М., 1999. С. 125.

обрисовывает противоположность своего идеала. «Благочестіе не допускающее примѣситься себѣ *суевѣрію* (курсив мой – Ю. Р.) въ сей странѣ, есть основаніе всего народнаго благополучія»¹. Положительным пределом антитезы суеверие – благочестие следует считать подобие философского учения («духовные... подобны Стоическимъ Философамъ»), под воплощенным суеверием по разного рода замечаниям можно угадать православное духовенство тогдашней России.

Изображение А. П. Сумароковым-утопистом священства – тема в науке не новая, но, пожалуй, кроме И. З. Сермана, об этом никто не писал. Указывая на имущественное положение «духовных», их скромные нужды, исследователь ссылается на денежные затраты Семилетней войны². На его взгляд, минимальные доходы священнослужителей счастливого общества – это и посягательство А. П. Сумарокова на важный источник существования «духовных» лиц – требы. Если продолжить ход рассуждений И. З. Сермана, то можно заметить, что в «мечтательной стране» писателя наказанию подвержено и вознаграждение светскими духовных за их служение. «О домостроительствѣ они не пекутся; ибо содержать ихъ общество, и получаютъ они опредѣленное, а больше того имъ ни кто участно дать не дерзаетъ; ибо то наказанію подвержено»³. В какой связи были упреки автора с настоящим положением дел в Российской империи 1759 года и насколько был отдален от реальности идеал писателя?

Общеизвестно, что императрица Елизавета, в годы правления которой написана утопия «Сон. Счастливое общество», была религиозна. Князь М. М. Щербатов описывает ее в следующих словах: «набожна, милосердна, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ»⁴. «Мягкосердной» называет государыню историк Н. М. Карамзин. О «кротком

¹ Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудлюбивая пчела. Декабрь 1759 года. С. 740.

² Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы Международной конференции 27-28 июля 2000 г. 2000. С. 220.

³ Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудлюбивая пчела. Декабрь 1759 года. С. 741.

⁴ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера. London, 1858. С. 54.

сердце» и «христианской набожности» монархини упоминает Н. А. Полевой¹. Высоко ценившая заслуги своего отца, лишь в одном, казалось, «Петрова дочь» отступила от его установлений: ввела мораторий на смертную казнь и облегчила состояние православного духовенства.

Описывая духовных «счастливого общества», А. П. Сумароков во многом исходил из оппозиции реальному состоянию тогдашнего священства. Будучи масоном, он неприкрыто обнажил те раны, которые были нанесены Церкви петровским правлением. В XVIII веке власть начала усиленную борьбу с суевеирием. Склоняясь к модели регулярного государства, Петр Первый предпочитал протестантизм православному исповеданию. Преференции главы государства чрезвычайно расширили понятие «суевеирие», изменили его: новые воззрения стали выражать законотворцы и литераторы, тогда как к «суевеирам» стали относить выходцев из духовного сословия. Одним из главных «суевеирий» или, лучше сказать, «пережитков» петровского времени было почитание божией власти паче царской. Это очевидно следует из главнейшего церковного указа эпохи – «Духовного регламента» (1721), в регулах «О проповедниках Слова Божия» которого отражены наставления по искоренению суевеирий. «Проповѣдали бы проповѣдники твердо, съ доводомъ Священнаго Писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же *самой высочайшей власти Царской* (курсив мой – Ю. Р.), о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бь суевѣриє; вкореняли бь въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ рещи: испытывали бь отъ Священнаго Писанія, что есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то бь говорили»². Таким образом, провиденциальным и должным почиталось страшиться государственной власти более Бога. В этом фрагменте «Регламента» выражена новая идея спасения, которую В. М. Живов назвал «секуляризованной сотериологией»: согласие с волей царя служит гарантом

¹ Полевой Н. А. Столетие России с 1745 до 1845 или историческая картина достопамятных событий в Россіии за сто лет. СПб., Ч. I. 1845. С. 54.

² Духовный регламент, тшанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссійскаго, по соизволению и приговору Всероссійскаго Духовнаго Чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. М., 1861. С. 66.

небесного блаженства гораздо вернее, чем суеверное, «древнее» мудрствование. Как следствие, суеверной называлась сугубая любовь к церковным службам. «Великое суевѣріе и тщеславіе нѣкихъ мірскихъ лицъ – отмечено в «Регламенте», – есть, попы въ домъ звать на пѣніе вечерни, или заутрени *и прочая*». Под «прочим» могло подразумеваться как акафистное и псалмическое пение, так и осуществление различных церковных таинств, в том числе тех, совершение которых невозможно в церковной ограде: миропомазание тяжелобольных, предсмертное причащение умирающих. Все это, как отмечает составитель документа, являлось раздражением, «а не умоленіем» Божиим. То же, по видимому, подразумевалось в отношении местночтимых святынь, еще не засвидетельствованных соборно. Таким образом, замечает Т. Е. Абрамзон, государство определяло «объем и предел» обязательного и дозволенного даже в вероучении¹.

Борьба с «незаконным спасением» была одновременно и стремлением государства распространить и укрепить собственное влияние в тех областях человеческой жизни, которые считались глубоко личными. Одним из самых авторитетных проводников этого влияния был закон. При помощи данного инструмента можно было перевернуть прежний образ миропонимания, попытаться поставить царскую волю выше божественной. Довольно часто это делалось имплицитно, посредством отождествления одного с другим. Одним из примеров такого тождества является провозглашенная законом смертная казнь. Именно этот пример использовал А. П. Сумароков, высмеивая суеверные страхи в «Слове похвальном о Государе Императоре Петре Великом»: «Сим образом судит Бог, сим образом судити должен царь»². Естественно, сакральная формула писателя гораздо более отменяла связь имперской идеологии и христианства, чем провозглашала ее. Так, «суеверием» считалось все, что противоречило новому

¹ Абрамзон Т. Е. Суеверные представления и их осмысление в русской литературе второй половины XVIII века: авторефер. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Т. Е. Абрамзон. СПб., 1998. С. 10.

² Сумароков А. П. Слово похвальное о государе императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства Ея императорского величества / Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. II. М., 1781. С. 246.

политизированному православию. Пожалуй, никакая другая эпоха так не переворачивала смысл понятия «образование», как это случилось в «длинный XVIII век». Описывая суеверов в рясах, Сумароков, конечно же, имел на что опереться: традиция сатир Кантемира давала в этом отношении превосходный материал. Подкупающим моментом могла быть злободневность изображаемого. Примером может служить третья сатира Кантемира, в которой воссоздан яркий образ архимандрита Варлаама, духовника императрицы Анны Иоанновны. Целую галерею священнослужителей, представляющую собой реакционное духовенство, изображает писатель в первой сатире «На хулящих учение. К уму своему». При этом понятно, что антитеза образование – свет и невежество – тьма была заимствована Кантемиром из тех культурных моделей и стратегий, которые имели место в его время.

Воспринимаемая ранее в контексте просвещения светом истинной веры, образованность отныне означала иное. Борьба с суеверием сыграла в этом деле не последнюю роль. Как отмечает Е. Б. Смилянская, отношение к «“суевериям” не только разделило общество на “невежд” и “просвещенных”, но и стало мерилom принятия или отвержения новых философских идей»¹ Новые философские веяния отражали прогрессивные взгляды, но противоречили святоотеческому наследию. Так, например, написанная в 1759 статья А. П. Сумарокова «О разумении человеческого по мнению Локка» содержала популярное в то время педагогическое учение о приобретенном человеческом понятии добра и зла. «Совѣсть основана на чувствахъ, а не на врожденномъ понятіи, котораго нѣтъ, и быть не можетъ», – писал А. П. Сумароков². Противоположный взгляд излагается в книге преподобного Аввы Дорофея, в слове «О совести» его «Душеполезных поучений». Не случайно и духовные «счастливого общества» «во многом подобны Стоическимъ Философамъ» и мало общего имеют с православными

¹ Смилянская Е. «Суеверия» и народная религиозность в России века Просвещения // Canadian American Slavic Studies. 2004. 38. Nos. 1–2. С. 121.

² Сумароков А. П. О разумении человеческого по мнению Локка / Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, Ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого Собрания члена. Ч. VI. 1787. С. 303 – 307.

церковнослужителями. Все они, как водится, из людей добродетельных, но добродетель их основана на свободе от двух «преступлений» – суеверия и лихоимства. То и другое А. П. Сумароков подчеркивает дважды. И если упоминание о суеверии вполне понятно в данном случае и симптоматично, то о мздоимстве следует сказать несколько слов.

В петровское время приходские священники были сильно стеснены в своих доходах. На каждого рукоположенного иерея определялась руга или земля, которой он, как гласит «Духовный регламент», должен был быть доволен¹. Следующим действием государственного «попечения» о материальном состоянии клира было установление за каждым приходом означенного числа дворов. Эти два фактора позволили Феофану Прокоповичу выдвинуть аргумент об излишестве благоподаяния за требы. Разумеется, напрямую запретить подавать пастырям и служителям слова власть не могла, но своим отношением свидетельствовала о неугодности различного рода дополнительных источников доходов для духовенства. В «Регламенте» вопрос добровольных пожертвований прихожан представлен следующим образом: «Священники должны будут и малѣйшаго за службы своя, имъ опредѣленныя, награжденія не искать, развѣ кто съ добротства своего похощеть нѣчто подарить; **но и то, чтобъ не въ то время, когда священникъ потребу какую исправляетъ, но нѣсколько недѣль спустя**»². Если иметь в виду, что указом от 1699 года Петр Первый приказал прекратить выдачу руги всем соборам и церквам, которые имели приходские дворы, и приходам было велено содержаться одними своими средствами, можно представить, как истощена была церковь перед восшествием на престол Елизаветы Петровны. Истощена она была и духовно. Священство было обложено различными общественными и полицейскими повинностями, которые, как

¹ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго, по соизволению и приговору Всероссийскаго Духовнаго Чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. М., 1861. С. 78.

² Прибавление к Духовному Регламенту. № 4022. Майя 1722. // ПСЗРИ. Т. VI. СПб., 1830. С. 706.

отмечает П. Г. Веденяпин, не согласовались с его служением¹. Это не могло не подорвать в глазах верующих авторитет священнослужителей, которые отныне не могли быть столь ревностными хранителями древних преданий. Измученное нехваткой материальных средств в скорбное для себя время священство не смогло найти поддержки среди верующих. Клир стали осуждать и подвергать осмеянию. Стоит отметить, что и нравственный облик духовенства сильно пострадал за годы правления Петра и его преемников. Оно было вынуждено прибегать к неправомерным источникам доходов. Некоторые священнослужители занимались различными торговыми оборотами, залогами, венчали незаконные браки, другие вымогали деньги за законные требы, отказываясь совершать их без платы. Со всеми этими трудностями Елизавете Петровне пришлось столкнуться после ее восшествия на престол. Первым действием монархини была попытка возобновить в пасомых благоговение к своим пастырям. В 1744 году она издает закон «О нечинении обид Духовным лицам».

«...Иные разныхъ чиновъ люди Духовнаго чина людямъ чинять смертельные и ругательные побои и увѣчья; того ради Правительствующій Сенатъ Приказали: въ Губерніи и Провинціи подтвердить изъ Правительствующаго Сената указами, дабы Духовнымъ персонамъ никакихъ обидъ и притѣсненія отнюдь чинено не было» (ПСЗРИ, № 9079).

После этого в 1756 году искренне сочувствующая церкви в ее нестроениях и нуждах императрица постановила вновь выдавать полный оклад руги церквям и приходам независимо от того были ли при них дворы или нет. Она позаботилась и о возвращении благочестного отношения к такому источнику доходов православного духовенства, как добровольные приношения верующих и требоисправления. Однако такое решение не всем показалось уместным. Избавившись от гонения внешнего, бывшего еще при Бироне в угоду «цѣлости самодержавства», церковь приобрела гонителей в ряду тех просветителей –

¹ Веденяпин П. Г. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. № 5 –7. 1865. С. 324.

философов и литераторов, которые, разделяя прежний политический курс, выступали за борьбу с суевением. В ряду таких гонителей, по-видимому, следует назвать и А. П. Сумарокова, посягнувшего в своей утопии на требы как источник доходов священнослужителей¹. Однако писатель не только иносказательно напомнил об одном из главных прегрешений духовенства в период после правления Петра, но и неприкрыто указал на обеславленный нравственный облик клира.

«Кромѣ необходимости, ни въ чемъ, ни чево не требуютъ («духовные» – *Ю.Р.*), и довольствуются содержаніемъ, безъ малѣйшаго излишества, не имѣя при томъ и ни малѣйшаго вреднаго человѣческому естеству недостатка»².

О нестяжательности в утопическом памфлете А. П. Сумарокова говорится дважды. Можно заключить, что лихоимание писатель считает главным пороком духовных лиц вообще. Подчеркивается явное неприятие идеи добровольного вознаграждения «духовных» за их служение. В «мечтательной стране» подать священнослужителю милостыню считается «преступлением» и преследуется по закону.

«...получаютъ они (то есть «духовные» – *Ю.Р.*) опредѣленное, а больше того имъ ни кто участно дать не дерзаетъ; ибо то наказанію подвержено, да они и сами въ сіе преступленіе не впадаютъ»³.

Таким образом, во взгляде на православное духовенство, как и в вопросе о смертной казни, А. П. Сумароков показывает себя ревнителем тех просветительских идей, которые господствовали в высшем обществе еще петровского времени. Причисляя духовных лиц за суевение и лихоимство, он тем самым высказывает мнения, подобные озвученным в «Духовном регламенте» Феофана Прокоповича (1721). В качестве одного из несомненных зол было

¹ Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы Международной конференции 27-28 июля 2000 г. 2000. С. 220.

² Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудлюбивая пчела. Декабрь 1759 года. С. 740.

³ Там же. С. 741.

названо вознаграждение пастырей за исполнение треб. Можно сказать, что благоподаяния священству от верующих в эпоху Петра стали расцениваться как порок, почти преступление. Любопытно, что в 1759 году, когда Елизаветой уже были предприняты меры по улучшению имущественного положения священнослужителей и были объявлены как допустимый источник доходов добровольные пожертвования от верующих, в вопросе милостыни утопист разделяет взгляды, озвученные в законах Петра Великого.

Глава третья. Русская литературная утопия и законодательство Екатерины Второй

В отличие от Елизаветы Петровны, которую М. М. Щербатов изобразил в знаменитом памфлете недокучливой «ко всякому требующему прилежания делу» Екатерина Вторая при самом вступлении на престол была манифестирована как делатель безукоризненный, в том числе и в сфере законодательства¹. После своего воцарения императрица объявила, что, в отличие от насмехавшегося над законами Петра III, она будет «изыскивать всѣ средства къ утверждению правосудія въ народѣ»². В празднествах по поводу воцарения отчетливо проводилась идея о том, что государыня спасет народ от деспотизма прошлой власти, с помощью *законов* превратит российский народ в гражданское общество, что новое правление станет эпохой просвещения и справедливости. Миф о воспитательном значении власти «Северной Минервы» впоследствии обрѣл фактическое законодательное подтверждение. Закон, по ее мнению, обладал не только политической прерогативой, но и воспитательным значением. Мысль о неотрывности дидактики от законоискусства проводилась в знаменитом «Большом наказе императрицы»: «для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить».

Эвномия, как назвал законодательную кампанию 1767 – 1768 годов С. Л. Бэр, произвела огромное влияние на человеческие умы, повлекла за собой выход в свет эвномического романа «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» М. М. Хераскова. Выражением сути подобного рода произведений стали слова писателя: истинное блаженство от благих законов проистекает. Впоследствии этот афоризм получил и обратный смысл: зло и нестроение в государстве основано на декларативности, безосновательности установлений. Как следствие, от того, как автор оценивал законотворческие инициативы самодержицы,

¹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России кн. М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1983. С. 41.

² Об удержании судей и чиновников от лихоимства. 11. 616. Июля 18. // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. С. 22. См. также № 11. 582. – Манифест «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II». // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. С. 3 – 4.

зависела жанровая категоризация произведения, принадлежность его к сатирическому или панегирическому типу утопии. Это отношение было связано не только с Комиссией по составлению проекта Нового уложения и таким знаменитым документом, как екатерининский «Наказ», но и с более ранними и менее значительными установлениями, такими, как Именной указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства». Так, написанная, по всей очевидности, под впечатлением манифестации и первых законодательных проектов Екатерины утопия Ф. А. Эмина представляет собой панегирическое произведение, в то время как сочинение В. А. Левшина, созданное в период, когда декларативность законодательных обещаний Екатерины стала неопровержимым фактом, является произведением сатирическим.

Законы против лихоимства в екатерининской России и панегирическая утопия Ф. А. Эмина

Первой утопией, написанной в царствование Екатерины Второй стали «Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философские в военные его с сыном своим разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей» (1763)» Ф. А. Эмина. О тексте написано не так много¹. Ничтожно мало о романе как утопическом произведении. В антологию «Русская литературная утопия» В. П. Шестакова текст не включен. В обозначенном контексте рассматривают сочинение Л. Геллер и М. Нике, однако не объясняют, в чем утопическая составляющая произведения. Несколько далее продвигается в своих наблюдениях Б. Ф. Егоров, отмечая, что «в весьма событийное путешествие (Фемистокла – Ю. Р.) вкраплены диалоги об идеальном государстве и идеальном государе»². Более подробно разбирает текст С. Л. Бэр. Рассматривая утопию Ф. А. Эмина, ученый указывает на те реалии екатерининской России, которые нашли отражение в романе³. Произведение посвящено императрице, и сами по себе такие изыскания вполне ожидаемы и обоснованы. Вместе с тем, в выводах ученого есть некоторое противоречие.

В центре сюжета главный герой – древнегреческий полководец Фемистокл, путешествующий или, лучше сказать, «скитающийся» по разным странам. Ф. А. Эмин дает довольно подробное описание законов и обычаев двух из них: Кари и Фракии. В первой – судебный беспорядок, расцвет лихоимания и мздоимства, во второй царствует справедливость, правит великая государыня, судебные дела решаются беспристрастно и спешно, в присяжные избираются «люди доброй совести»⁴. Два этих образа, «eunomic Thrace» и «dystopian Caria», порождают теоретическую апорию С. Л. Бэра. Правовой идеал – управляемую

¹ Западов А. В. Эмин // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М. – Л. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. 1947. С. 260. ; Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 79.

² Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 260.

³ Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 122.

⁴ Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла и разные Политические, Гражданские, Философические, Физические и Военные его с сыном своим разговоры: постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. М., 1781. С. 63.

женщиной («is ruled by a woman») Фракию – исследователь соотносит с Российской Империей, но в то же время отмечает, что коррупция Карики составляет другую сторону российской действительности тех лет. Панегирическая или сатирическая (используя методологию С. Л. Бэра) перед нами утопия – сказать трудно. Выбор осложняется еще тем, что образ Карики исследователь расценивает как обращенное к императрице скрытое наставление по ликвидации непомерного взяточничества в России¹. В связи с этим возникает вопрос о жанровой категоризации романа: является ли произведение сатирической утопией или панегириком в адрес верховной власти.

Итак, литературный труд Ф. А. Эмина начинается с Посвящения, написанного «всеподданнейшим и всенижайшим рабом» ее императорского величества. Текст этот любопытен не только художественными, эстетическими особенностями, но и своей историчностью. Автор указывает на такие факты, как начавшаяся добыча полезных металлов, сооружение в городах «обиталищ» для сирот и довольно пространно сообщает о том правосудии, которое даровано гражданам с восшествием на престол Екатерины Второй.

«...Не можно ли мнѣ умолчать то правосудіе, которымъ мы нынѣ надѣмся отъ всякихъ быть спасены отягощеній и опасностей?»²

Нельзя сказать с уверенностью, от каких «опасностей» чаёт быть избавлен автор. Между тем, факты истории показывают, что именно беспорядки в судах и взяточничество на местах являлись главными бедствиями России того времени. Спустя год после восшествия на престол государыня издает Именной указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» (ПСЗРИ. № 11. 616). «...Мы уже отъ давнаго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ Государствѣ Нашемъ лихоимство возрасло, – отмечает монархиня, – такъ, что едва есть ли малое самое мѣсто Правительства, въ которомъ бы Божественное сіе дѣйствіе, судъ безъ зараженія сей язвы

¹ Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 122.

² Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла ... Л. А 4. Об.

отправлялся»¹. Указ был своевременен, его ждали. По замечанию М. А. Барласова «издания аналогичного закона добивался М. В. Ломоносов»². Еще в 1760 году в статье о необходимости преобразования Академии он писал: «Въ благословенное время Государствованія Всемилоствѣйшія Самодержицы нашея многочисленными ея къ намъ подданнымъ, съ радостною надеждою ожидаемъ полнаго благополучія, то есть всесовершеннаго установленія непоколебимыхъ и ясныхъ законовъ, которыми отвратятся всѣ вредительныя въ судахъ безпорядки и пагубныя ухищренія»³. Известно, что правление Елизаветы не стало временем ожесточенной борьбы со взятками. Монарший указ от 16 августа 1760 года «О употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния», в котором императрица обращала особое внимание на «лихоимство и пристрастіе» судей, не возымел действия⁴. Последнее следует из того, что спустя 10 дней Елизавета была вынуждена напомнить о своем «матернем повелении» повторным установлением от 25 августа 1760 года⁵. Однако и после «напоминания» проблема мздоимства осталась нерешенной. Характерно, что в Полном собрании законов Российской Империи второй указ не упомянут, а историки взяточничества в России (такие, например, как, К. Анциферов) вовсе умалчивают о борьбе с коррупцией в данный период⁶. Вероятно, вследствие низкой результативности законодательных инициатив Елизаветы, в эпоху ее правления указанная язва не нашла врачевания. Вследствие этого от новой самодержицы ждали наведения порядка в стране, и, прежде всего, в судебной системе. Уже Манифестом о вступлении на престол Екатерина объявила, что главное ее попечение будет «изыскивать всѣ средства къ

¹ Об удержании судей и чиновников от лихоимства. 11. 616. Июля 18. // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830.

² Барласов М. А. К истории указа от 16 августа 1760 г. // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 13.

³ Билярский В. Материалы для истории Ломоносова. СПб., 1865. С. 436.

⁴ О употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния. № 11.092 Августа 16 // ПСЗРИ. Т. XV. СПб., 1830.

⁵ Барласов М. А. К истории указа от 16 августа 1760 г. // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975.

⁶ Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 2. С. 1 – 54.; Бычкова С. Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX в): дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. / С. Б. Бычкова Нижний. Новгород, 2015.

утвержденію правосудія въ народѣ»¹. Надеждами на грядущий правопорядок объясняются и строчки из Посвящения к роману Ф. А. Эмина (1763).

Можно полагать, писателю был знаком указ 1762 года «Об удержании от лихоимства»: для России документ имел огромное значение. Указ не только знаменовал новый период законодательства о взяточничестве. В нем, по наблюдению К. Анциферова, «убѣдительно выяснены обстоятельства, опредѣлившія направленіе и сообщившія глубокой, внутренней смыслъ не только законодательству Императрицы, но и законодательству всего XVIII века»². Не случайно изображенные Ф. А. Эминым Кария и Фракия явились своего рода отражением Российской действительности – до и после издания данного закона. Так, карийские суды описаны автором в тех же выражениях, что и российские судебные места в указе. «Многіе Судящіе, освященное свое мѣсто...въ торжище превращаютъ», – отмечает государыня³. «...Здѣшнее правосудіе подобно аукціону», – решает после посещения карийского суда Фемистокл. Императрица описывает мздоимство, достигшее невероятного масштаба в следующих словах: «Ищеть ли кто мѣста, платить; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевететь ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами»⁴. Похожую оценку дает сенату Кариі главный герой романа Ф. А. Эмина⁵. Еще большее сходство с текстом романа можно обнаружить в законе от 15 декабря 1763 года.

Ф. А. Эмин «Приключение
Фемистокла»

«словомъ всѣ старались о
мздопріимствѣ, а ничего добраго
никому не дѣлали»⁶.

Манифест «О наполнении
Судебныхъ местъ достойными и
честными людьми»

«всякой живетъ только для
себя, не помышляя о добрѣ
общемъ»¹.

¹ Об удержании судей и чиновников от лихоимства. 11. 616. Июля 18. // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. См. также № 11. 582. – Манифест «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II».

² Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 2. СПб., С. 43.

³ Об удержании судей и чиновников от лихоимства. 11. 616. Июля 18. // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла ... С. 35.

⁶ Там же.

Однако назвать образ Карию критикой и скрытым обращением к Екатерине об уничтожении страшного лихоимства и бюрократии в государстве, как полагает С. Л. Бэр, не совсем верно². К 1763 году, когда была написана утопия Ф. А. Эмина, Екатериной уже был принят ряд мер по уничтожению взяточничества. Кроме того, роман предназначен в дар императрице. На титульном листе его написано: «Ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ, Екатерине Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, и прочая, и прочая, и прочая государынѣ всемилостивѣйшей»³. В предваряющем роман Посвящении, восхваляя возвращенный Екатериной «золотой век», автор упоминает о правосудии, которым народ российский надеется «нынѣ» быть освобожден от опасностей. Обличать самодержицу в некотором бездействии по отношению к проблемам коррупции в основном тексте произведения у Ф. А. Эмина не было должных причин.

Фракия во всем представляет абсолютную противоположность Карию. С. Л. Бэр совершенно справедливо наделяет ее эпитетом «эвномическая». Автор романа намеренно вводит некий сюжетный параллелизм: как и в случае с другим государством, место, которое посещают герои по прибытии – это Сенат. Благодаря этому идеал, представленный в образе фракийского судопроизводства, получает большую отчетливость.

Фракийские судьи – первое, на чем Ф. А. Эмин заостряет внимание читателя. Мы не можем сказать с точностью, в каком месяце были изданы «Приключения Фемистокла», однако, поднимаемый автором вопрос – каким должен быть подлинный судья – удивительно созвучен идеям екатерининского Манифеста от 19 декабря 1763 года. Императрица обращает внимание на два недостатка судей: невежество и угнетающую бедность, которая толкает их на путь неправды. Как следствие, в числе неперемненных достоинств служащих лиц

¹ Манифест о наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 генраря 1764 года по приложенному реестру, положенных по новым штатам на жалованье, разных сборов и об отсылке оных в Штатс-Контору. № 11. 988. Декабря 15 // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб. 1830. С. 457.

² Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 122.

³Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла ... Титул.

объявлены знания и честность: «Всѣ Судебные мѣста наполнить достойными въ знаніи и честными людьми», – постановляет Екатерина¹. Ф. А. Эмин, как кажется, обращает внимание на другое. Главными заслугами фракийских судей являются почтенный возраст и беспристрастие. «Увидѣли они судей весьма предстарелыхъ, и беспристрасно дѣла разрѣшающихъ, ибо старые люди обыкновенно болѣе помнятъ о смерти, нежели о собственной пользѣ»². В действительности же и внутреннее качества, и наружность судей призваны свидетельствовать об одном достоинстве – их честности. Тому же служит замечание писателя о памятовании смерти. С точки зрения структуры текста данное рассуждение выглядит как ответ на вопрос о достоинствах настоящего судьи и вполне могло быть адресовано императрице в связи с ее заботами о выборе людей в судебные места.

Принимая во внимание данные Манифеста от 19 декабря 1763 года, другим сходством между вымышленными представителями суда и российскими судебными служащими можно считать их благосостояние. Материальное положение должностных лиц также являлось темой указа и от 13 февраля 1763 года³. Однако в монаршем Манифесте достаток описан как одно из средств борьбы со взятками на судебных местах. «Опредѣля каждому отъ вышняго и до нижняго довольное жалованье... надѣмся, съ помощію Божіею доставить Нашимъ подданнымъ благоденствіе и спокойную жизнь, и избавить отъ притѣсненія, лихоимства и грабительствъ»⁴. Присяжные Ф. А. Эмина есть люди богатые и к тому же приближенные ко двору⁵. Всеми судебными делами Фракии руководит «государыня», жена. Последнее обстоятельство также служит косвенным свидетельством того, что законодательный идеал Ф. А. Эмина связан с

¹ Манифест о наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 генраря 1764 года по приложенному реестру, положенных по новым штатам на жалованье, разных сборов и об отсылке оных в Штатс-Контору. № 11. 988. Декабря 15 // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. С. 458.

²Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла ... С. 56.

³ О производстве жалованья обретающимся у дел в присутственных местах прибывшим из Санкт-петербурга по Санктпетербургским, а кои в Москве по Московским окладам, и о прибавке суммы на канцелярские расходы и служителей. № 11.753. Февраля 13 // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830.

⁴ Манифест о наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 генраря 1764 года по приложенному реестру, положенных по новым штатам на жалованье, разных сборов и об отсылке оных в Штатс-Контору. № 11. 988. Декабря 15 // ПСЗРИ. Т. XVI. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 458.

⁵Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла ... С. 63.

указами, шире – с законодательной политикой 1762 – 1763 годов. Именно наличие этих указов иллюстрирует, что перед нами не политико-сатирический роман или сатирическая утопия, а **нечто обратное**. Итак, можно ли полагать, что, посвятив роман императрице, давая понять в Посвящении, что обещанием монаршим народ надеется быть избавлен от многих зол, воспевая в аллегорической форме Екатерину-правительницу эвномической Фракии, автор, тем не менее, ставит своей целью обличить самодержицу в правовой инертности?

В действительности, у Ф. А. Эмина было мало поводов критиковать Екатерину. Уже после издания указа 1762 года, представляющего нечто вроде воззвания к совести судий, обвинять Екатерину в антикоррупционном бездействии было бы не совсем уместно. К тому же, монархиня не ограничивалась увещаниями. В год публикации романа она издала Манифест, провозглашающий смертную казнь всякому, кто будет уличен в лихоимстве. Даже в том случае, если Ф. А. Эмин по каким-то причинам был не знаком с содержанием документа, ему, вероятно, было известно общее направление имперской политики, одну из главных задач которой составляла непримиримая борьба со взятками.

Подводя итоги, следует заметить, что сделанные нами изыскания позволяют усомниться в обличительной направленности романа Ф. А. Эмина. Исторический подтекст, сюжет, особенности композиции (посвящение государыне) – свидетельствуют о том, что это панегирическое сочинение. Одновременно образ карийского государства можно рассматривать как Российскую действительность до введения Екатериной Второй антикоррупционных мер. Указанные выводы позволяют скорретировать представление об утопии Ф. А. Эмина как о тексте с амбивалентной, сатирико-панегирической структурой. При сопоставлении с законами о борьбе с лихоимством произведение обретает целостность как эвтопия.

«Нума Помпилий, или Процветающий Рим» М. М. Хераскова в свете документов Комиссии по составлению проекта Нового уложения

Следующим после Ф. А. Эмина на поприще литературной утопии выступил М. М. Херасков. Вдохновляющим материалом в данном случае послужил екатерининский «Наказ». «Наказ» Екатерины Второй, или «Большой наказ императрицы», давно является объектом изучения исторических и юридических наук. Для филологии этот документ, как кажется, не представляет такого большого значения, как для других областей гуманитарного знания. Между тем, он оказал огромное влияние на содержание целого ряда произведений отечественной словесности. По словам А. С. Архангельского, «новый период русской литературы открывается “Наказом”, который может служить как бы эпиграфом ко всему последующему течению нашей литературы XVIII века...»¹. В книге «Литературные направления в Екатерининскую эпоху» А. И. Незеленова текст закона рассматривается как «не самобытное произведение», вызвавшее сильное впечатление у современников в России и за границей². Так, в некоторой мере екатерининский наказ можно назвать историко-правовым сочинением императрицы³.

Как отметил С. Л. Бэр, именно созыв Комиссии по составлению Нового уложения и последующее издание «Наказа» стали причиной того, что большая часть российских писателей изображала благозаконие (эвномию) в качестве залога хорошей жизни: «более, чем когда-либо в русской истории, правительство подает писателям идеи для их утопий»⁴. Не случайно первое произведение подобного жанра написано всего лишь спустя два года после публикации знаменитого «Наказа», связано с образом философа и законодателя на троне и посвящено императрице. Речь идет о «государственном романе» М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768).

¹ Архангельский А. С. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань, 1897. С. 8.

² Незеленов А. И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889. С. 86.

³ В этом смысле вполне ожидаемым был бы анализ отдельных глав документа в новейшем исследовании В. Ю. Проскуриной. Империя пера Екатерины II: литература и политика. М., 2017.

⁴ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 120 – 121.

Роль «Наказа» в истории создания произведения специалистами отмечалась неоднократно. Классическим примером является вступительная статья А. В. Западова к изданию сочинений М. М. Хераскова в серии «Библиотека поэта» (1961). «В годы, предшествовавшие крестьянской войне, когда в русском обществе вопросы дальнейшего социально-экономического развития России стали предметом обсуждения и начала заседать Комиссия о сочинении Нового уложения, М. М. Херасков также подал свой голос. В 1768 году он опубликовал повесть “Нума Помпилий”»¹. В более краткой форме та же мысль отражена в первом томе «Истории русской литературы» под редакцией Ю. В. Стенника и В. П. Степанова².

Нередко на основании хронологической последовательности (созыв Комиссии – издание «Наказа» – публикация произведения) делались выводы и об идейном своеобразии романа. Согласно Л. И. Кулаковой, пафос произведения обусловлен подъемом дворянской общественности в связи с событиями екатерининской Комиссии.

«Нума Помпилий» написан в 1768 г., во время деятельности Комиссии по составлению нового уложения, и отражает требования автора, захваченного временным подъемом дворянской общественности. Херасков говорит о необходимости искоренения лихоимства, ябеды, притеснения народа, настаивает на введении твердого законодательства, требует широкого народного просвещения, воспитания подданных»³.

В книге «Утопия в России» Л. Геллера, М. Нике роман назван сочинением, отражающим связь «“эвномии” и тем, что можно было бы назвать “эвпедией” (благовоспитанием)»⁴. Обе эти концепции государственного управления были отражены в Инструкции для составления проекта Нового Уложения.

¹ Херасков М. М. Избранные произведения. Вступ. статья и подготовка текста и примечаний А. В. Западова. М. – Л., 1961. С. 23

² Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. 2006. Сб. 24. С. 136.

³ Кулакова Л. И. Херасков // История русской литературы. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. М. – Л., 1947. С. 328.

⁴ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 58.

Несколько более подробно особенности рецепции «Наказа» в тексте М. М. Хераскова представлены в книге С. Л. Бэра «Миф о рае в России XVIII века. Утопические модели в русской светской литературе и культуре». По словам ученого, оценивая положительно правление римского царя, писатель тем самым прозрачно указывает на Екатерину и ее Комиссию по составлению Нового уложения. Вместе с тем, отсылая к словам «Наказа»: «истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает», он настаивает на «претворении этих законов в жизнь»¹. Аналогичное наблюдение присутствует и в работе Т. В. Артемьевой «Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова»².

Как можно заметить, за исключением указания на исторический контекст (публикация «Наказа» – издание «Нумы Помпилия») и типологию образов (законодатель – философ на троне), связи между утопией и «Наказом» Екатерины Второй гуманитарной наукой не рассматривались. Тем не менее, эти связи присутствуют не только на уровне идей и мотивов, но и в виде текстологических заимствований и прямых отсылок к документам, изданным в связи с созывом Комиссии. Это, в первую очередь, «Генерал-Прокурорский Наказ», а также Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Представляется, что проблема, поставленная таким образом, позволит существенно скорректировать имеющиеся научные результаты, даст возможность увидеть в новом свете те культурно-исторические подтексты, которые стали основой художественного произведения.

Как было отмечено, законодательная кампания 1766 – 1768 гг. послужила поводом для создания «Нумы Помпилия», в то время как «Наказ» дал М. М. Хераскову основные темы для его политического романа. Среди сочинений писателя «Нума Помпилий или процветающий Рим» – одно из самых

¹ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 123 – 124.

² Артемьева Т. В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Российская утопия. От идеального государства к совершенному обществу. Материалы Международной Летней школы по истории идей 9 – 30 июля 2000 г. 2000. Альманах 12. С. 25.

значительных сочинений утопического рода¹. Как это принято в литературоведении, вид художественного произведения определяется его идейной направленностью и, наоборот, идея повествования может быть подчинена узким границам жанра. Нередко под идеей понимается более или менее четко выраженная позиция автора. Между тем, к роману М. М. Хераскова это правило применить нельзя. В противном случае, результат окажется противоречивым. Последнее можно было бы сказать об исследовании Г. А. Гуковского по истории русской литературы XVIII века. Как отмечает ученый, «книга Хераскова – это утопия, в которой он изложил в несколько завуалированном виде свои государственные идеалы. Его свободомыслие было умеренно, и, тем не менее, он обставил свое выступление рядом защитных оговорок и литературных прикрытий»².

Несмотря на ценные наблюдения, с автором можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, для аргументации ученый выбирал далеко не всегда подходящие примеры из текста. Так, мнение Г. А. Гуковского о том, что история о Нуме – «утопия, мечта», якобы принадлежит М. М. Хераскову и основано на выводе, помещенном в конце «книги». В действительности, эти слова взяты даже не из «конца книги» – послесловия, или заключительной XII главы, а из главы XI-й. Тем более спорна их принадлежность самому писателю. Личность М. М. Хераскова как раз более отчетливо выступает в фигуре «издателя», а не «автора» книги. В этом, по словам И. А. Калинина, писатель «следует условно-жанровому канону утопии и выступает исключительно как издатель рукописи»³. Последний появляется в «повести» дважды: в Предисловии и в заключительной, стихотворной части произведения. Из «Предисловия» очевидно, что «сочинитель книги не известен», и, следовательно, не ясно, является ли он современником «издателя». Единственное связующее звено между образом императрицы и автором как художественным персонажем – это издатель, благодаря которому

¹ Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 77.

² Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 168.

³ Калинин И. А. Русская литературная утопия XVIII – XX вв.: Проблемы поэтики и философии жанра: дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / И. А. Калинин. СПб., 2002. С. 45.

екатерининское царствование и правление Нумы могут рассматриваться в одной плоскости. Характерно и то, что издатель склонен оценивать деятельность Екатерины исключительно в положительном ключе.

«...должно признаться, что ежели бы все такая расположения души имели, какая имел Сочинитель сей книги: тогда бы человеческий род не несчастлив был; ибо истина, добродетель и правосудие торжествовали бы на земли. **Оне торжествуют в России.** Небо! Продли сие благо!»¹.

Тот же панегирический тон присутствует и в части «От издателя», в которой о Екатерине говорится: «Россиян милует, покоит, просвещает; / То пишет им в закон, что истина вещает»².

Следует отметить, что панегиричность отличает не только роман «Нума Помпилий», но и более ранние произведения М. М. Хераскова. Известно, что писателем были сочинены объяснительные стихи к программе маскарада «Торжествующая Минерва», который был поставлен в начале 1763 года по случаю коронации Екатерины Второй. В заключительном действе Хор возглашал:

Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здесь,
Воздух, и земля, и воды
Веселитесь народы.
**Матерь ваша Россы вам,
Затворила Яна храм**³

Сравнение с периодом расцвета Римской империи присутствует и в заключительной части утопии М. М. Хераскова.

«да пошлют [праведные боги – *Ю.Р.*], на Престолы подобных Нуме Государей для славы, спокойства и благосостояния человеческого рода...Янов храм во дни его царствования был всегда затворен. Рим долго потом не видал такого златого времени, каким при Нуме

¹ Херасков М. М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С.VIII.

² Там же. С. 164.

³ Торжествующая Минерва // Москвитянин. 1850. Кн. 1. № 19. М., С. 128.

наслаждался»¹.

Используя тот же исторический сюжет, автор не просто сравнивает деяния Екатерины и римского философа, но, очевидно, превозносит первую и, прежде всего, как законодательницу. Если Нуме для создания премудрых установлений была необходима посвященная в тайны мироздания советница нимфа Эгера, – российская императрица не только не нуждается в советниках («Не нужны Нимфы Ей не нужны чудеса»), но сама знает истину, на основании которой пишет свои законы. Из этого можно заключить, что М. М. Херасков склонен видеть в современной ему России торжество правосудия и добродетели.

Для «сочинителя» его книга является «утопией». Однако «издатель» называет произведение «повестью», используя историю о царе римском как случай прославить мудрое правление самодержицы. Таким образом, попытки увидеть в произведении исключительно «красноречивую проповедь по адресу Екатерины о том, как должно управлять государством» являются слишком натянутыми². Гораздо более правдоподобно в данном случае выглядит утверждение Веры Проскуриной, рассматривающей роман как повествование «о мудром и добром царе-философе Нуме, своего рода аллегорической проекции идеализированной Екатерины, автора только что изданного “Наказа”»³. В начале XX века о том же писал В. В. Сиповский: «Рим неустроенный, о котором говорится в романе Хераскова – это Россия до Екатерины»⁴.

Однако исследователи усматривают в романе и критику законодательной политики просвещенного абсолютизма. Как отмечал С. Л. Бэр, в произведении есть скрытое наставление императрице в связи с ее знаменитым «Наказом»⁵.

«Истинное блаженство человеческого рода от

¹ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 161 – 162.

² Сиповский В. В. История русской словесности (История литературы с эпохи Петра до Пушкина). Ч. II. СПб., 1908. С. 130.

³ Проскурина В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // НЛО. 2005. №. 72. С. 116.

⁴ Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 1. (XVIII век). СПб., 1909. С. 124.

⁵ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 123 – 124.

благоразумных законов проистекает. Но законы суть одно начертание, на котором счастье и благополучие общества утверждается; они требуют исполнения, а исполнение зависит от людей просвещенных и добродетельных; ибо законы сами собою действовать не могут»¹.

По предположению Артемьевой, в данном случае писатель «имел в виду опыт Екатерины и ее “Наказа” провозглашенного, но не реализованного»². С этим можно согласиться лишь отчасти. Общеизвестно, что 1768 год, которым датируется издание романа, был ознаменован началом Русско-Турецкой войны. «“Комиссия Уложения”, быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно. Она все части закона собрала и разобрала по материалам, и более того бы сделала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поехали в армию», – писала Екатерина в «Памятной заметке о “Наказе”»³. Несмотря на то, что объявление войны было 25 сентября по старому стилю, депутатские собрания закончились «обсуждением законов о поместьях и вотчинах» лишь в декабре 1768 года⁴. Наряду с этой, официальной, версией прекращения деятельности Комиссии, существует и другая, более распространенная, согласно которой «собрание законодателей оказалось неуправляемым, а поэтому негодным, было распущено в 1768 *под предлогом войны с Турцией* (курсив мой – Ю.Р.)»⁵. Последняя точка зрения закрепились в науке, прежде всего, потому, что после заключения Кючук-Кайнарджийского мира Комиссия так и не возобновила свою работу. В данном случае, однако, важно другое. В 1768 году «Наказ» как документ либеральной направленности вряд ли мог составить предмет общественной критики. Напротив, отзывы узкого круга лиц, которым Екатерина доверила чтение своей рукописи, были связаны как раз с излишним абстрактным гуманизмом законопроекта. Как

¹ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 135.

² Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 383.

³ Екатерина II. О величии России. М., 2010. С. 95.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XXVII. СПб., 1851–1879. Стлб. 352.

⁵ Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический словарь – справочник. [в 2-х кн.] А – К. М., 1997. С. 289.

отметил Ю. В. Стенник, нетерпимость А. П. Сумарокова, который написал свои замечания, «проявилась наиболее отчетливо в его реакции на те пункты “Наказа”, где императрица очень осторожно и уклончиво пыталась затронуть вопросы положения закрепощенного крестьянства и облегчения его участи»¹. Любопытно отметить, что в качестве аргументации Екатерина использовала исторические примеры юридических норм отношения к рабам в Древнем Риме.

«Один из кесарей Римских узаконил рабам, оставленным во время их болезни от господ своих, быть свободными, когда выздоровеют. Сей закон утверждал рабам свободу; но надлежало бы еще утвердить законом и сохранение их жизни»².

«В последния времена был подобный закон и в Риме: господин, раздраженный противу своего раба, и раб, огорченный против господина своего, должны быть друг от друга разлучены. Сей закон служил к безопасности хозяина и раба»³.

Именно эти, проникнутые гуманизмом фрагменты текста, были удалены в процессе депутатских прений, и «остался Наказ Уложения яко напечатан»⁴. Как отмечал К. Манхейм, порожденные политической сферой гуманистические идеи Нового времени распространялись на все области культурной жизни⁵.

Связь идеологии и утопии, которая отличает словесность «золотого века», не оставляет сомнений и в программности «Нумы». Сложно сказать, имел ли отношение созданный М. М. Херасковым образ «процветающего Рима» с его отсутствием сословных предрассудков к первоначальной редакции «Наказа». С большей уверенностью следует, вероятно, отметить то зависимое положение, в котором находился писатель от верховной власти. В июле 1763 года он получает место директора Московского университета, которое занимает в течение семи

¹ Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760-х –1780-х годов / История русской литературы в IV Т. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 136.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XXVII. СПб., 1851–1879. Стлб. 345.

³ Там же. Стлб. 346.

⁴ Екатерина II. О величии России. М., 2010. С. 95.

⁵ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. С. 186.

лет¹. Однако, не имея такого веса, как, например, куратор, или ректор, М. М. Херасков к тому же не пользуется уважением среди коллег. Известно, что после 1863 года, когда императрица поручила начальству заведения сочинить «точному Императорского Московского университета положению и содержанию штат», директор, несмотря на свои полномочия, был отстранен профессорским составом МГУ от участия в составлении этого проекта². Полагаю, что в такой ситуации критиковать императрицу было достаточно трудно.

В свете отражения событий Уложенной комиссии в литературных текстах необходимо упомянуть о таком утопическом сочинении, как «Письма с Сатурна», которое было написано неизвестным автором N. N. в 1772 году. Филологической наукой оно практически не изучено. Есть краткая статья Б. А. Галь, сопровождающая публикацию «Писем» в Днепропетровском историко-археологическом сборнике. Более пространный анализ содержится в упомянутой монографии С. Л. Бэра, однако, за редким исключением, он представляет собой простой пересказ произведения. К тому же историко-культурный контекст Комиссии исследователь широко не рассматривает, ограничиваясь простым указанием на присутствие характерных отсылок в тексте. Главная идея, таким образом, преподносится в связи желанием автора пробудить у соотечественников патриотизм в период первой русско-турецкой войны³. Вместе с тем, историко-культурная значимость «Писем» отражает настроение общественности в контексте событий 1766 – 1768 гг.

«Ныне... управляет жена, которая по своей премудрости не только почтена своими подданными, но и всеми людьми, умеющими разбирать достоинство. Сия старается довершить начатое упоминаемым их Царем (Петром I – Ю.Р.): она знает, что блаженство народа состоит в чистейших законах»⁴;

¹ Сиповский В. В. Херасков / Русский биографический словарь под ред. А.А. Половцева. Т. XXV. СПб., 1901. С. 311.

² Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 72.

³ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 119.

⁴ Письмо из Сатурна // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. 2009. Вип. 3. С. 156 – 157.

Вряд ли переданное здесь восприятие первых лет правления императрицы является художественным преувеличением. Подобную точку зрения отражает и статья В. И. Сергеевича «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?» (1878)¹. Уникальность «Писем» как исторического источника, между тем, заключается в следующем: написанные в период войны с Османской империей, они изображают работу по составлению Нового Уложения как действие длящееся или прекращенное на время.

«...собрала своих подданных, и руководствуя оными, повелела им самим для себя сделать **Законы**; она для довершения народного просвещения ничего не жалеет»².

Следовательно, за два года до заключения мира с Турцией деятельность Комиссии еще не воспринималась современниками как анахронизм. Тем более спорны попытки увидеть претензию на нереализованность положений «Наказа» в романе М. М. Хераскова, датированном 1768 годом.

В этой связи, пожалуй, гораздо более убедительно выглядит точка зрения И. А. Калинина, согласно которой «Нума Помпилий, или Прорывающийся Рим» М. М. Хераскова «на уровне прагматики мог прочитываться как панегирическое изображение современной России и одновременно политический наказ Екатерине II в момент работы Комиссии по составлению нового Уложения»³. Однако, если в завуалированном виде элемент политической дидактики присутствует в основном тексте произведения, главной идеей стихотворного послесловия романа является прославление Екатерины-законодательницы.

Превыше всех Царей, Законодатель *Петр!*
Трудится, бодрствует, Россию оживляет,
И новы небеса, и новый мир являет; <...>

Почтенья к тем святым словам я ввек не

¹ Сергеевич В. И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. № I. С. 188 – 264.

² Письмо из Сатурна ... С. 156 – 157.

³ Калинин И. Слепота и прозрение. Риторика истории России и «Риторика темпоральности» Поля де Мана // НЛО. 2003. № 59. С. 256.

рушу:

Петр Россам дал тела, Екатерина душу¹...

После публикации романа последние слова приобрели большую известность, стали чем-то вроде символа «золотого века». Не менее популярным после издания «Нумы» стало выражение: «Истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает». С. Л. Бэр склонен приписывать авторство этих строк самому писателю². На наш взгляд, это не совсем верно. Несмотря на свою афористичность, выражение не представляется оригинальным. Оно, скорее, является парафразом надписи, сделанной на депутатских медалях в связи с созывом Комиссии о составлении нового Уложения: «Блаженство каждого и всех». Любопытно, насколько большое сходство в понимании заявленной идеи обнаруживают Екатерина и писатель. Утверждение сословного неравенства в «Наказе» разрушало провозглашенную до этого концепцию всеобщего блага³. То же несоответствие словесной формы и содержания имело место в романе М. М. Хераскова. Наставляя будущего правителя, мудрая Нимфа обращается к нему со словами: «...храни нас ради себя собственно, храни себя ради общей пользы; храни целостность государства ради твоей славы и нашего блага»⁴. Таким образом, абсолютная власть монарха ограничивалась лишь его добродетелью. По словам В. И. Морякова, используя естественно-правовую теорию французских просветителей, М. М. Херасков делал упор на первой ее части («монарха избирает народ») и отбрасывал напрочь идею народного суверенитета⁵. Последнее наблюдение справедливо и в отношении политической доктрины «Наказа».

Между тем, «не самобытное произведение» Екатерины и сочинение М. М. Хераскова обнаруживают различие в понимании их авторами государственных основ. По словам императрицы, устои страны напрямую связаны с незыблемостью «начальных оснований», под которыми подразумевается монархический образ правления. Одна из статей документа так и

¹ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 165.

² Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... P. 121.

³ Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. М., 1994. С. 89.

⁴ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 35.

⁵ Моряков В. И. Русское просветительство ... С. 61.

озаглавлена: «Как можно узнать, что государство приближается к падению и конечному своему разрушению?».

«Начальное основание правления... повреждается, когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшего, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником»¹.

Несколько иначе тема нерушимости государственных установлений представлена в романе М. М. Хераскова. По мнению «сочинителя» утопии, спокойствие и благоденствие граждан напрямую связано с тем, насколько достойного человека они выбрали себе в правители и народные судьи.

«Блаженно то общество, которое незатворенными очами избирает Правителя своей воли; которое очами избирает Правителя своей воли; которое находит человека достойного быть судьей народным, и управлять вождями царства по правилам мудраго отца! **В противном случае все придет в замешательство, все погибнет и в развалины превратится**»².

Но и в этом случае скрытый дидактизм автора следует интерпретировать в качестве похвалы императрице, а не упрека в ее адрес. Не лишне отметить, что издание романа сопровождалось рисунком А. Перельовкина, изображающего то, как Нуму уговаривают стать царем. Иллюстрация имела характерную надпись: «Добродетели твои делают тебя царем римским». Как показала В. Ю. Проскурина, «избрание царя “по заслугам” соотносилось с распространенной в одах того времени мифологией восшествия на престол Екатерины»³.

Следовательно, можно говорить о некой положительной градации персонажей: «сочинитель» книги прославляет верховную власть философа на

¹ Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. СПб., 1770. С. 327 – 328.

² Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 36.

³ Проскурина В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // НЛО. 2005. №. 72. С. 116.

троне Нумы, «издатель» с помощью образа римского царя превозносит мудрое правление Екатерины II. *Locus communis* является образ монарха, стремящегося осчастливить народ. В романе нимфа Эгера советует будущему правителю не искать «другой пользы, кроме той, чтобы людей всех вообще сделать счастливыми»¹. Те же слова были поставлены во главу угла Именного указа, данного Сенату «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения».

«...Наше первое желание есть видети Наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться»².

По словам Нуминой наставницы, сделать людей счастливыми можно не иначе, как отняв у них «все вредные предрассудки и злоупотребления»³. Воспитательное значение закона было заявлено и в документах Комиссии по составлению Нового уложения. Екатерина II заявляет: «Одним словом, вся Наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствии и уменьшении зла...» – отмечено в «Генерал-Прокурорском Наказе при Комиссии о составлении проекта Нового уложения»⁴. Между наставлениями нимфы и утверждениями монархини существуют и более очевидные сходства. В обоих случаях большое значение придается предварительному приготовлению умов к познанию истины. «Ни ясное толкование законов, ни видимая польза, ни общее спокойствие не соделают их [людей – *Ю.Р.*] лучшими, ежели умы их не будут приуготовлены к познанию истины»⁵. Та же концепция была положена в основу екатерининского «Наказа», который, как известно, силы действующего закона никогда не имел.

¹ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 45.

² Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов // Томсинов В.А. Законодательство императора Петра III: 1761 – 1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762 – 1782 годы. М., 2011. С. 68.

³ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 45.

⁴ Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проекта Нового уложения, по которому и маршалу поступать / Приложение к Наказу императрицы Екатерины II, данному комиссии о сочинении проекта Нового уложения под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 171.

⁵ Херасков М. М. Нума Помпилий... С. 42.

Так, 58 статья документа гласит: «для введения лучших законов необходимо потребно, умы людские к тому приуготовить»¹.

Особенность русского Просвещения в том, что в нем практически отсутствовал момент критики самодержавия². Преимущественно панегирический характер имела литература первых лет царствования Екатерины. Необычайный восторг вызвала Комиссия по составлению Нового Уложения, по случаю которой произведения искусства изображали императрицу в обществе законодателей классической древности – Ликурга и Нумы. В такой компании Екатерина «приобретала сакральность основателя и творца»³. Вместе с тем, уподобление самодержицы великим законодателям древности имело не только образную, но и документально-историческую основу. Как показал А. Г. Брикнер, в черновом варианте «Наказа» были характерные отсылки к Пятикнижию Моисея. «Могут еще законы определить уреченное время службы: в законе Моисеевом ограничена на шесть лет служба рабов. Можно *также* (курсив мой – Ю.Р.) установить, что на волю отпущенного человека уже более не крепить никому...»⁴. В процессе редакторской правки этот фрагмент был удален. Приведенный пример, однако, иллюстрирует то, насколько российская эвномия находилась в русле концепций западной полицеистики – науки управления государством. Согласно знаменитой энциклопедии Дидро и д'Аламбера, первым народом земли, у которого появилась *полиция*, были евреи, в доказательство чему приводится перечень законов по тексту Библии⁵. Так складывалась концепция непреложности, священности государственных установлений. Просветительский взгляд на трансцендентную природу законодательного текста нашел отражение и в утопии «Нума Помпилий». Стихотворное послесловие содержало популярную идеологическую установку: через екатерининские законы вещает истина. Используя элементы имперской

¹ Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. СПб., 1770. С. 30.

² Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 423.

³ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. Вып. 8. М., 2002. С. 171.

⁴ Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Екатерины Второй. М., 2007. С. 546.

⁵ Encyclopedie ou Dictionnaire universel raisonne des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de letters, 1751–1772. Vol.12. Denis Diderot et Jean le Rond d'Alembert. Paris. 1765. P. 905.

идеологии «Наказа» с его возвышенными сентенциями о стремлении к общему благу, М. М. Херасков стал автором программного текста эпохи. Кроме того, посредством масонской аллегии писатель преодолел миф о романе-развратителе, создал утопический роман, прославляющий деятельность просвещенного монарха на троне¹.

Законодательный фон в данном случае позволил скорректировать прежние взгляды на «Нуму Помпилия» как на произведение, в котором скрыта завуалированная критика Екатерины-законодательницы и ее законопроекта, выявить эвтопические черты произведения.

¹ Приказчикова Е. Е. Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. 2009. С. 79.

Художественные особенности романа-утопии М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» и «Наказ» Екатерины Второй

Екатерининское правление было временем расцвета «мечтательного утопизма». Утопические идеи пронизывали все аспекты политической и культурной жизни эпохи. Среди них центральное место занимали мифологемы «золотого века», справедливого царства богини Астреи или рая на земле. Литература и государственная власть, как правило, предлагали два различных пути для достижения райского блаженства. Творческая мысль породила мечты – произведения об экзотических островах и странах, политический ум изобретал различные «рецепты» для воплощения вымышленного идеала, вроде тех, которыми изобилует «Большой наказ императрицы». Сам по себе имперский тезис, заявленный в 520 статье законопроекта: «Боже, сохрани! чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив, и, следовательно, больше процветающ на земле», был утопичным. Настоящая утопия в значительной степени определила мотивику художественной литературы века Просвещения. Содержание прозаических и поэтических произведений представляло собой своеобразный палимпсест: экзотическая топики и захватывающий сюжет накладывались на идеологическую канву «Наказа».

Влияние идеологического компонента могло быть очевидным, как, например, в оде Г. Р. Державина «Фелица», или скрытым, как в утопических романах М. М. Хераскова. Если в первом случае трудно было отделить идеологию от панегирика, во втором – сложно было провести грань между дидактическим и утопическим элементами нарратива. Как справедливо заметил Ф. Аинса, многих утопистов XVII века можно назвать скрытыми законодателями. Так, книга Ф. Бэкона «“Новая Атлантида” была написана *ad usum Delphini* [на пользу Дофину], то есть с целью найти монарха, способного реализовать ее идеи»¹. Указанный мотив присутствует в таких сочинениях, как «Христианополис» И. В. Андреэ, «Океания» Д. Гаррингтона. С этого же угла зрения, очевидно,

¹ Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе. М., 1999. С. 58.

необходимо исследовать утопию М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794), в которой изображается идеальный остров Хриза, являющийся, по меткому выражению Артемьевой, «чем-то промежуточным между Атлантидой и Елисейскими полями»¹.

Произведение принято рассматривать в контексте «своеобразной трилогии»: «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768), «Кадм и Гармония» (1786), «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794). Указанное единство не является только внешним. По словам С. Л. Бэра, «все три произведения связаны с деятельностью Комиссии по составлению Нового уложения»². Как показал А. В. Западов, в тексте «Полидора» есть прямая отсылка к екатерининскому Наказу. В заключительной его части нимфа – обитательница райского острова Хриза предсказывает появление на Севере дивной монархини, главной заслугой которой станет создание божественной книги – «мудрого наказа»³. Таким образом, в утопии 1794 года М. М. Херасков вновь обращается к теме современного законодательства, но в отличие от «Нумы Помпилия», в котором образ Древнего Рима и его законов служит иллюстрацией государственных постановлений Екатерины Второй, описание идеального острова в «Полидоре» лишено каких-либо намеков на типологическое сходство с современной Россией. Необходимость в «Наказе» как средстве для достижения «златых дней» на Севере, косвенно свидетельствует о том, что изданный в 1768 году одноименный документ так и не возымел действия. Начиная с панегирической утопии «Нума Помпилий» (1768), автор завершает трилогию имплицитной критикой монарших законов в «Полидоре» (1794). И в том и в другом случае М. М. Херасков использует похвальную топику («процветающий Рим», счастливый остров Хриза), отличие заключается в идеологическом компоненте утопического нарратива. В центре нашего внимания влияние

¹ Артемьева Т. В. Софиократические идеалы и эпистомологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Российская утопия: Альманах. Вып. 12. От идеального государства к совершенному обществу./ Отв. Редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 2000. С. 42.

² Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 121.

³ Западов А. В. М. М. Херасков Избранные произведения. М. – Л., 1961. С. 26.

различных политико-правовых институций екатерининской России на художественный образ идеальной страны.

Историография по данному вопросу невелика: произведение не привлекало пристального внимания ученых. «Полидор» редко рассматривался специалистами отдельно от двух предыдущих утопических сочинений. П. А. Орлов указал на принадлежность всей трилогии политико-философскому жанру¹. В работах В. В. Сиповского была приведена краткая характеристика двух последних сочинений «трилогии» с присоединением краткого пересказа «Кадма»². В первом томе «Очерков по истории русского романа» ученый рассматривает сочинение «Полидор, сын Кадма и Гармонии» преимущественно в контексте биографии автора. «По отзывам современников, последний период жизни Хераскова вдали от прежней широкой общественной деятельности, отличался тем душевным миром и тишиной, который сумела доставить ему его старушка-жена, интеллигентная женщина, когда-то сама небезызвестная писательница. Не к этому ли счастью на острове Хризе, в общество верной подруги Зарены, под покров добродетели (нимфы Теандры), в тесный круг друзей, привел автор своего Полидора»³. Впоследствии биографического метода в анализе романа придерживались Д. Д. Благой⁴, Л. И. Кулакова⁵.

Разносторонний анализ «Полидора» был представлен А. В. Западным во вступительной статье к сборнику сочинений писателя 1961 года. Исследователь впервые высказал мнение об идейном влиянии революции во Франции на художественное своеобразие произведения. По его словам, в романе автор изобразил французскую республику в виде плавающего острова Терзита, население которого охвачено хаосом безначалия»⁶. Данное наблюдение неоднократно повторялось в работах других исследователей. На тот же

¹ Орлов П. А. История русской литературы XVIII века: Учеб. для ун-тов. М., 1991. С. 168.

² Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. II (История литературы с эпохи Петра до Пушкина). СПб., 1909. С. 134.

³ Сиповский В. В. Очерки по истории русского романа. Т. 1. Вып. 1-й (XVIII-ый век). Приложения при 2-ом вып. СПб., 1909. С. 551.

⁴ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 285.

⁵ Кулакова Л. И. Херасков // История русской литературы: В 10 т. Т IV: Литература XVIII века. Ч. II. М. –Л., 1947. С. 331 – 332.

⁶ Запад А. В. М. М. Херасков Избранные произведения. М. – Л., 1961. С. 27.

исторический контекст позднее указал М. Г. Альтшуллер в статье, написанной для Литературной энциклопедии в 1975 году: в произведении «содержится резкая критика французской революции»¹.

Эти же наблюдения были озвучены в диссертации Л. Н. Нарышкиной «Романы Хераскова» (1978)². Любопытно отметить, что данный аргумент не был опровергнут и французским славистом Дж. Брейлларом в его известной работе «Утопические фрагменты в русской литературе XVIII века. Левшин и Херасков»³. Исследователь уделяет особое внимание описанию фантастической топики романа – острову Терзит, прототипом которого является «разгромленная кровожадными революционерами» современная Франция. Как неблагоприятное место и символ анархического мироустройства рассматривается остров Анафа, на противопоставлении с которым («contre-utopie») строится рассказ об острове Хризе. Несколько параграфов отведено той же проблеме в монографии Л. Геллер, М. Нике «Утопия в России», в которой, между прочим, дано описание фантастической топики романа. Исследовательский анализ во многом построен на наблюдениях, взятых из статьи Брейллара. Основное внимание также сосредоточено на республике Терзит, в то время, как «счастливый остров» Хриза лишь упомянут⁴. Между тем, именно в этом топосе сосредоточено отношение М. М. Хераскова к имперской политике его дней. Под именем Хриза в романе представлены как бы два различных острова. В первом случае это «пагубный остров Анафа», в который Полидор попадает по ошибке, во втором – благополучный остров Хриза, царство мудрости и тишины. Согласно замыслу автора, и то, и другое пространство обладает всеми привычными атрибутами *insulae fortunatae*. Отличие заключается в политическом устройстве каждого из мест. Первое государство основано на жестоких законах и испорченных нравах. В

¹ Альтшуллер М. Г. Херасков / Сурков А. А. Краткая литературная энциклопедия. Т. VIII. М., 1975. Стлб. 265.

² Нарышкина Л. Н. Авторские отступления в романе М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сб. науч. тр. под ред. В. А. Западова. Л., 1978. С. 13.

³ Breuillard J. Fragments d'utopies dans la littérature russe du XVIII^e siècle. Levšin et Xeraskov. *Revue des Etudes Slaves*. 1984. № 56 (1). P. 26.

⁴ Геллер Л. Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 91.

нем правит нимфа, требующая поклонения и раболепства. На другом острове процветает добродетель и владычествует добрая нимфа Тиандра.

Для утопических текстов эпохи Просвещения характерно типологическое сходство между изображаемым и реальным пространством. Нередко описание фантастического мира представляло собой скрытое руководство по улучшению современного общества. Имела место и обратная проекция: когда после публикации художественного текста он «прочитывался» как указание на конкретный географический локус. Так, исходя из архетипа острова, характерного для утопической географии, эссеист Э. М. Эстрада утверждал, будто Куба и есть та страна, которую изобразил Т. Мор¹. Русские утописты XVIII века редко изображали современные реалии в художественных текстах. Чаще указание на то или иное государство в романе имело вид аллегии. В книге Бронислава Бачко «Утопия эпохи Просвещения» подробно описаны два типа утопий: воображаемого путешествия (*de voyage imaginaire*) и проект идеального законодательства (*projet de legislation idéale*)². Это наблюдение, по-видимому, актуально и в отношении произведения М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии», в котором описаны чудесные острова Анафа и Хриза. В описании обоих мест есть скрытое указание на законы Екатерины Второй, и в частности, на ее знаменитый «Наказ». Последнее обстоятельство позволяет рассматривать оба государства в контексте политики просвещенного абсолютизма. Проблему составляет вопрос о том, какое из описанных государств более соответствует программе государственного развития и с какой целью оно описано М. М. Херасковым. В изображении утопического острова Хризы, как правильно отметил А. В. Западов, присутствует прямое указание на «Наказ» императрицы. Между тем, с ученым трудно согласиться в том, что в «Полидоре» этот закон прославляется. Следует говорить, скорее, об имплицитной критике «Наказа», чем о панегирике в адрес Екатерины-законодательницы. Так, Тиандра говорит о сочинении «мудрого Наказа» как о действии, относящемся к будущему.

¹ Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе. М., 1999. С. 23.

² Baczko B. Lumières de l'utopie. Paris: Payot. 1978. P. 30.

«Во всех странах мира други мои возсияют и некогда приобретут уважение в области полуночной. Тамо едина из Помазанниц моих в поздние дни воззовет ко мне, и я во всем сиянии явлюся Ей, – излиюсь в Ея мысли, поселюся в Ея сердце, озарю Ея душу, и по моему внушению напишет Она Божественную книгу – мудрый Наказ!»¹.

Обличительные коннотации слышны более отчетливо, если произведение рассматривать в контексте предшествующих сочинений трилогии: «Нума Помпилий» (1768) и «Кадм и Гармония» (1786). Объединяя три утопии в жанровом отношении, автор разрывает это единство в идеологическом смысле, повествуя о законах современного общества. В первом из романов успех законодательных реформ Екатерины утверждался как дело уже свершившееся. В предисловии «От издателя», проводя параллель между законодателем Петром и Екатериной, автор, очевидно, отдает преимущество последней.

Превыше всех Царей, Законодатель Петр!
 ...По нем является, краснее райска крина,
 Цветущая в очах у нас Екатерина!
 ...Почтенья к тем святым словам я ввек не нарушу:
 «Петр Россам дал тела, Екатерина душу»².

Таким образом, по отношению к господствующей политике «Нуму» можно рассматривать как ретроспективную, панегирическую утопию, тогда как последний роман – утопию критическую. Обличительный пафос заметен и в описании обманчивой Хризы – «пагубной Анафы», которая представляет собой райский остров только по первому впечатлению. Обманчивость страны обнаруживается в ее политическом устройстве. По словам правящей нимфы, на острове «по вышней воле» учреждены законы, основанные на ясных правилах³. В этом силлогизме звучат коннотации екатерининского «Наказа», согласно

¹ Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии / Херасков М. М. Творения, вновь исправленные и дополненные. Ч. XI. М. 1802. С. 324.

² Херасков М. М. Нума Помпилий, или процветающий Рим ...С. 164 – 165.

³ Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. С. 141.

которому «законы государства должны соответствовать его естественному положению»¹. Как известно, в первой строчке документа также было указание на провиденциальность государственных установлений: «Закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, елико возможно»². Сакральность имперских законов была отмечена и в стихотворном панегирике «Нумы Помпилия»:

Россиян милует, покоит, просвещает:
То пишет им в закон, что истина вещает³.

Однако, в отличие от первого романа, в котором современная Россия представлена в образе процветающего Рима, в Анафе видна негативная оценка установленных имперских порядков, критика роскоши и фаворитизма. По словам Л. Н. Нарышкиной, «образ Анафы наталкивает на сопоставление с Екатериной II, хотя это сопоставление тщательно замаскировано»⁴. Расположение правительницы почитается на острове за величайшее благо, но приобретает оно льстивым угодничеством. При этом каждый нарушитель установленных законов «подвергается ужасным наказаниям». Как и другие авторы XVIII века (М. М. Щербатов, А. Н. Радищев), М. М. Херасков обличает пороки самовластия. В чертогах Анафы имеется золотой истукан нимфы, и каждый, кто прикасается к нему, будучи очарован, утрачивает добрые качества души.

«Сей очарованный истукан имел силу блистательным сиянием затмевать все другие души качества и привлекать к себе единому внимание прикасающихся; тогда все священные людей обязательства, честь, правосудие, закон, целомудрие, как дым исчезали; кто преклонил главу пред златым идолом, тот уже был очарован»⁵.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М., 2009. С. 1033.

² Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении проекта Нового уложения. СПб., 1770. С. 2.

³ Херасков М. М. Нума Помпилий ... С. 164.

⁴ Нарышкина Л. Н. Романы М. М. Хераскова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Л. Н. Нарышкина. Ленинград, С. 15.

⁵ Херасков М. М. Полидов, сын Кадма и Гармонии ... С. 169.

Мотив истукана власти имеет место и в другом утопическом сочинении эпохи Просвещения: «Путешествие из Петербурга в Москву». В главе «Спасская полесь» путешественник, засыпая, видит себя царем в блестящих одеждах. Глава его увенчана лавровым венцом. «...Везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим»¹. Как и в пассаже, взятом из «Полидора», радищевский идол символизирует собой лживый образ правителя. Между государствами М. М. Хераскова и Радищева есть и другие типологические сходства. В обоих случаях речь идет об особом атрибуте – книге, которая, как это видно по описанию, имеет сакральное значение. В «Спасской Полести» это книги «Закон милосердия» и «Закон совести», в политическом романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии» название другое: «Училище царей – училище судящих – училище каждого человека!». Примечательно, что, служа символом просвещенного абсолютизма, эти книги, одновременно являются обличением екатерининского правления. Блаженство изображенного в «Путешествии» государства представляет собой сон, мечту, а государь – особу, обольщенную неведением и похвалами придворных. Форма сна подчеркивает обличительный характер повествования. Как отмечает В. П. Шестаков, нередко выбор сновидения как способа изложения утопического материала был обусловлен подцензурным характером русской литературы². В «Полидоре» ситуация несколько иная. Согласно традициям жанра автор описывает идеальное место, «locus amoenus», но дает понять, что в политическом отношении современная Россия далека от этого идеала.

«Полидор внимательно читал сию **бессмертную книгу** ибо она не была велика и казалась подобна во всем той, **которая зеркалом и душою наших законов должна нарицаться**»³.

По предположению Артемьевой, это описание служит указанием на «Большой наказ императрицы»¹. Следует признать это наблюдение не совсем

¹ Радищев А. Н. Путешествие из С. Петербурга в Москву. Лондон, 1858. С. 137.

² Русская литературная утопия. / Сост., общая ред., вступит. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 14.

³ Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии ... С. 315.

точным. М. М. Херасков не только завуалированно критикует современное законодательство, предлагая в качестве эталона «бессмертную книгу», но и в некотором роде отрицает сам исторический факт издания «Наказа». Чуть ниже автор действительно пишет о программном документе екатерининского царствования, но относит действие к будущему, вкладывая в уста нимфы следующее пророчество:

«Во всех странах мира други мои **возсияют** и некогда приобретут уважение в области полуночной. Тамо едина из Помазанниц моих в поздние дни **воззовет ко мне**, и я во всем сиянии явлюся Ей, – излиюсь в Ея мысли, поселюся в Ея сердце, озарю Ея душу, и по моему внушению **напишет Она Божественную книгу – мудрый Наказ!** Книга сия долженствует быть врезана во всех чувствующих сердцах человеческих и благо общее любящих!»².

Фрагмент о «Наказе» разрушает жанровое единство трилогии. «Полидор» уже не является типичной утопией, включающей в себя такие черты, как «стремление... предвосхитить будущее общества»³. С точки зрения исторической и художественной правды, закон императрицы уже опубликован. В тексте «Нумы» прославляется действенная сила законов императрицы, в «Полидоре» автор описывает современную реалию как имеющую отношение к будущему. Описание не тяготеет к жанру панегирика, так как в ретроспективной проекции на изображение пагубного острова Анафа оно представляет собой скрытое обличение имперских порядков и образа жизни придворного общества. В произведении автора можно увидеть черты политического романа, который, по словам Л. Н. Нарышкиной, позволял «“под покровом вымысла” говорить политические истины царям»⁴.

¹ Артемьева Т. В. Российские Атлантиды века Просвещения // Универсум платоновской мысли URL <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/conferences/item/299>- (время обращения: 12.11.2017)

² Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии ... С. 324.

³ Русская литературная утопия. / Сост., общая ред., вступит. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 7.

⁴ Нарышкина Л. Н. Авторские отступления в романе М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сб. науч. тр. под ред. В. А. Западова. Л., 1978. С. 58.

Следует отметить, что М. М. Хераскову было свойственно под видом своеобразного поэтического прогноза на будущее обличать итоги государственных реформ и политику современности. В «Оде ея императорскому величеству на день Высокоторжественного Ея возшествия на Всероссийский престол 1791 года» автор использует тот же художественный прием, что и в «Полидоре», подводя итоги тридцатилетнему царствованию Екатерины II, он отмечает:

Когда бъ Ея (Екатерины – *Ю.Р.*) небесну нраву
 Всех чувства сходны быть могли,
 Давно б Российскую Державу
 Признали раем на земли¹.

Далее автор предается пространным рассуждениям о грядущем России, которое исполнено огней радости, блаженства, счастья и наук. Из чего можно заключить, что действительное состояние государственного развития оценивается автором крайне невысоко. Вероятно, это связано с тем, что поэзии М. М. Хераскова вообще были свойственны пессимистические настроения. А сам он являлся родоначальником нового жанра словесности – дидактической, моралистической элегии, предметом которой был современный человек, его суетность и ложные стремления. Вместе с тем, неправильно было бы полагать, что обличение государственных порядков в политическом романе имело ту же идеологическую основу, что и в работах элегического жанра. Западные утопии конца XVIII столетия в большей мере изображали «идеальное общество не в воображаемом мире, а в будущем. *Утопия* становится *ухронией*². В отношении «Полидора» эта обращенность в будущее носит очень избирательный характер, имея отношение лишь к законодательству, которое, по всей видимости, автор считает наиболее неудовлетворительной стороной современности. ИмPLICITно критикуя настоящее, автор, по словам Карлоса Самбрисьо, стремится изменить ход истории, одновременно предлагая самодержцу что-то вроде инструкции для

¹ Херасков М. М. Ода ея императорскому величеству на день Высокоторжественного Ея возшествия на Всероссийский престол 1791 года / Херасков М. М. Творения вновь исправленные и дополненные. Ч. VII. М., 1796 – 1803. С. 176.

² Фуэнтес Ф. Утопия / Ферроне В., Рош Д. Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 156.

руководства к действию¹. В произведении М. М. Хераскова изображен и законодательный идеал: книга, представляющая собой «науку царствовать».

«Книга сия обносилась тогда по всем благоустроенным Державам; но время, все в мире изстребляющее и в памяти человеков достохвальныя впечатления изглаживающее, и сию достопамятную книгу во мраке забвения погрузило. – Думают, что благоразумный Солон многия правила почерпнул из ней; Ликург в его человеколюбивых правилах Офарову учению издалека последовал...»².

Можно сделать вывод, что этот исторический источник старше дошедших до нас сочинений Ликурга и Солона. Последующее упоминание о «священных правилах», на которых основан текст, дает возможность предположить, что речь идет о Библии, точнее Законе Моисееве. По замечанию С. Л. Бэра, образ законодателя Моисея, наряду с такими персонажами как Нума и Ликург, наиболее часто ассоциировался с Екатериной после издания ее знаменитого «Наказа»³. В этом смысле политический роман М. М. Хераскова полностью соответствовал традициям западной просветительской утопии, согласно которой, по словам Ф. Фуэнтеса, зачастую требовалось «утверждение новых обычаев и нравов, либо развитие подлинно христианских добродетелей»⁴. Этими чертами в высшей мере обладала и такая законодательная утопия, как екатерининский «Наказ», большинство положений которого было основано на принципах христианской морали. Однако, несмотря на господствующий идеологический дискурс, согласно которому Екатерина провозглашалась вторым Темеем, – «воплощением закона, порядка и справедливости», и одновременно автором богодухновенного закона⁵ в «Полидоре» М. М. Хераскова эта сторона «Наказа» отрицается, как отрицается и

¹ Sambricio Carlos. Sinapia:utopia, territorio y ciudad a finales del siglo XVIII // Scripta nova revista electronica de geografía y geografía y ciencias sociales. Vol. XVIII, núm. 475, 1 mayo de 2014 URL: <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-475.htm> (время обращения 12.11.2017)

² Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии ... С. 81 – 82.

³ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... P. 121.

⁴Фуэнтес Ф. Утопия ... С. 153.

⁵ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia... P. 121.

существование самого исторического документа. Тем самым автор словно дает понять: своей высокой задачи екатерининский законопроект не выполнил, создание подлинной «Божественной книги» – впереди.

Мифологичность хроноса была типична для культуры русского Просвещения. Царство Богини Астреи, золотой век и царствие Небесное на земле были одинаково ожидаемы представителями светской культуры XVIII века. Художественная литература, обслуживая тот или иной государственный миф, одновременно являлась проводником подобного рода утопических конструкций. Она же содержала в себе оценку имперских законов: того, насколько провозглашенный ими идеал соответствует действительности. Одним из таких произведений и можно считать утопию М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии». Вопреки мнению Западова о том, что в произведении прославляется екатерининский «Наказ», следует указать на сатирическую составляющую: исследуемый в контексте трилогии роман М. М. Хераскова приобретает очевидные черты дисномии: написанный в 1794 году, он изображает создание знаменательного «Наказа» как действие, ожидаемое в будущем.

Школьное образование офиран в контексте образовательных установлений Екатерины Второй

Как известно, Екатерине Второй были близки камеральные идеи¹. Достигнуть идеала хорошо регулируемого государства (well-ordered state) можно было посредством благоразумных законов, если предварительно «приготовить» граждан к восприятию таковых. В науке не раз отмечалось воспитательное значение екатерининского «Наказа». Как программный документ эпохи он был призван распространить благочиние до самых низов общества. Возрастной ценз граждан, к которому апеллировало законодательство Северной Минервы, был всеобъемлющ. Дети и юношество усваивали гражданские истины посредством искусно составленных учебников в школе. В некоторой степени гражданская мораль и нравственность должна была дополнить собой ортодоксальное вероучение. Впоследствии гражданско-правовой идеал становится достоянием утопической литературы XVIII века, появляясь в произведении одного из первых утопистов – князя М. М. Щербатова.

В 1783 году М. М. Щербатов создает «Путешествие в землю Офирскую господина С., шведского дворянина...». В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что Офирия — это «аллегорическое изображение Щербатовым идеальной в его представлении России будущего»². В данном образе ученые нередко усматривали завуалированную критику современных екатерининских порядков³. Не случайно, отмечал А. А. Кизеветтер, по своему жанру «Путешествие...» не является классической утопией, включая в себя

¹ Под камералистикой в данном случае подразумевается совокупность административных и хозяйственных знаний по ведению камерального (дворцового и в широком смысле государственного) хозяйства.

² Краснов А. Образ будущего Петербурга, Царского Села и Гатчины в романе М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» // Нева. 2006. № 4. С. 271 – 275.; Харитонов Е. В. Русское поле утопий (Россия в зеркале утопий) // Фантастика 2002. 2002. Вып. 2. С. 417 – 477. ; Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII века («Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецакого дворянина» – сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. 53 с.

³ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 108.; Кизеветтер А.А. Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 29–56; Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII века. (Путешествие в землю Офирскую г. С., шведского дворянина – сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. С. 9.

элементы пророчества и сатиры¹. В тексте нашло отражение множество реалий, заимствованных из современной действительности. Последнее справедливо в отношении офирской системы образования. Автор описывает учебные заведения, перечисляет дисциплины, и, между прочим, предлагает вниманию читателя содержание «маленьких книжек»: «катехизисма» нравоучительного и гражданского, которые изучаются в училищах наряду с другими предметами.

О наставлениях для офирского юношества неоднократно упоминалось в работах, посвященных утопии М. М. Щербатова, вместе с тем, отдельных исследований по данной теме нет. Крайне негативная оценка катехизисов дана в статье Н. Д. Чечулина «Русский социальный роман XVIII века» (1900). «Эти моральные правила, и эта вера в то, что можно сделать людей лучшими и счастливыми каким-нибудь небольшим по объему – и, прибавим от себя, ничтожным по содержанию – сборником прописных истин азбучной морали – все это было общераспространенным в XVII и особенно в XVIII веке»². Следует заметить, что наблюдения ученого носят односторонний характер: оставлена без внимания та часть наставлений, которая имеет отношение к гражданским законам. Аналогичную характеристику можно дать работе Э. Вагеманса «К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его “Путешествие в землю Офирскую”». В статье А. А. Кизеветтера «катехизисмы», напротив, охарактеризованы лишь со стороны гражданского права³. Любопытное наблюдение на этот счет высказано в монографии Т. В. Артемьевой, посвященной утопии XVIII века. Указывая на то, какое место занимало освоение этих правил в образовательной системе Офирии, автор уподобляет его изучению Евангелия в Российской империи⁴. В исследовании французского слависта Андре Монье «Русская утопия в век Екатерины» катехизисмы описаны как деистические,

¹ Кизеветтер А.А. Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 31

² Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII века. («Путешествие в землю Офирскую г. С., Шведского дворянина». – сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. С. 22.

³ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 112.; Кизеветтер А.А. Русская утопия XVIII столетия / Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 49.

⁴ Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 295.

вольтерьяновские, не соответствующие божественному Откровению и церковному Преданию¹.

Утопия М. М. Щербатова, действительно, пропагандирует христианский идеал в его искаженном, неканоническом виде. Главный герой, от лица которого ведется повествование, разговаривает о вере с офирским священнослужителем-санкреем. Исповедуя православное вероучение, он рассказывает «о сотвореніи міра, о паденіи человѣка, о приуготовленіи пророчествами и знаками воплощенія Господа Иисуса Христа». Санкррей остается безучастен к доказательствам, отвечая:

«...мы также единого Бога как и вы почитаем, признаем Его единого всемогущим строителем и правителем всего видимаго и невидимаго»².

Между тем, согласно замыслу автора, утопическая страна являет собой некий эталон, который в культурном и политическом отношении превосходит Российскую империю и страны Европы. Религия офирцев, как следствие, также предстает в свете более выгодном. В отличие от православия, во многом основанного на «осуществлении ожидаемого и уверенности в невидимом» (Евр.11:1), вера в Единого Бога предельно рассудочна. В ней нет ничего сверхъестественного, все качества Божества офирец логическим путем выводит из созерцания окружающего мира.

«Мы люди, а потому суть твари одаренные разсудком, и слѣдственно взираем на небеса, устройство разныхъ светил, ихъ разные пути; взирая на землю, плодородіе ея, испытаніе, что никакая травка безъ сѣмени не родится; ...а потому мы и заключили со справедливостію, что есть невидимое нами Всевышнее Естество, которое все создало, все устрояетъ и все содержитъ»³.

¹ Monnier A. Une utopie russe au siècle de Catherine // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. N. 23(2). P. 191.

² Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую ... Стлб. 838.

³ Там же. Стлб. 802.

Следует отметить, что подобные постулаты не являлись для XVIII века чем-то оригинальным. Несмотря на то, что они представлены в утопической форме, в них видно влияние педагогических теорий, сутью которых, по слову С. В. Рождественского, «было стремление порвать с традицией религиозного образования, в его исторических вероисповедных формах, и поставить воспитание на почву идей деизма и естественной морали»¹. Так, по плану, составленному для детских воспитательных академий в 70-х годах XVIII века, «первая наука, заключающая в себе великую воспитательную силу, есть закон Божий, но не “богословие Откровения”, а богословие “естественное”» (курсив мой – Ю.Р.)². Нравственные и гражданские законы офирян также выводятся из рационалистического убеждения в существовании Высшего Естества. «Взирая на разные приключенія жизни человѣческой и бывъ убѣждены въ правосудіи Божіемъ, считаемъ мы быть души человеческія безсмертны, считаемъ воздаяніе за добрые дѣла и наказаніе за злые»³. «Законнический» характер имеет не только религиозная философия, но и маленькие книжки, содержащие нравственный и гражданский «катехизисмы», преподаваемые офирскому юношеству в школах. В «книжках» М. М. Щербатова лексема «Бог» встречается редко и семиотически тождественна слову «Создатель» или «Естество». В этих и других деталях заметно влияние идей одного из представителей естественно-правовой школы – Самуэля Пуффендорфа, озвученных автором в сочинении «О должности человека и гражданина по закону естественному», – книге, впервые опубликованной на русском языке в 1724 году.

С. Пуффендорф «О должности
человека и гражданина»

«...яко БОГ ЕСТЬ
ВСЕЛЕННАЯ СЕЯ

М. М. Щербатов
«Катехизмы, нравственный и
гражданский»

«1. Ничто из ничего быть
не может. Подумай, и ты

¹ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках. Т I. СПб., 1912. С. 343.

² Там же.

³ Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую ... Стлб. 804.

СОЗДАТЕЛЬ. Егда бо разсуждением самым ведомо есть, что сия вся, яже суть в мире сем, от себя самых начала своего не имуть, то подобает да бы оная краснейшую некую вину имели: которая самая тая есть, юже БОГОМ именуем»¹.

увидишь сам сию истину, что каждая вещь имеет свою причину и начало; следственно и составление вселенной, и самое твое естествование должно иметь свою причину и начало; и сие есть Бог»².

Свои «Размышления о законодательстве вообще» писатель также изложил в духе естественного права. Он отмечал, что «законы должны быть сходны с Божественными и естественными узаконениями»³. К выше упомянутой работе Пуффендорфа, очевидно, восходит и трехчастная структура М. М. Щербатова: божественный – естественный (положительный) – человеческий закон. Ср.:

«Закон по елику надлежит до законодавца, разделяется на БОЖИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИИ. Оныи от БОГА, сеи от человека дается. Но аще закон разсудим, яко потребное и нужное приличие к человеку имеет, или не имеет: делится на ЕСТЕСТВЕННЫЙ и ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, то есть установленный. ЕСТЕСТВЕННЫЙ есть, который с словесным и дружеским естеством человеческим тако согласуется, что роду человеческому честное и мирное дружество»⁴.

Книга Пуффендорфа, по всей видимости, послужила источником для сочинения другого немецкого автора – монаха-августинца Иоганна Фельбигера, труд которого имеет аналогичное название: «О должностях человека и гражданина». Учебник был переведен с немецкого на русский и издан в то же время, в которое было написано «Путешествие в землю Офирскую». Сложно сказать с уверенностью, был ли знаком М. М. Щербатов с этим педагогическим трудом, вместе с тем, можно говорить о наличии некоторых сближений на уровне

¹ Пуффендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 77.

² Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую ... Стлб. 932.

³ Щербатов М. М. Политические сочинения. Под ред. И.П. Хрущова. Т.1. СПб., 1896. Стлб. 361.

⁴ Пуффендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 54.

идеи и композиции. Обе работы начинаются с рассуждений об обязанностях человека по отношению к Создателю. Между тем, в фельбигеровском тексте этой теме уделено меньше внимания, чем в «Путешествии...». У немецкого педагога долг христианина по отношению к Творцу рассматривается сквозь призму гражданской морали – М. М. Щербатов же нередко заостряет внимание на духовной стороне вопроса. В целом ряде случаев мысль российского писателя отражает цель и назначение нравственного катехизиса точнее, чем взгляд западного педагога. Если глава «О должностях к самому себе» из фельбигеровской книги включает в себя такие подглавы, которые касаются домоводства и поведения в быту: «О порядке», «О трудолюбии», «О довольствии», «О хозяйстве», «О бережливости», – в утопии М. М. Щербатова фрагмент под тем же названием включает в себя разделы о кротости, воздержании и житейской мудрости.

В другом разделе писатель еще более уходит от основанных на христианской этике западных естественно-правовых теорий в сторону ортодоксального вероучения. Так, Часть I «Должности человека относительно к вышнему Естеству и самому себе» заканчивается положением, которое, вероятно, восходит к Поучению аввы Дорофея «О страхе Божиим».

24. Прилагай свое попечение каждый вечер размышлять о содеянном тобою; суди себя яко строгий судья, и благодари Бога, что содеял хорошее, остерегайся же и проси его, чтобы дал тебе силу воздержаться, что содеял худое¹.

Таким образом, «естественная религия» утопических жителей, несмотря на незнание ими христианства, содержит в себе основы православного святоотеческого учения. Центральной идеей катехизмов является любовь к своему Отечеству, то же можно сказать и о педагогическом трактате Иоганна Фельбигера. Согласно методике последнего, государство фактически отождествлялось с царствующей особой, правительством.

¹ Щербатов М.М. Политическая сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. СПб., 1896. Стлб. 935.

«Когда любовь к отечеству в том состоит, чтоб мы Государю, начальству и законам общества, в коем мы живем, усердно покорялись; то смотреть нам должно, что любовь к отечеству в сердцах наших производит»¹.

По словам Д. Л. Блэка, «излагая юным ученикам мысль о том, что воспитание патриотических чувств является естественной частью образовательного процесса, автор предлагал новый фундаментальный, образец жизненного порядка»². Именно такое общество и хотела построить Екатерина Вторая, которая, по замечанию М. Раева, «может быть причислена к великим правителям-камералистам»³.

Катехизмы писателя, в отличие от методики австрийского педагога, провозглашают связь патриотизма с соблюдением установлений, заведенных в государстве: «кто любит свое отечество, тот любит его и закон»⁴. Насколько можно заметить, закон для писателя имел значение абсолютное. В работе 1785 года «Размышления о законодательстве вообще» М. М. Щербатов писал:

«Законы должны быть сходны с Божественными и естественными узаконениями. «Вмещенное в священное писание учение под именем премудрости Иисуса сына Сирахова нам гласит: «Начало премудрости – страх Господень». Не должны мы от сих священных и внутренним чувствованием сердец наших утвержденных слов в важном деле законодательства удаляться»⁵.

«Гражданские катехизисмы» для офирского юношества носят более утилитарный характер. Из любви к законам проистекает любовь к порядку,

¹ Фельбигер И. О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. СПб., 1783. С. 118.

² Black J. L. Citizens for the fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia (with a translation of book on the duties of man and citizen (St. Petersburg, 1783). East european quarterly, boulder. distributed by columbia university press. NY., 1979. P. 83 – 84.

³ Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. 1975. Vol. 80. No. 5. Dec. P. 1236.

⁴ Щербатов М.М. Политическая сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. СПб., 1896. Стлб. 940.

⁵ Щербатов М.М. Размышления о законодательстве вообще / Щербатов М. М. Политические сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. Т.1. СПб., 1896. Стлб. 372.

последнее, в свою очередь, требует иерархии: начальники – подчиненные. Указанная структура не является провиденциальной: власть высших над нижними объясняется не Божественным промыслом, но особыми привилегиями первых: «сии избраны яко достойнейшие и более сведения имущие, а потому и сим уже преимуществуют над тобою»¹. Вместе с тем, нравственные наставления М. М. Щербатова содержат моменты, проникнутые духом православного вероучения. Не случайно годом позже в статье «О способах преподавать разные науки» (1785) писатель предложил свою педагогическую систему, ядром которой являются катехизмы преосвященного Платона, архиепископа московского и калужского, и переведенный с французского краткий исторический катехизис господина Флери. Кроме прочего, автор упоминает о катехизисе, сочиненном им лично для собственных детей, в котором исторически выводит «строение Божие от начала создания света, о искуплении рода человеческого» и догмат веры изъясняет².

В петровскую эпоху «секуляризация морали», ставшая естественным следствием отмежевания институтов светской власти от клерикального мира, повлекла за собой смену жизненных приоритетов. В период расцвета просвещенного абсолютизма политический идеал заметно изменился: Екатерине были близки идеи камералистов о регулярном государстве, объемлющем все сферы жизни человека, включая религию. По словам М. Раева, «основной обязанностью правителя-камералиста являлось попечение о духовной жизни своих подданных и забота о спасении их души»³. Воспитание «добродетельного, истинного гражданина» было целью имперской политики, к достижению которой самодержица стремилась через практику законодательного регулирования жизни граждан и повышение качества школьного образования. Мысль «о катехизисе нравственности» как особом предмете преподавания в народных школах была доминирующей. Необходимость совмещения этического и гражданского

¹ Щербатов М.М. Политическая сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. СПб., 1896. Стлб. 941.

² Щербатов М.М. О способах преподавания разных наук / Сочинения князя М.М. Щербатова. Т. II. Статьи историко-политические и философские. Под ред. И.П. Хрущова и А.Г. Воронова. СПб., 1898. Стлб. 500.

³ Raeff M. The Well-Ordered Police State and Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: an Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Dec. 1975. Vol. 80. No. 5. P. 1224.

образования отмечалась уже в знаменитом «Наказе»¹. Те же идеи были заложены в Уставе Сухопутного Кадетского Шляхетского корпуса². После издания в 1783 году книги Иоганна Фельбигера воспитание истинного Сына Отечества становится провозглашенным идеалом педагогики.

Таким образом, к моменту создания романа М. М. Щербатова воспитанники российских училищ имели возможность изучать обязанности гражданина, наряду с правилами нравственности. Естественно, что такая практика не могла быть повсеместной, но она существовала. В этом контексте, например, замечание А. А. Кизеветтера о школах Офирии как о скрытом указании на правовую безграмотность российских граждан отражает действительность не совсем верно. Краткий анализ «катехизмов» М. М. Щербатова в свете педагогических сочинений XVIII века позволяет прийти к выводу, что в состав офирских «книжек» для юношества включались не только западные, но и оригинальные, отечественные тексты, среди которых немалое число принадлежит самому писателю. Это и проект об училище для купечества, и катехизис, составленный М. М. Щербатовым для его детей.

Для культуры второй половины XVIII столетия «книжки» не были художественным преувеличением. Сходным значением в начале века отличалось «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» (1717). Наряду с цифирью и букварем, оно включало в себя сентенции из Священного Писания, правила поведения в обществе. На первый взгляд, нравственный и гражданский «катехизмы» офирян имели строго утилитарный характер, были направлены лишь на стяжание земных благ, однако при более пристальном взгляде очевидна их связь с истинами христианского закона, который поставляется залогом благосостояния, порядка и мира.

¹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 42.

² Бецкой И. И. Устав Императорского Шляхетского Сухопутного Кадетского Корпуса учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. СПб., 1766. С. 16.

*

*

*

Нередко при изучении русских утопий применяется биографический метод. В большинстве случаев это оправданно. Сервиллизм М. М. Хераскова в романе «Нума Помпилий» может быть эксплицирован в связи с социальным положением писателя, который на момент создания произведения являлся директором Московского университета. Общинный образ жизни лунатистов Левшина, изображенный им в повести «Новейшее путешествие», связан с принципиальным уходом писателя от дел к сельскому хозяйству. В контексте жизненного пути может быть интерпретирован образовательный идеал М. М. Щербатова. В 1783 году писатель и общественный деятель, он был принят в члены Российской академии наук. В 1783–1784 годах стал автором знаменитой утопии «Путешествие в землю Офирскую». В произведении нашло отражение упоминание о вышеуказанном образовательном учреждении. «Я самое утро завтрашняго сего дни употребил разсматривать многия заведения в сем граде (Перегабе – *Ю. Р.*); видел тут учрежденную академию наук, исполненную собранием великаго числа натуральных вещей»¹. За свою жизнь литератор написал ряд педагогических проектов, среди них «Проект о народном изучении», который, по предположению А. Г. Львовой, следует считать прототипическим по отношению к программе школьного образования, нашедшей отражение в утопической Офирии. Указанные параллели делают вопрос о педагогическом идеале писателя чрезвычайно актуальным для современной науки.

Попытка установить, насколько идеальные училища Офирии соответствуют выбранному Екатериной курсу государственной педагогики, до сих пор не предпринималась в отечественном и зарубежном литературоведении. Целый ряд исследователей писали об офирских школах, но они не рассматривали эталон М. М. Щербатова в контексте российской системы образования. Кроме того, в выводах ученых нередко можно было найти неточности, связанные с недостаточным знанием текста. Так, среди некоторых исследователей

¹ Щербатов М. М. Политическая сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. СПб., 1896. Стлб. 788.

(Н. Д. Чечулин, Т. В. Артемьева) господствовало мнение, что обучение в офирских школах было повсеместным, то есть бессословным¹, однако в Офирской империи просвещение доступно лишь дворянам, мещанам, купечеству и солдатам. Сомнение вызывает и замечание А. А. Кизеветтера о том, что в утопическом государстве «существует обязательное – и притом даровое – обучение»². В действительности, на содержание деревенских школ определялся «самый малый сбор со всех поселян», который французскими деньгами составляет две с половиной копейки³. В монографии о русской литературной утопии С. Л. Бэра тема образования была представлена лишь кратким пересказом фрагмента о воспитании будущих офирских монархов⁴. В прочих исследованиях (Л. Геллер и М. Нике, Б. Ф. Егоров) данная тема не получила освещения.

В параграфе, в котором шла речь об офирских катехизмах М. М. Щербатова, мы уже коснулись темы нравственного образования офирян, используя для сопоставительного анализа учебник августинского монаха И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина» и одноименный труд Самуэля Пуффендорфа. М. М. Щербатов, вероятно, мог воспользоваться данными источниками для воссоздания офирского образовательного идеала. Вместе с тем, основой для просветительской утопии писателя могли послужить как педагогические проекты екатерининской поры, так и собственные, написанные ранее 1783 года труды автора по педагогике.

К началу 60-х годов XVIII века относится документ, озаглавленный «Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ», сохранившийся «без обозначения имени автора и времени составления»⁵. Для истории российского образования этот текст значителен. В нем впервые была представлена программа профильного обучения, идею которого впоследствии апроприировал М. М. Щербатов для изображения своего педагогического идеала.

¹ Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 294.

² Кизеветтер А. А. Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 49.

³ Щербатов М. М. Политические сочинения. Под ред. И. П. Хрущева. СПб., 1896. Стлб. 935.

⁴ Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia ... P. 138.

⁵ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках. Т. I. СПб., 1912. С. 266.

Согласно проекту, по разности званий и намерений учащихся, гимназии разделяются на четыре вида: «1) училища для ученых людей, 2) военные, 3) гражданския и 4) купеческия»¹. Утопист отображает сходную модель, с той разницей, что первыми по значимости являются училища не для ученых, а для дворян.

Общеизвестно, как писатель относился к личности воспитателя и реформатора российского образования И. И. Бецкого. Это отношение отражено в полемическом памфлете «О повреждении нравов»: «...Бецкой, человек малаго разума, но довольно пронырлив». Примечательно, что училища М. М. Щербатова принципиально разделены на женские и мужские, в то время, как Бецкий в «Генеральном учреждении о воспитания» (1764) выдвигал идею о совместном обучении юношей и девиц.

К проектам екатерининской эпохи восходит такая особенность, как обучение детей в закрытых учебных заведениях интернатного типа. Эталон Бецкого – воспитательное учреждение, в котором дети должны быть изолированы от воздействия окружающей среды, включая родных – в модернизированном виде встречается и у М. М. Щербатова, в Офирии которого «каждому на волю отдается – жить ли в училище, или приходить токмо учиться»².

Следующей аналогией является сходство офирских сельских училищ с деревенскими школами XVIII века. Согласно педагогическому проекту 1770 года, надзор над деревенскими школами поручался священникам. «...Но так как, по своим приходским же предназначались диаконы, а где их не было, дьячки; наконец, в случае недостатка церковнослужителей, допускались и светские преподаватели»³. В сельских школах Офирии наставление юношеству дает «единый при службе храма находящийся отличной добродетели муж»⁴. Кроме прочего, в офирских училищах, как и в Российской империи, учатся шесть дней в неделю. Между тем, не все из детей имеют возможность посещать занятия: «...те,

¹ Там же. С. 276.

² Щербатов М.М. Политическая сочинения. Под ред. И. П. Хрущева. СПб., 1896. Стлб. 921.

³ Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. С. 69.

⁴ Щербатов М.М. Политическая сочинения. Под ред. И. П. Хрущева. СПб., 1896. Стлб. 922.

которые учатся математике, истории, географии и другим наукам, которые в губернских училищах токмо преподаются, те учатся три дни, употребляя другие три дни учить тех, которые первым основаниям наук учатся...»¹. Следует отметить, что для екатерининской эпохи подход, при котором воспитанники являлись одновременно учителями своих сверстников, был не только новым, но и утопичным. Так, «Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской империи» (1782) содержит Таблицу успеваемости учащихся, по которой можно судить о качестве школьного образования детей на момент 1793-1794 гг. Список состоит из двух фамилий. По окончании учебного года Петр Дмитриев научился «познанию букв хорошо», Анна Петрова «склады знает посредственно», но «подает надежду»².

По мнению Джеффри Хоскинг, «основной целью на средних и высших степенях екатерининского образования была подготовка кандидатов для государственной службы, в то время как на первичном уровне необходимо было обучить практическим навыкам и привить религиозные и моральные нормы»³. Среди школьных дисциплин утопического государства также есть место нравственным наставлениям. В училищах каждый день оставляется полчаса на преподавание и толкование моральных норм. Вопросу добронравия писатель уделяет немалое внимание и в собственноручно составленном проекте училища для купечества. Образовательный процесс, по М. М. Щербатову, должен строиться на принципах гуманности. Согласно программе: каждое воскресенье и в господские праздники купцы должны слушать службу божию «со всем вниманием и прилежностью»; кормить нищих и дряхлых⁴.

Как отметил Андре Монье, своей идеальной Офирией, М. М. Щербатов выносит приговор екатерининской политике⁵. Между тем, для создания идеальной модели офирской школы автор использовал элементы все той же системы народного образования, созданной при Екатерине Второй.

¹ Там же. Стлб. 926.

² Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской Империи. СПб., 1807. С. 98.

³ Hosking A. G. Russia and Empire, 1552 – 1917. HarperCollins, 1997. P.125.

⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 466. Л. 7. Об.

⁵ Monnier Andre. Une utopia russe au siecie de Catherine // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. No. 23 (2). P. 190.

Идеал благочиния М. М. Щербатова в свете законодательной политики Екатерины Второй

В научной литературе не раз отмечалось, что общество, изображенное князем М. М. Щербатовым в его «Путешествии в землю Офирскую», представляет собой почти точную копию современной ему России¹. О причинах подобного сходства ученые высказывались неоднозначно. Так, С. Л. Бэр поставил появление целого ряда утопических произведений XVIII века (в том числе и щербатовскую утопию) в прямую зависимость от Уложенной комиссии 1767 и публикации «Наказа». Эти события, по замечанию ученого, привнесли в художественную литературу идею о том, что хорошие законы («eunomia») – это путь к хорошей жизни («eutopia»)². Отдельные стороны Офирской империи связывал с депутатской деятельностью М. М. Щербатова в составе Комиссии по составлению нового уложения Н.Д. Чечулин. «...Разные сословия в Офирской земле распределяют между собою деятельность совершенно так, как казалось всегда Щербатову наиболее справедливым и необходимость чего он постоянно доказывал в заседаниях Комиссии для сочинения проекта нового уложения: дворяне служат, купцы и ремесленники занимаются торговлею и промыслами, крестьяне – это рабы, крепостные»³.

Впоследствии эти мысли развил бельгийский славист Э. Вагеманс в работе «К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его “Путешествие в землю Офирскую”»⁴. Из сравнительно недавних исследований по данной проблеме следует упомянуть аспирантскую публикацию Б.А. Назаренко «Право «Офирского государства» в утопии М.М. Щербатова»⁵. Однако, в силу того, что

¹ Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 48–49.; Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 111.; Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России II половины XVIII в. М., 1984. С. 48–49.; Пыпин А. Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. 1896. № 11. С. 303.

² Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. ... P. 120-121.

³ Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII (Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецкого дворянина – сочинение князя М. М. Щербатова). СПб. 1900. С. 36.

⁴ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 111.

⁵ Назаренко Б. А. Право «Офирского государства» в утопии М. М. Щербатова // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 30–37.

статья имела конспективный характер, автор лишь процитировал отдельные фрагменты произведения, восходящие к тексту «Наказа», и не предложил какого-либо научного обоснования для обнаруженных параллелей. Попытка рассмотреть Офирское государство в свете законодательной политики Екатерины Второй, была предпринята Т.В. Артемьевой в монографическом труде «Князь Щербатов» (1994). Исследователь отметила в «Путешествии в Офир» явную полемику с екатерининской реформой 1775 года, аргументировав свои наблюдения примерами из щербатовских «Замечаний на “Учреждения для управления губернией для Всероссийской империи”»¹. Однако этими наблюдениями сопоставительный анализ Артемьевой исчерпывается.

Между тем, Офир не является плодом чистой фантазии. Практически все стороны его политико-правового устройства были озвучены М. М. Щербатовым на заседаниях комиссий по составлению Нового уложения и описаны им в предварительных статьях. «Умозрительным экспромтом» является лишь религиозная жизнь офирского общества, которая, в отличие от современной писателю екатерининской России, построена в соответствии с принципами «естественной религии». Ученые по-разному пытались интерпретировать причины подобного видения автором идеальной религиозной жизни. С некоторой долей условности исследователей данной научной проблемы можно разделить по двум направлениям. Первые из них пытаются истолковать замысел писателя через возможное влияние идей западной камералистики. В частности, Артемьева связывает религиозный эталон М. М. Щербатова с идеями основоположников «камеральных наук» И. Г. Юсти и И. Зонненфельса². В то же время представленные ею доводы отнюдь не объясняют появления у М. М. Щербатова священника особого рода, который является служащим полиции. Кроме того, насколько это известно, документального свидетельства о том, что писатель действительно был знаком с трудами указанных авторов не существует, в отличие, например, от сочинений Монтескье, Беккария, Гоббса и Локка, на

¹ Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 48–49.

² Там же. С. 52–53.

которые он ссылается в своих работах¹. Показательно и то, что в «Замечаниях на Большой наказ императрицы» (1773) им названы лишь те фрагменты, которые восходят к «Духу законов» Монтескье, в то время, как заимствований из других источников он совершенно не видит.

К представителям другого научного направления можно отнести исследователей Г. В. Вернадского, С. Л. Бэра, Н. В. Ковтун. Первый в книге «Русское масонство в царствование Екатерины II» характеризует «Путешествие в землю Офирскую» как масонскую утопию, второй называет Офирию «идеальной масонской страной» в статье «The Masonic component in eighteenth-century Russian literature»². В книге Н. В. Ковтун «Русская литературная утопия второй половины XX века» довольно подробно эксплицирован масонский подтекст религии офирцев³.

Между тем, как показали Вагеманс и Артемьева, религиозный идеал М. М. Щербатова едва ли можно объяснить посредством масонской символики⁴. Вольные каменщики всячески популяризировали мысль об упразднении института церковной власти. Однако, насколько это известно, им не принадлежала идея отождествления обязанностей служителя культа и представителя органов полицейского надзора.

Отдельно стоит упомянуть о предположениях, согласно которым религиозный идеал М. М. Щербатова можно интерпретировать посредством влияния иностранной художественной литературы. Н. Д. Чечулин справедливо указывал на некоторые аналогии между произведением неизвестного автора «Königreich Ophir» (1699) и щербатовской утопией, важное место среди которых занимает полицейский характер государственного устройства⁵. Тем не менее, указанные им параллели имеют самый общий характер и не могут служить

¹ Дьяконов М. А. Выдающийся русский публицист XVIII века // Вестник права. 1904. № 7. С. 11 – 12.

² Baehr S. L. The Masonic component in eighteenth-century Russian literature // Russian Literature in the Age of Catherine the Great. A collection of essays / Ed. By A. G. Cross. Oxford, 1976. P. 138. ; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917. С. 176.

³ Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск, 2005. С. 33 – 52.

⁴ Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 117.; Вагеманс Э. К истории русской политической мысли.: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 50.

⁵ Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII (Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецкого дворянина – сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. С. 21-23.

объяснением для появления у М. М. Щербатова священника особого типа. То же следует сказать и о сходстве между «Путешествием в землю Офирскую» и протестантской утопией Иоганна Андрэ «*Republicae Christianopolitanae Descriptio*», на которое указывал Вагеманс¹.

Таким образом, идеал М. М. Щербатова имеет какое-то иное происхождение. В этой связи попытка проанализировать, насколько законотворческие идеи эпохи просвещенного абсолютизма (к которым в определенной мере был причастен и сам писатель) могли послужить причиной создания образа идеального священнослужителя – представляет собой актуальную научную проблему.

Анализ религиозно-обрядовой стороны изображенного М. М. Щербатовым государства в контексте основных принципов законодательной политики периода просвещенного абсолютизма позволил не только существенно скорректировать, но и пересмотреть прежние выводы, ставшие в гуманитарной науке чем-то наподобие общих мест. Это, прежде всего, относится к таким традиционным воззрениям, согласно которым особенности религии Офирского общества следует связывать с масонской философией или идеями немецких камералистов. В свою очередь, сравнение «священно-полицейского строя» Офирии с действующими законодательными актами и законопроектами Российской империи XVIII в., направленными на религиозное дисциплинирование граждан, послужило основанием для вывода о том, что «реформа» М. М. Щербатова отвечала общей государственной политике в отношении Церкви и духовенства XVII-XVIII вв.

Известно, что подобные положения были заложены еще в Соборном уложении 1649 года. По замечанию В.М. Живова, уже в Уложении заметны параллельные усилия светской и духовной власти регламентировать религиозную жизнь. Усилия эти означали не только сотрудничество двух властей, духовной и светской, «но и их скрытую конкуренцию... тот, кто издает приказы, обладает

¹ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 116.

верховой властью в области, к которой приказы относятся»¹. «Конкуренция», о которой пишет исследователь, нашла свое отражение в содержании первой главы Уложения – «О богохульниках и о церковных мятежниках». Яркой иллюстрацией данного положения является вторая статья главы.

«А будет кто во время святыя литургии и в ыное церковное пение, вшед в церковь божию, учнет говорити непристойные речи патриарху, или митрополиту, или архиепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину, и тем с церкви божественному пению учинит мятеж, а государю про то ведомо учинится и сыщется про то допряма, и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговую казнь»².

Итак, бесчинство по отношению к духовному лицу, совершенное во время богослужения, карается только в том случае, если о нем становится известно государю. В данном случае очевиден примат государственной власти над церковной. С позиции светского права, по всей видимости, рассматривается в Уложении и вопрос о богохульстве.

«А будет какой бесчинник пришел в церковь божию во время святыя литургии, и каким ни буди обычаем, божественныя литургии совершити не даст, и его изымав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнити смертию безо всякой пощады»³.

Очевидно, что «изымание» и «сыскание» относятся уже не к практике православного благочестия, а к сфере религиозного дисциплинирования со стороны государства. Во всяком случае, церковные дела образованного в связи с Соборным уложением Монастырского приказа можно рассматривать в области административно-полицейского права. О полицейской функции Приказа, по замечанию М. Горчакова, свидетельствуют государственные акты 1650 и 1660 годов. Первый из них – «Окружная Грамота (в списке) Государя Царя Алексея

¹ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. НЛО. М., 2004. С. 51.

² Соборное уложение 1649 года. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 85

³ Там же.

Михайловича в туринский острог Воеводе Василию Кокореву» – касалась регламентации «должного и благоговейного почитания к святым Божиим Тайнам, носимым священниками из церквей в дома... под опасением заключения в монастыри на покаяние»¹. Второй – Царская грамота в Великий Новгород от 10 марта «о наблюдении со стороны священнослужителей, чтобы духовные их дети в великий и другие посты приходили к исповеди и святому причащению, и чтобы пение в церквах было единогласное»². Текст последнего законоположения, между прочим, также может послужить прекрасной иллюстрацией того, как государство пыталось апроприировать спасение граждан за счет регламентации ряда религиозно-обрядовых норм. При этом характерно, что авторитет государственной власти в данной грамоте первичен по отношению к «правилам святых апостол и святых отец».

«А будет приходских церквей попы и дияконы, по сей нашей Великого Государя грамоте, детей духовных и прихожан на истинный путь обращать не учнут и в сей великий пост и в прочии посты станут таковыми молчати и непокаявшихся укрывать, а нам Великому Государю учинится ведомо, и приходских церквей попом и дияконом за то от нас Великого Государя быть в великой опале и в пени, а по правилам святых Апостол и святых отец в болшом запрещении»³.

Следует отметить, что многие из пунктов, обозначенных в Деяниях Большого собора 1666 – 1667 гг., были впоследствии регламентированы в качестве функций Управы благочиния, отмеченных Екатериной II в документе 1782 года «Устав благочиния, или полицейский». Это касается, прежде всего, внешнего обрядового благочестия, речь о котором пойдет ниже.

Начатое в середине XVII века одновременно церковными и светскими властями религиозное дисциплинирование становится государственной политикой при Петре Великом. Отправной точкой данных процессов принято

¹ Окружная грамота (в списке) Царя Алесея Михайловича Туринскому Воеводе Василию Кокореву // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. 1822. Ч. 3. № 141. С. 460.

² Там же. С. 161–162.

³ Там же. С. 161.

считать Духовный регламент (1721) и более ранний Именной указ от 17 февраля 1718 года. Именно в этих законах «были прописаны» такие стороны Офирского государства, как обязательное еженедельное посещение Храма божия и введение штрафных санкций за несоблюдение тех или иных обрядовых предписаний.

В этих же документах Петром был обрисован тип священника, который является, скорее, государственным служащим и народным учителем (ученым), чем священнослужителем и проповедником Слова Божия. Дальнейшее закрепление полицейский надзор в сфере религии и нравов должен был получить в законах Елизаветы Петровны. Так, перечень глав к сочинению Нового уложения 1754 года содержит главу под названием «О злодействе и разных преступлениях, и какие за оные штрафы, наказания и казни положены быть имеют, а именно в начале о Богохулении».

Примечателен в этом отношении сочиненный на совместной конференции Сената и Синода в 1755 году реестр глав для нового Уложения, который включал в себя главы «О штрафах с разговаривающих в церкви», «Об учинивших соблазн во время литургии» и пр. Однако только в законодательных текстах правления Екатерины Второй надзор за религиозной жизнью граждан представлен как неременная обязанность органов полиции. Это XXI глава «Большого наказа императрицы» и, в особенности, «Устав благочиния, или полицейский» 1782 года. Согласно тексту «Наказа» и, в большей мере, «Устава благочиния», религия является первым объектом заботы полиции. В сферу деятельности полиции, таким образом, попадает наблюдение за благоговейным и богобоязненным поведением верующих во время службы божией. При этом «Зерцалом» Управе благочиния служит кодекс морально-этических норм, в целом ряде случаев «дублирующих» или, лучше сказать, заменяющих заповеди христианского закона. «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь», «муж да прилепится к своей жене в согласии и любви», «дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь» и пр. Таким образом, функции полиции простираются и на религиозно-нравственное воспитание общества, когда «у Церкви не остается и не оставляется

самостоятельного и независимого круга дел, – ибо государство все дела считает своими»¹.

Есть основания утверждать, что идеи данных законодательных актов нашли отражение в утопии М. М. Щербатова. Кроме довольно прозрачных параллелей, на это указывает непосредственное участие автора в законотворческой деятельности и, отчасти, моменты его биографии. Известно, что религиозный идеал писателя сложился много ранее 1783 года, когда им было написано «Путешествие в землю Офирскую». По замечанию Г.Флоровского, М. М. Щербатову был присущ «страх перед духовенством, слишком близким к нижним чинам людей. “Наши попы и церковники, имеющие малое просвещение без нравов, суть наивреднейшие люди в государстве”»². Скептическое отношение к Церкви и духовенству имело место уже в период работы писателя как депутата Комиссии по составлению Нового уложения.

Так, Фонд «Щербатовы» в составе Российского государственного архива древних актов содержит целый ряд челобитных «Святейшего правительствующего Синода члену великому господину преосвященному Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому», написанных в связи с плохим поведением клириков церкви Воскресения Христова Залоторосного Стану Ярославской губернии. В делах упоминается о «шумстве», пьянстве и прочем непотребстве попа, дьякона и пономаря данного храма. Одна из челобитных, адресованных преосвященному Афанасию, написана, кстати, самим князем М. М. Щербатовым и датируется 1766 годом. Содержание челобитных позволяет сделать вывод о том, что юношеские масонские устремления писателя и, как следствие, отход от православной традиции, были подкреплены негативным примером поведения церковнослужителей его села. Таким образом, отношение писателя к православному духовенству, которое позднее отразилось как в его депутатской деятельности в составе Комиссии, так и в литературной утопии «Путешествие в землю Офирскую», во многом имело чисто автобиографическую

¹ Фроловский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. С. 114.

² Там же. С. 684.

основу. Во всяком случае, тот факт, что офирские священники не имеют никакой платы за свое служение мог быть обусловлен денежными поборами со стороны клириков церкви села М. М. Щербатова. Так, челобитная от 1764 года, между прочим, содержит сведения о том, что «священник берет себе за исповедь по две копейки» и вместе с причтом сверх указного положенного с праха «святых людей» взимает.

А.Г. Брикнер указывал на значительную роль, которую автор «Путешествия в Офир» играл в принятии решений Большой комиссии¹. Еще большее значение, по-видимому, он имел как член Комиссии «о среднем роде людей». Известно, что план разбора родов жителей «В Дирекционную комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от частной комиссии о среднем роде жителей Российской империи» было поручено составить именно М. М. Щербатову. И если «Наказ» относил к «среднему роду» людей или городскому сословию художников и ученых не из дворян, то Частная комиссия о разборе государственных жителей причислила к среднему роду и духовенство. Показательно в данном случае, что на возражения Синода о том, что духовенство – особое сословие и не должно в правах отличаться от благородных, Частная комиссия объяснила, что «она причислила духовенство, как народных учителей, к разряду ученых»². Известно, что ни попытка Петра превратить духовенство в ученое сословие, ни аналогичное предложение М. М. Щербатова не были реализованы на практике. Однако образ офирского полицейского-священника во многом воплотил в себе этот идеал самодержавного правления. Последнее очевидно из того, что особенности выбора служителя для поучения народа, принятые в Офирской империи, имеют поразительное сходство с теми «Регулами о проповедниках Слова Божия», которые прописаны в Духовном регламенте.

Иные стороны религиозной жизни офирян почти полностью «дублируют» законотворческие инициативы по реформированию церковной жизни, предложенные обер-прокурором Священного Синода И.И. Мелиссино в качестве

¹ Брикнер А. Г. Князь М. М. Щербатов как член Большой Комиссии 1767 г. // Исторический вестник. 1881. № 6. С. 235.

² Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. V. Курс русской истории. Ч. V. М., 1989. С. 93.

проекта для составления Нового уложения в июне 1767 года. Обращаясь к членам Синода с вопросом, нельзя ли что-либо убавить из «продолжительных церковных обрядов», обер-прокурор одновременно выступил с инициативой о замене всенощных и вечерен чтением кратких молитв с обязательным поучением народа¹. Любопытно отметить, что, несмотря на неприятие членами Синода этих предложений, черновой вариант «Нотата наказу для будущего от св. Синода при сочинении проекта Нового Уложения депутату» содержал статью «совершенно в духе Мелиссино» о церковных установлениях, отяготительных для светских людей². Не устраивала обер-прокурора и форма одежды духовенства, которую он предлагал заменить на более простую – «пристойнее нынешней»³.

Данные предложения оказались поразительно созвучны реформаторским взглядам самого М. М. Щербатова. Его утопические герои приносят богу краткое, но обязательное моление. Все богослужения в Храме, в том числе и служба в так называемый «день Божий», соответствующий нашему воскресенью, занимают не более нескольких минут. Трудно сказать, насколько одежда офирского священства соответствовала требованию простоты, выдвинутому обер-прокурором Синода. Вполне вероятно, что, как на то указывает Н. В. Ковтун, одежда офирского священства – это все-таки дань масонской атрибутике⁴. «Наконец увидал я человека, в длинном белом платье, имеющего род нагрудника, на коем находилось выкованное... солнце... на голове у него была повязка голубаго цвету...».

В идеальном устройстве Офирии нашли свое отражение и довольно либеральные взгляды Мелиссино на супружество. По словам офирского священника, «браки... не есть дело, касающееся до веры, но до гражданских законов». А потому «каждый, не спросяся никого, может с супругой своею

¹ Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 117.

² Прилежаев Е. М. Наказ и пункты от Св. Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении проекта Нового уложения // Христианское чтение. 1876. Ч. I. № 9 – 10. С. 232.

³ Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 118.

⁴ Ковтун Н. В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. С. 38.

развестися». Обер-прокурорское предложение об ослаблении слишком строгих правил о родстве как препятствии для заключения браков и расширении причин для развода, «кроме прелюбодейного случая», также «продублировано» в щербатовской утопии¹. В этой связи следует заметить, что Мелиссино далеко не всегда озвучивал по данному вопросу свои мысли. Во многом его «Предложения» были обусловлены политикой в отношении православной Церкви самой великой государыни императрицы Екатерины. Логическим пределом подобного тотального государственного контроля за религиозной жизнью граждан, отчасти, и является образ офирского полицейского- священника.

Сделанные наблюдения позволили значительно скорректировать традиционный взгляд на щербатовскую утопию как (в большей мере) художественную рецепцию идей западных философов и полицеистов. Последнее, в свою очередь, дало возможность пересмотреть научное представление (Артемьева) о заимствовании М. М. Щербатовым модели религиозного устройства Офирского государства у немецких камералистов Юсти и Зонненфельса, а также подтвердило спорность научного представления (Г. В. Вернадский, С. Л. Бэр), согласно которому религия офирцев представляет собой исключительно масонский идеал писателя.

Предпринятая в работе попытка рассмотреть религиозную «реформу» М. М. Щербатова в контексте законодательной политики просвещенного абсолютизма и законотворческой деятельности самого писателя послужила обоснованием для вывода о том, что в сущности своей фигура офирского священника-полицейского имела не западные идеи, а вполне конкретные отечественные образцы, существовавшие в виде законопроектов или закрепленных норм права.

¹ Там же. С. 119.

Утопический проект И. И. Тревогина и законы Екатерины Второй в области образования

Просвещенный век Екатерины Второй – время образовательных и законодательных реформ. Ядром законодательной мысли второй половины XVIII века была идея воспитания. «Для ведения лучших законов необходимо потребно, умы людские к тому приуготовить», – провозглашал «Большой наказ императрицы»¹. Однако те же не свойственные юридическому документу дидактические, мифологические черты «Наказа» послужили основанием для целого ряда утопических проектов, как педагогических, так и литературных. Б. Ф. Егоров прямо относит екатерининский «Наказ» к утопическим сочинениям: «Все планы – и корректировка крепостного права, и выработка конституции (уложения) – были сознательно задуманы императрицей как идеальная утопия, хорошая пропаганда для Запада»².

Печатью утопизма отмечена большая часть законотворческих инициатив Екатерины. Это и проект И. И. Бецкого о создании новой породы людей, и попытка императрицы создать «третье сословие»³. Само по себе имя «законодательница» в сознании современников было связано с мифологической по своему масштабу и характеру реформаторской деятельностью императрицы. Совершенно естественно, что основным видом утопий мемуарно-эпистолярного жанра в указанный период, наряду с государственной утопией (утопией-эвномией), являлась педагогическая утопия идеального воспитания (утопия-эвпсихия)⁴. Неудивительно, что даже такой, казалось бы, краткий по форме документ, как «Именной указ “Об учреждении Российской Академии» (1783), повлиял на создание целого ряда утопических произведений. «Звучные дела

¹Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта Нового уложения. Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 13.

²Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 74–75.

³Лавринович М. Б. Социально-политическая программа Екатерины II: «Третье сословие» как утопия русской истории // Философский век. Альманах. Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. 2000. С. 60–73.

⁴Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дисс... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Е. Е. Приказчикова. Екатеринбург, 2010. С. 6.

государей наших... а наипаче славный век Екатерины Второй явит нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века», – отмечала в слове в честь открытия императорской российской академии Е.Р. Дашкова¹. Год издания указа знаменателен и тем, что это время появления утопических проектов Ивана Ивановича Тревогина, посвященных Екатерине и напрямую связанных с ее образовательными реформами.

В научный оборот произведения этого автора были введены в 50-х годах XX столетия А. И. Старцевым и Л. Б. Светловым, которые обнаружили и описали хранящееся в ЦГАДА «Дело о малороссиянине Иване Тревогине, распускавшем о себе в Париже нелепые слухи и за то отданном в солдаты. Притом бумаги его, из которых видно, что он хотел основать царство на острове Борнео». Ими же были сделаны исследования рукописи, хранящейся в архиве, которые были посвящены особенностям жизненного пути и деятельности И. И. Тревогина как издателя исчезнувшего журнала «Парнасские ведомости»². К «Делу о малороссиянине Иване Тревогине» обратился А. Л. Топорков, который, рассматривал биографию автора, как литературное сочинение, «готовый сюжет для авантюрного повествования»³. Как художественное произведение история жизни авантюриста представлена в книге Май Курмачевой «Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX века)», в которой, кроме того, сделан разбор стихотворений, написанных Иваном Тревогой в Бастилии⁴. Позднее в совместной работе А. Л. Топоркова и Е. Е. Дмитриевой также была предложена попытка литературоведческого анализа авантюрной биографии писателя и его утопических проектов⁵. Материал о жизни и творчестве авантюриста содержится и в «Историческом путеводителе» по российским утопиям Б. Ф. Егорова, но, ввиду справочного характера издания, статья исследователя отчасти есть компиляция

¹ Дашкова Е. Р. Речь, говоренная при открытии императорской российской академии октября 21 дня 1783 года / Литературные сочинения. М., 1990. С. 265.

² Старцев А. И. Иван Тревогин – издатель «Парнасских ведомостей» // Новый мир. 1958. № 9. С. 278 – 284.; Светлов Л. Б. Исчезнувший журнал // Литературная Россия. № 51. 1966.

³ Топорков А. Л. История Ивана Тревогина // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Сб. науч. тр. Отв. ред. доктор филол. наук. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1989. С. 248.

⁴ Курмачёва М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). М., 1983. С. 226.

⁵ Дмитриева Е. Е., Топорков А. Л. Авантюрная автобиография И.И. Тревогина // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. М., 1992. С. 49.

уже имеющихся литературоведческих изысканий. В качестве русского путешественника в Париже описан И. И. Тревогин в книге Н. Я. Эйдельмана «Мгновенье славы настает». Автор подходит к наследию малороссийского утописта с интересной позиции, пытаясь увидеть в текстах, написанных в Бастилии, рецепцию распространенных в России философских идей и просветительских взглядов¹. Как полулегендарный герой «авантюрного XVIII века» И. И. Тревогин упомянут в исследовании И. В. Курукина, Е. А. Никулина «Повседневная жизнь тайной канцелярии»².

Стоит отметить, что, несмотря на уникальность рукописей малороссийского автора, с точки зрения конкретных предложений в сфере науки и образования они практически не рассматривались. Первым привлек внимание к трактатам писателя Л. Б. Светлов в статье «Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты». По словам ученого, тексты «показывают, что их автор был хорошо осведомлен во многих актуальных общественных проблемах той эпохи, много размышлял над ними и, несмотря на свою молодость, смог выработать собственную утопическую систему государственного устройства и просвещения человечества»³. Однако, несмотря на всю авторитетность исследования, с некоторыми положениями Светлова трудно согласиться. По его наблюдению, «Область знаний», «Империя знания», «Учебная республика» и «Офир» представляют собой не что иное, как различные названия «Храма знаний», в то время как последний «должен представлять собой своеобразную универсальную и автономно управляющуюся академию, где были бы сосредоточены труженики всех наук и искусств»⁴. Из текста статьи видно, что ученый, к тому же, использует названия «Храм знаний», «Империя знаний» и «Офир» как тождественные, взаимозаменяемые: «Офир» или «Храм знаний»⁵. В действительности же, указанные объекты различны не только по своему характеру, но и по

¹ Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настает. Л., 1989. С. 50 – 52.

² Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь тайной канцелярии XVIII в.. М., 2008. С. 396 – 397.

³ Светлов Л. Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XX. Вып. IV. М., 1961. С. 331.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Там же. С. 330.

географическому местоположению. «Офир»... огромный дом, где будут собраны все науки, художества и ремесла», расположенный «в России в городе Харкове»¹. В том же городе, согласно идее малороссийского утописта, располагается «Храм знаний», который по численности не должен превышать 100 человек «самых ученейших»². Империя знаний же «простирается по обширности своей на весь свет, то есть: как во всей Европе, так в Азии, в Африке и в Америке члены ее находятся»³.

По внутреннему устройству империя разграничивается на четыре части: наук, художеств, ремесел и языков, которые, в свою очередь, делятся на «ученые наместничества, губернии, провинции и проч»⁴. Смысловая контаминация имеет место и в работе Л. М. Когана. «Выдвигая в трактате “Область знаний” и примыкающих к нему проектах идею создания Империи знаний, И. И. Тревогин освобождает эту Империю от вмешательства со стороны дворянства (курсив мой – Ю.Р.)»⁵. То же происхождение, вероятно, имеют неточности в монографии Т. В. Артемьевой «От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения». По словам автора, «модель Тревогина предполагает национально-софиократическое государство, идеологией которого является наука»⁶. Между тем, как было упомянуто, Империя знаний представляет собой наднациональное государство, включающее в себя европейские и азиатские страны света. Кроме того, спорным представляется и вывод Артемьевой о том, что «Тревогин собирается создать *Империю знаний*, а не Республику ученых, что и симптоматично и грустно»⁷. В действительности, утопическая империя знаний только именуется империей, а не является таковой по форме внутреннего устройства. Последнее очевидно из того, что в государстве знаний «престолы не наследственны, но возводятся на оный из членов те, которых

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 343 об.

² Там же. Л. 254.

³ Там же. Л. 288 об.

⁴ Там же. Л. 289 – 289 об.

⁵ Там же. С. 276.

⁶ Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 203.

⁷ Там же.

чрезвычайной совет способными к правлению найдет»¹. Исходя от этого положения трактата, Курмачева сделала вывод о том, что писатель склоняется к критике условий феодально-крепостнического режима России². Имея в виду то, что империя (как это неоднократно отмечает сочинитель проекта) состоит из людей «самых ученейших» – следует, скорее, согласиться с противоположным утверждением, согласно которому «Империя знаний» имеет республиканское правление, с советом ученых во главе.

Иное (отличное от традиционного для гуманитарных наук) видение проблемы предложено в работе Р. В. Кауркина «Утопические проекты Ивана Тревоги»³. Автор склонен отделять «Храм знаний» от таких административно-образовательных единиц, как «Империя» или «Область знаний», рассматривая, наряду с первым, храмы «Натуры» и «Дружества». По мысли исследователя, «в бумагах И. Тревоги фигурируют четыре “храма”: “Натуры”, “Дружества”, “Знаний” и “Архитектонов”. Если первый из них лишь обозначен [л. 227], а двум последующим уделено внимание в виде набросков на одном листе [л. 227, 284], то последнему посвящено более подробное описание [л. 344–349 об.]»⁴. В статье есть другие ценные научные наблюдения. В частности, указание на то, что поводом к сочинению утопических проектов послужил Именной указ «Об учреждении Российской Академии»⁵. Доказательство этому Кауркин совершенно справедливо усматривает в словах чернового обращения И. И. Тревогина к самодержице: «...сие сочинение подаст какой-нибудь пример к присоединению чего-нибудь к новоучреждаемой академии»⁶. Отсылку к петербургской Академии наук усматривает в проектах малороссийского сочинителя и Курмачева, по словам которой в них «нельзя не видеть критического отношения к организации просвещения в стране, и в частности, к системе управления, принятой в

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 290 об.

² Курмачёва М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX вв.). М., 1983. С. 235.

³ Кауркин Р. В. Утопические проекты Ивана Тревоги // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6 (1). 2011. С. 245–249.

⁴ Там же. С. 245.

⁵ Там же. С. 249.

⁶ Там же.

петербургской Академии наук»¹. Альтернатива указанной системе, по мнению автора исследования, содержится в описании «Области знаний»².

В научной литературе не раз отмечалось отличие данного текста от прочих по времени и форме написания. По словам Артемьевой, работа над «Областью знаний», или «Ученой областью», была начата И. И. Тревогиным еще в Харькове, до переезда в Петербург, куда он прибыл в 1781 году. С таким выводом едва ли можно согласиться. Как видно из архивной рукописи, передающей точную биографию сочинителя, в северную столицу он перебрался не из родного для него Харькова, а из Воронежа. Именно в этом городе выходец из Малороссии «все препровождение своего времени... положил, как по обыкновенному своему усердию за дарование жизни к отечеству, *на сочинение одного сочинения под именем “Область знаний”*, которая бы очень полезна была для отечества, ежели б мог оную докончить»³. Исходя из тезисности, незавершенности трактата «Ученая область», внутреннего его содержания, Кауркин сделал вывод о наличии в тексте элементов проекта образования академических научных учреждений»⁴. Несмотря на актуальность обозначенной проблемы, ни биография, ни литературные труды И. И. Тревогина в свете образовательных законопроектов Екатерины Второй до сих пор изучены не были.

Известно, что в Петербурге утопист работал корректором в типографии Академии наук, а также издавал журнал «Парнасские ведомости». Из следствия по делу видно, что в свет было выпущено два номера журнала и напечатан третий, не вышедший в связи с бегством издателя. Ни один из выпусков до нас не дошел. Факт существования издания, как показал А. Н. Неустроев, подтверждается небольшой заметкой в составе прибавления к № 38 «Санкт-Петербургских Ведомостей» за 13 мая 1782 года⁵.

¹ Курмачёва М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). М., 1983. С. 231.

² Там же.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 153.

⁴ Кауркин Р. В. Утопические проекты Ивана Тревоги // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (1). С. 247.

⁵ Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1702 – 1802 гг. СПб., 1874. С. 337.

«Для удовольствия почтенной публики, предпринято намерение И.Т. издавать в свете сочинения под заглавием *Парнасских Ведомостей*, где будет трактовано о Астрономии, химии, механике, музыке, музыке, экономии и о прочих других ученостях, а в прибавлении буду помещены, критические, любовныя, забавныя и красноречивыя сочинения, в стихах и в прозе»¹.

Знакомство с архивным делом позволило Светлову прийти к выводу, что «издание было посвящено Екатерине II»². Знаменательно, что 24 октября 1783 года тот же «официальный правительственный орган “Санкт-Петербургские Ведомости” извещал читателей о важном событии в культурной жизни столицы – открытии Российской Академии»³. Называя «Область знаний» иначе Парнасом, датируя его основание годом открытия одного из крупнейших научных заведений и посвящая самодержице написанный им труд, автор мог апеллировать к тексту екатерининского указа, данного Директору Санкт-петербургской Академии Наук, Княгине Дашковой. «Приемля сию Академию в покровительство наше, – писала императрица, – Мы позволяем сделать для нея подробные наставления и распоряжения, заимствуя оныя из плана, вами поданнаго. Впрочем, желая вам в предлежащем полезном обществу деле добрых успехов, пребываем вам благосклонны»⁴. Именуя Екатерину «великой законодательницей» И. И. Тревогин писал:

«...взял слабое мое перо, чтобы в оных спечь некоторый план для посвящения тебе, зная что оной Хаиб нужен в нашем Отечестве, тако и таковые учреждения никогда не бывают тобою упускаемы»⁵.

¹ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1782. № 38. С. 290.

² Светлов Л. Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1961. Т. XX. Вып. IV. С. 328.

³ Коломинов В., Файнштейн М. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 18.

⁴ Именной указ Об учреждении Российской Академии. № 15.839. Сентября 30. / ПСЗРИ. Т. XXI. С. 1781 по 1783 гг. СПб., 1830. С. 1023 – 1024.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 277.

В другом месте своего сочинения И. И. Тревогин выразил надежду, что оно подаст повод к присоединению чего-либо к новоучреждаемой академии¹. Из плана основания «Ученой области» видно, что «присоединения» должны были иметь различную природу. «Все языки, какие только находятся в свете собраны и преподаваемы здесь будут!»². В противоположность этому Российская Академия, как известно, была создана для обогащения и чистоты русского языка. Вместе с тем, судя по задачам, которые были обозначены в «Кратком начертании Императорской Российской Академии» ее директором Е. Р. Дашковой, можно увидеть, что функции открытого Екатериной заведения простирались гораздо шире «вычищения и обогащения Российского языка»³. Из протокола второго заседания Академии видно, что ее сотрудники также решали проблемы, связанные с купечеством и торговлей.

«Приказали: купцам Викулину с товарищи объявить, что должны были они с желаниями своими о поставке соли на Ярославскую Губернию сперва явиться в Казенной Палате, а не в Сенате и пр»⁴.

И. И. Тревогин в своих предложениях идет дальше, предлагая не только преподавать науки, художества и ремесла в «Ученой области», но и учредить в ней «фабрики, заводы и прочие учреждения»⁵.

Стоит отметить, что в своих утопических взглядах на устройство образовательной системы в России даже для «авантюрного XVIII века» автор проявил большую оригинальность. Проект подобного размаха был предложен, пожалуй, лишь Дидро, который, выполняя поручение императрицы, составил в 1775 году «План университета для русского правительства, или Проект народного образования во всех науках». Название «университет» употреблялось здесь во французском смысле слова, то есть как совокупность разных учебных заведений,

¹ Там же. Л. 281. об.

² Там же. Л. 294.

³ Именной указ Об учреждении Российской Академии. 15.839. Сентября 30 / ПСЗРИ. Т. XXI. С. 1781 по 1783 гг. СПб., 1830. С. 1024.

⁴ Там же. С. 1027.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 294. об.

вроде нашего учебного округа¹. Известно также, что труд пришелся не по вкусу Екатерине. «Получив проект Дидро, Императрица... положила этот проект в свой портфель, и никогда его оттуда не вынимала; это самое лучшее употребление, которое она могла из него сделать», – отмечал граф Д. А. Толстой. Кроме того, сам «План университета» впервые был напечатан в извлечениях в 1813–1814 гг. в журнале *Annales de l'Éducation* и русской публике вряд ли был известен². Полный текст сочинения появился в 1875 году. Лишь с этого времени, по словам П. Люблинского, во французской педагогической и исторической литературе появляется интерес к воззрениям Дидро³. Таким образом, кроме выше упомянутого Указа об учреждении Санкт-Петербургской Академии, у И. И. Тревогина, очевидно, не могло быть иных источников, послуживших поводом для написания его утопического проекта.

Среди исследователей существует мнение о присутствии в тревогинском проекте скрытой критики порядков, заведенных в Российской Академии Наук⁴. Круг обязанностей идеального правителя, описанный в сочинении, доказывает обоснованность подобного взгляда. «Начальник той великознаменитого ученого общества» должен не только «размножать купечество и приращать науки, художества и ремесла», но и быть добродетельным.

Наконец должен...также сохранять правосудие, избегать лихоимств и сему подобного и содержать свое правление в тишине и в спокойстве как доброму и благоразсудительному человеку и патриоту принадлежит»⁵.

В то же время автор недвусмысленно отмечает: «Но как с первого разу не можно найтичь выше описанного человека, то сие оставляется на пред разсуждение Е[катерины] Им[ператрицы] В[великую] ибо бесполезно было бы если бы в первой изберется такая особа, которая сего новоучреждаемого общества

¹ Толстой Д. А. План устройства учебной части в России, предложенный Дидро / Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. С. 77.

² См. вводный очерк П. Люблинского к публикации «Плана университета» . Дени Дидро. Собрание сочинений. Т. X. *Rossica*. Произведения, относящиеся к России. Под ред. И. К. Луппола. М., 1947. С. 266.

³ Там же. С. 267.

⁴ Курмачёва М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) М., 1983. С. 231.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 299 – 299 об.

совершенно силы и притом еще полезнейшаго средства знать и расположить не может»¹. Любопытно отметить, насколько мысли И. И. Тревогина были созвучны взглядам самой императрицы. Известно, что в ноябре 1783 года государыня не утвердила разработанный Дашковой постоянный Устав и Академия продолжила работу по временному «начертанию». Образовательным учреждением Екатерина была настолько недовольна, что отозвалась «завуалированной пародией» на ее деятельность². Знаменательно, что сочинение было напечатано в издаваемом Дашковой журнале «Собеседник любителей русского слова» в ноябре того же 1783 года под названием «Общество Незнающих. Ежедневная записка».

«Заседание первое, Октября 12 числа 1783, года по утру в пятом часу. Заседающие были все... Того же числа после обеда много думано, вечер миновался молчанием, сделано... ничего»... 18 числа по утру сделаны два важные определения... собрание разделить на две палаты. Первая имеет слыться: палата с чутьем; вторая, палата без чутья. Тогоже числа после обеда вышло запрещение, чтоб отнюд и ни под каким видом по воздуху не летать с крыльями или без крыльев»³.

По содержанию текст проекта «Ученой области» напоминал большинство екатерининских законов, таких, например, как «Наказ» или «Устав благочиния» (1782) с набором их расхожих, афористических выражений. Идеи, озвученные И. И. Тревогиным, находясь в непосредственной связи с указом об учреждении Санкт-Петербургской Академии, соответствовали просветительским инициативам Екатерины. Последнее, однако, не смогло придать им актуальности образовательного проекта. Для своего времени они остались просто утопией.

¹ Там же. Л. 296 – 296 об.

² Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л.: Наука, 1986. С.135 – 136.

³ Общество Незнающих. Ежедневная записка // Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1783. Ч.VIII. С. 39 – 43.

Утопия В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» и екатерининский «Наказ»

В 1784 году журналом «Собеседник любителей российского слова» была опубликована утопическая повесть В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». У произведения непростая судьба. С конца XVIII века оно ни разу не переиздавалось полностью. В новейшей антологии В. М. Гуминского «Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.» текст представлен в сокращенном виде. В сборник утопий В. П. Шестакова вовсе не включен. Вероятно, по этой причине в современном литературоведении сложилась традиция рассматривать по преимуществу первые части сочинения, изображающие полет главного героя на Луну, в то время как описывающие земные страны кульминация и финал повести предавались забвению.

Невнимание к последним частям «Путешествия» естественным образом отразилось на особенностях изучения его жанровой структуры. Произведение нередко рассматривалось как фантастическая повесть¹ и еще чаще как масонская утопия, в которой в аллегорической форме масон и деист В. А. Левшин выразил свои мировоззренческие идеалы². В то же время заключительные части повести, имеющие мало общего с масонской проблематикой, почти не исследовались. В 1933 году В. Б. Шкловский писал об искусственности финала повести, называя его длинным и льстивым панегириком екатерининской России³. Если учесть цензурные особенности «Собеседника», фактическим редактором которого была Е. Р. Дашкова, взгляд Шкловского можно назвать вполне убедительным. Еще в начале XX века, не основываясь, впрочем, на характере издания, смысловую

¹Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в Россия эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 191.; Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 103.

²Омелько Л. В. Масонские идеи в прозе В. А. Левшина 1780-х // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. С. 53 – 65.; Пиксанов Н. К. Масонская литература [второй половины XVIII века] // История русской литературы в 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. II. 1947. С. 51 – 84.; Сахаров В. И. Масонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения (вместо введения) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. 3 – 29.

³Шкловский В. Б. Чулков и Левшин. Л., 1933. С. 144.

разрозненность «Путешествия» отметил В. В. Сиповский. Исследователь указал на такую сюжетно-композиционную особенность: критикуя земное устройство в целом, автор завершает произведение прославлением российской земли. «Отдельные части не согласованы одна с другой; даже во взглядах автора не замечается никакой стройности: начав с беспощадной критики человеческой жизни, он завершает безмерным прославлением Екатерины и тех благодеяний, которыми осчастливила она Россию».¹ По словам С. Л. Бэра, единственного из исследователей русской утопии, кто подверг литературному анализу заключительный фрагмент повести – описание екатерининской России, можно назвать панегирической утопией («panegyric eutopia»)². Однако при более пристальном сравнительном изучении финальной части «Новейшего сочинения» и современного автору законодательства следует, что выводы ученого должны быть скорректированы. Главное, что, по-видимому, осталось незамеченным для С. Л. Бэра, имплицитная критика российских законов и, прежде всего, «Большого наказа императрицы» (1767).

Прежде всего, стоит отметить, что ко времени выхода повести в свет неосуществимость многих положений «Наказа» стала для современников неопровержимым фактом. В замечаниях на екатерининский «Наказ», опубликованных спустя 5 лет после выхода в свет означенного закона, М. М. Щербатов писал: «...По издании сего наказа старались ли истребить пороки и ободрить добродетели? Поправились ли наши нравы? Не видно сего нимало... Из чего одинаго и должно заключить, что... следственно и надежда о поправлении нашего состояния через мудрые законы есть весьма подвержена сумнению»³.

В тексте немало цитат из екатерининского «Наказа». Впервые реминисценция из документа появляется в связи с темой преступности. Вступив в пределы государства Р**, лунатист Квалбоко удивляется отсутствию разбойников

¹Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 1 (XVIII-ый век). СПб., 1909. С. 90

²Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia ... P. 132.

³Щербатов М. М. Замечания Щербатова на Большой наказ Екатерины / Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 34.

и спрашивает о причине одного из граждан страны. Житель ставит всему виной благоразумие правительницы, подкрепляя доводы отсылкой к известному закону. «Къ зависти челоѵческаго рода, имѵемъ мы на престолѵ самую премудрость, которая усмотрѵла: что **Лучше предупреждать преступления, нежели наказывать**»¹. Дословная цитата из «Наказа» хотя и не закавычена автором, однако, невзирая на середину предложения, обозначена заглавной буквой. Сервиллизм этого приема очевиден. Используя прямую цитату из X главы документа, В. А. Левшин описывает реализованным тот законопроект, который приобрел себе славу утопии уже к 70-м годам XVIII века – времени издания щербатовских «Замечаний».

Упоминание об отмене смертной казни в данном контексте вряд ли можно принять за похвалу в адрес правительствующей особы. Общеизвестно, что императрица не запретила высшую меру наказания, а лишь ограничила случаи ее применения. Так, согласно «Наказу», смертная казнь допускалась в момент государственной анархии, или когда злая человеческая воля угрожала общественному спокойствию. На фоне царствования Елизаветы, крайне трудно отождествить годы правления «Северной Минервы» с мораторием на смертную казнь. Если «кроткая Елисавет» милует Миниха, Остермана и других врагов новой власти, Екатерина, заручаясь Соборным Уложением 1649 года и Уставами Петра Великого, казнит Пугачева и сообщников. Вместе с тем, смерть обвиняемых не была обусловлена только кругом политических дел. Размышляя о природе смертной казни в России, М. М. Щербатов указывал на такое повсеместное явление как гибель обвиняемых во время причинения телесных наказаний: «Смертной казни, прямо названной, у насъ нѵтъ, окромѵ открытаго бунту... Протчіе же убійцы у насъ осуждаются быть биты кнудомъ по разнымъ мѵстамъ града, иногда безъщету, даже до смерти, а иногда същетоу ударовъ, отъ трехъсотъ и болѵе, но все такое число, чтобы несчастной почти естественнымъ

¹ Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения встихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1784. Ч. XIV. С. 46.

образомъ снести безъ смерти сего наказанія не могъ. Таковыхъ осужденныхъ, однако, не считаютъ, чтобы онимъ были на смерть осуждены, возятъ виновныхъ съ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ»¹. О том же, побывав в Российской империи Екатерины Второй, писал известный англичан Уильямс Кокс. Повествуя о множестве смертельных исходов среди приговоренных к битью кнутом или сибирской ссылке, Кокс признавал мягкость русских уголовных законов иллюзией. «Въ сущности, – писал он в 1778 году, – не меньшее число преступников подвергается смертной казни въ Россіи, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ способъ наказанія принятъ законодательствомъ»². В подобном контексте высказывание гражданина Р** об уничтожении смертной казни, вряд ли могло быть воспринято читателем как панегирик в адрес монаршей власти, порождая, скорее, напротив, сатирические обертоны смысла.

Мастерски развивая тему реализации положений «Большого наказа императрицы», в контексте отмены смертной казни государыней Р**, В. А. Левшин приводит дословные цитаты сразу из двух глав екатерининского «Наказа»: «О наказаниях» и «О обряде криминального суда». В обоих случаях фрагменты юридического документа приводятся дословно и остаются как бы без художественного обрамления. При сравнении текста с 85 пунктом «Наказа» обличительная интенция В. А. Левшина становится очевидна: первая часть сложно-подчиненного предложения «искусство научает нас» заменена на грамматическую конструкцию «она познала».

«Новейшее путешествие...»

В. А. Левшина

«Она познала, что в тех странах, где кроткия наказания, сердца граждан оными столькожь поражаются, как в

«Наказ» Екатерины Второй

Искусство научает нас, что в тех странах, где кроткие наказания, сердце граждан оными столько же поражается,

¹Щербатов М. М. Размышления о смертной казни // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. Январь – Март. 1860. Кн. 1. С. 67.

²Путешествие Уильямса Кокса // Русская старина. 1877. Т. XIX. Кн. V. С. 38.

других жестокими»¹.

как в других жестокими (Глава VIII. П. 85)».

Таким образом, возникает мотив утопичности пунктов закона: монархиня «познала» жестокость телесной кары за преступления, но претворила ли в жизнь свои идеи? Эта имплицитная критика получает свое продолжение в обширной цитате из X главы «Наказа», раскрывающей сущностную природу наказания: «...намерение установленных наказаний есть не то, чтоб мучить тварь чувствами одаренную, но чтоб воспрепятствовать виноватому, чтоб он впредь не мог вредить; и чтоб отвратить сограждан от соделания подобных преступлений»². Приводя в отрывке о смертной казни пункты «Наказа» о телесных наказаниях, автор заостряет внимание на их дальнейшем воплощении. Как известно, на деле гуманность монарших законов имела далеко не всеохватный характер. Она относилась лишь к привилегированному классу, в то время как над простым народом, по замечанию историка русского права, «продолжали тяготѣть свирѣпья тѣлесныя кары»³.

В описании правовой системы Р** присутствует указание и на другие реалии екатерининской России. Речь идет о некоем учреждении, в описании которого угадываются черты созданной по повелению монархини «Управы благочиния».

«До сего учреждения было тут ужасное число дел тяжбных, но которых не осталось в два года, хотя для решения собирали оныя в полвека. Ныне оныя редки: ибо обидчики опасаются нападать, воспринимая немедленную месть от законов. Благочиние наблюдаемо во всей стране сей совершенно...»⁴.

¹Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1784. Ч. XIV. С. 46–47.

² Там же. С. 46.

³ Ступин М. История телесных наказаний в России от судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 41.

⁴ Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1784. Ч. XVI. С. 51.

«Управа» была учреждена в 1782 году, но местные ее отделения появлялись в городах отнюдь не сразу, это был длительный процесс. Поэтому ко времени издания «Новейшего путешествия» довольно сложно было говорить о совершенном и повсеместном благочинии в государстве. Вряд ли за такой промежуток времени могла быть решена и такая вековая российская проблема, как «ужасное число тяжёбных дел». На данном основании панегирик названному полицейско-административному органу выглядит довольно натянутым и сервильным.

Похвала законодательству Екатерины Второй тогда только соответствует действительности, когда речь идет об установлениях, направленных на заботу об обездоленных. В «области света Р**» полностью отсутствуют нищие. Дело в особой системе принудительного труда и трудового призрения бедных. «Все увечные собираются в один дом, где об них пекутся как о чадах: а тунеядцы отправляются для работ и должны трудясь снискивать одежды и пищу»¹. Еще в 1767 году в «Дополнении к Большому Наказу» Екатерина обращается к вопросу о праздношатающихся бедняках и недужных нищих. «Наконец нищие, а наипаче нищие больные привлекают попечение сего правления к себе, во-первых в том, чтоб заставить работать просящих милостыни, которые руками и ногами своими владеют, а притом чтобы дать надежное пропитание и лечение нищим немощным»². Эти заявления не остались пустой декларацией. К 1775 году относится учреждение монархиней Приказа общественного призрения, в ведении которого находились тюрьмы, приюты для больных, больницы и богадельни. В том же году был издан «Именной указ, данный Московскому Обер-Полицеймейстеру – Об учреждении над ведомством тамошней полиции особой больницы, богодельни и работных домов»³. Распоряжения, связанные с предупреждением нищеты, нашли свое отражение в «Уставе благочиния» (1782).

¹ Там же.

² Наказ императрицы Екатерины II, данный комисси о сочинении проекта новаго уложения под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 150.

³ Именной указ, данный Московскому Обер-Полицеймейстеру – Об учреждении над ведомством тамошней полиции особой больницы, богодельни и работных домов – 14. 357 Августа 12 / ПСЗРИ. Т. XX. 14. 233. СПб., 1830. С. 198–199.

И в целом историю благотворительности в России связывают с правлением императрицы Екатерины Второй.

В изображении идеального государства Р** немалая роль отведена законам. Прославление мудрой государыни, в которой угадываются черты Екатерины Второй, обилие цитат из «Большого наказа императрицы» – все это свидетельствует в пользу панегирического типа утопии. Между тем, отнести «Новейшее путешествие» к эвномии довольно сложно. Сатирическая направленность цитат, восходящих к документу, находит подтверждение и в сюжетно-композиционных особенностях текста. Путешествующий по земле лунатист, как кажется, поражен гуманным правлением мудрой государыни и прославляет ее выше всех земнородных. «Не можно мне выразить все те чувствования, с каковыми взирал я на деяния сея великия из смертных; она представлялась выше человека¹». Между тем, в этой похвале видна имплицитная критика Екатерины-законодательницы. В 520 статье своего «Наказа» монархиня выражала намерение сделать российский народ самым справедливым и процветающим на земле. Очевидно, по прошествии лет, когда декларативность документа стала очевидностью, В. А. Левшин иронизирует над этим обещанием императрицы. «В самом деле весьма трудно довести миллионы подданных на верх благоденствия, в каком нашел я их **и оставил**»². Порядок изложения – увиденное в Р** – прославление государыни – возвращение на Луну воспринимается как сатира на политическое устройство России второй половины XVIII века. Обличительный пафос финала усиливается благодаря композиционному анализу: если рассматривать панегирик екатерининскому правлению в контексте произведения как целого. В начале рассказа о своем путешествии селенит выносит суд всем жителям земли: «Я прошел все части населенные, видел просвещенных и диких; но различие между ими было маловажно; дикие производили то наглостью, что просвещенные совершают

¹ Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. Ч. XIV. СПб., 1784. С 53.

² Там же С. 16. «Я прошел все части населенные, видел просвещенных и диких; но различие между ими было маловажно; дикие производили то наглостью, что просвещенные совершают искусством».

искусством». В конце же, пораженный увиденным, он оставляет Землю. Примечательно, что последним местом пребывания пришельца является Р**. Таким образом, просвещенное правление данной «области земли» представляет собой образец хитрости и лукавства. Похвалы законодательным документам эпохи достигают обратной цели: в сравнении с уставами селенитов – они всего-навсего образец ухищрений человеческого ума. Едва ли мог подивиться им лунатист, общество которого не нуждается в написанных установлениях, одновременно опережая по своему научно-техническому развитию самые дерзновенные фантазии землян.

На фоне селенитских законов, не менее универсальных и «компактных», чем их летательные машины, при желании уместяемые в кармане одежды, громоздкие положения екатерининского «Наказа» выглядят как насмешка. Приводя цитаты из тех пунктов закона, которые в 80-е годы XVIII века можно было считать нереализованными, В. А. Левшин, несомненно, иронизирует. Так, отрывок, описывающий российское государство, вопреки выводам С. Л. Бэра, трудно назвать панегирическим. Однако не может рассматриваться как критика попечение мудрой государыни Р** о нищих: Екатерина почитается родоначальницей благотворительной деятельности в России. Чего же добивался автор: вскрыть недостатки современной судебной-правовой системы, или, напротив, прославить Екатерину-законодательницу?

Главная интенция автора обнаруживает себя в особенностях композиции «Путешествия». Покидая на космическом корабле Р**, герой возвращается в лунный город с патриархально-общинным устройством и законами, более напоминающими религиозные постулаты. Таким образом, аллегорическое описание российской действительности имеет в себе очевидные черты **дисномии**. Описываются такие достижения екатерининского «Наказа», которых не существовало в действительности, но которые ранее были заявлены императрицей как государственная цель.

«Хотиллов. Проект в будущем» А. Н. Радищева и «Наказ» Екатерины Второй

В филологической науке в качестве утопического чаще всего рассматривается фрагмент (глава) «Путешествия из Петербурга в Москву» – «Спасская Полесь». Именно такой взгляд отражен в антологии по русской литературной утопии В. П. Шестакова (1986). Это же представление сосредоточено в словах В. Мильдона: «Во всем романе лишь несколько эпизодов главы “Спасская Полесь” можно рассматривать как утопию»¹. В ряде исследований отмечается тенденция находить утопическое во всех главах произведения. Таковы работы А. Д. Таракановой², Е. Е. Приказчиковой³. В то же время есть исследования, в которых утопией называется один лишь «Проект в будущем». Это статьи А. Ф. Оропай «Утопическое и реальное в художественном пространстве произведений М. Щербатова и А. Радищева»⁴ и М. В. Приваловой «Русская социальная утопия XVIII и первой половины XIX вв.»⁵. Мы останавливаемся на этом последнем варианте, поскольку он подразумевает связь двух сочинений эпохи: екатерининского «Наказа» и «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В самой главе «Хотиллов» есть очевидные отсылки к указанному законопроекту Екатерины Второй.

В науке неоднократно подчеркивалась связь «Наказа» и указанного фрагмента «Путешествия». Я. Л. Барсков и М. В. Жижка назвали «Проект» пародией на екатерининский «Наказ» и в целом законодательные документы эпохи⁶. Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак обнаружили в тексте черты сатиры на

¹ Мильдон В. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира. М., 2006. С. 23.

² Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 44.

³ Приказчикова Е. Е. Утопическая традиция эпохи Просвещения в жизни и творчестве А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX веков. 2014. С. 19 – 42.

⁴ Оропай А. Ф. Утопическое и реальное в художественном пространстве произведений М. Щербатова и А. Радищева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия Философия 2011. № 2. С. 97 – 104.

⁵ Привалова М. В. Русская социальная утопия XVIII и первой половины XIX вв. (на материале произведений А. Радищева и М. Щербатова) // Гуманитарный вектор. 2013. № 2 (34). С. 25 – 29.

⁶ Барсков Я.Л., Жижка М. В. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. М., 1935. С. 149.

придворное «ласкательство»¹. Противоположного мнения придерживался В. В. Пугачев, полагая что «Радищев в “Проекте” вряд ли имел в виду Екатерину II и пародирование ее манифестов². Последнее, между тем, малоубедительно. В трактате «О предметах закона», над которым писатель работал с 1782 по 1789 годы, достаточно прозрачно указано, что внимание императрицы до сих пор не было обращено на проблему законодательства. Иными словами, А. Н. Радищев иносказательно давал понять, что Большая комиссия по составлению проекта Нового уложения не достигла своего результата³. Отметим, что во время писателя были распространены и другие взгляды. Так, по словам В. И. Сергеевича, иные думали, что представители Уложенной комиссии «были распущены, как неоправдавшие высокаго довѣрія государыни»⁴.

Годом позднее выхода в свет трактата «О предметах закона» литератор издает свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Его отношение к законодательной кампании Екатерины Второй все также критично. Наиболее отчетливо это видно на примере фрагмента «Хотиллов. Проект в будущем». Глава начинается с описания идеальных законов. «Умеренность в наказаниях, — отмечает рассказчик, — заставляя почитать законы верховной власти яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния»⁵. Выражение отсылает нас к 240-й статье X главы «Наказа»: «Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать». К Наказу восходит и идея о самодержавном правителе — отце своих подданных. Здесь положения екатерининского закона описаны саркастически: как уже достигнутые. Общеизвестно, что Большая комиссия имела своей целью блаженство всех российских граждан. Со страниц хотилловского манифеста А. Н. Радищев

¹ Карякин Ю.Ф. Плимак Е.Г. Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966. С. 30.

² Пугачев В. В. А.Н. Радищев. Эволюция общественно-политических взглядов. Горький, 1960. С. 59.

³ «С издания в России уложения, состоялись законы, коих число нещетно, и неудобства здесь таковы же, как и везде. Сему намерена была пособить ныне царствующая императрица, изданием новаго уложения. Но важнейшия может быть дела отвратили ее до сих пор от того внимание». Радищев А. Н. Полн. Собр. Соч. Т. 3. Ранние труды по законодательству. М. – Л., 1954. С. 8.

⁴ Сергеевич В.И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 188.

⁵ Радищев Н. А. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 66.

вопрошает: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, назваться блаженным?»¹. Своим вопросом писатель указал на тяжесть жизни простого люда, которая осталась неизменной вопреки выходу знаменитого «Наказа» в свет.

В науке радищевский «Проект в будущем» известен еще благодаря тем ремаркам, которые Екатерина оставила на полях, читая «Путешествие». Это слова «Никто не послушает» напротив предложения писателя освободить всех крестьян. Примечательно, что в научной литературе замечание Екатерины трактуется совершенно однозначно, как выпад крепостнически настроенной самодержицы против освободительных идей литератора. «А может быть, Радищев сошел с ума? Ведь он пишет, что хорошо бы всех крестьян освободить». «Никто не послушает!» – снова отвечает ему Екатерина. Она перелистывает еще несколько страниц и приходит в страшную ярость»². Это слова из детской книжки о А. Н. Радищеве Н. Эйльдельмана. В 1935 году не менее драматичный пассаж поместили в свои «Материалы к изучению “Путешествия из Петербурга в Москву”» Я. Л. Барсков и М. В. Жижка: «Чтоб крестьяне были вольные, то его (Радищева – Ю.Р.) желание было. Легко представить себе, как содрогнулось его сердце, когда он прочел холодное и уверенное замечание Екатерины: “Никто не послушает”, – разумеется, и она сама»³. Большого внимания, однако, заслуживает характеристика В. Ф. Блохина, которую тот дал екатерининской помете. «Фраза Екатерины несет в себе толи очередную колкость, толи *сожаление*» (курсив мой – Ю.Р.)⁴. Текст представленный вниманию читателя в настоящем разделе представляет небольшой историко-филологический экскурс с целью ответить на поставленный вопрос.

Общеизвестно, что еще до законодательной кампания 1767 – 1768 годов Екатерина предпринимала шаги по освобождению крепостных крестьян. За год до

¹ Там же. С. 68.

² Эйдельман Н. Александр Радищев. Серия. Страницы истории нашей Родины. М., 1983. С. 24.

³ Барсков Я.Л., Жижка М.В. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. М., 1935. С. 149.

⁴ Блохин В. Ф. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в сфере государственных интересов. «Радищев, рабства враг, цензуры избежал!» // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства: XVIII – XX вв. Сб. ст. Брянск, 2010. С. 64.

созыва Комиссии по составлению проекта Нового уложения по инициативе государыни Вольным экономическим обществом был объявлен конкурс на решение вопроса: «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое простираться должны?». Так, императрица хотела, с одной стороны, разведать почву, с другой, подготовить общественность к либеральным интенциям своего знаменитого «Наказа».

В конкурсе принял участие такой известный литератор XVIII века, как А. П. Сумароков. Высказывая мысли, что «Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит», автор тем самым высказал полное несогласие с либеральными инициативами Екатерины. И сделал это, как замечает А. И. Ходнев, «съ замѣтной раздражительностью»¹. Дать русским крепостным свободу, заметил поэт, «нельзя... будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и, вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ»². Сторона «несогласных» состояла не из одного Сумарокова. В ряду недовольных либеральными интенциями Екатерины был и обер-прокурор Святейшего Синода И. И. Мелиссино. Как бы для решения выдвинутой императрицей задачи им были зачитаны «права, сочиненныя Карломъ Фридерикомъ Шульцомъ и данныя отъ него ашерадскимъ и лангольскимъ крестьянамъ»³. Несколько позднее, в 1767 году, вышло в свет анонимное «Мнение об освобождении крестьян», автор которого отмечал: «При такой своей свободѣ крестьяне будутъ огурничать еще больше, как нынѣ будутъ переходить съ мѣста на мѣсто, дѣлая помѣшательство въ государственныхъ сборахъ»⁴. Впоследствии, когда Екатериной был составлен «Большой наказ», не приняты были антикрепостнические идеи и депутатами, ознакомившимися с первым вариантом «Наказа». Из мемуарного сочинения сына председателя

¹ Ходнев А. И. История императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1868. С. 23.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. XVII. СПб, 1851–1879. С. 310.

³ Ходнев А. И. . История императорского вольного экономического общества ... С. 24.

⁴ Мнение об освобождении крестьян // Русский архив. 1870. Вып. 2. Стлб. 289.

Законодательной комиссии А. И. Бибикова можно понять, насколько преждевременным показалось им решение крестьянского вопроса¹.

Итак, споры вокруг отмены крепостного права имели открытый и гласный характер, в них был вовлечен ряд культурных и церковных деятелей того времени, и А. Н. Радищеву, без сомнения, был известен итог этих споров. Екатерине пришлось отступить. В «Памятной заметке о “Наказе”» она пишет: «Тут при каждой статье родились прения. Я дала им волю чернить и вымарать все что хотели. Они более половины того, что написано мною было, помарали, и остался Наказ Уложения, яко напечатан». По словам историка права И. И. Дитятина, по уцелевшим отрывкам первоначальной редакции «прямо видно, что выкинутое касалось главнымъ образомъ крѣпостныхъ крестьянъ; что тамъ высказывалось намѣреніе автора облегчить положеніе послѣднихъ наиболѣе дѣйствительными мѣрами»².

Другим средством «реконструкции» первоначального варианта «Наказа» может служить свидетельство французского полномочного министра при русском дворе маркиза де-Боссэ: «Этот кодекс (Наказ – Ю. Р.) должен установить гражданскую свободу, привилегии дворянства, но, в то же время, уменьшить класс крепостных и ограничить власть помещиков над крепостными, чтобы последние могли откупиться и сами владеть землею»³. Свою роль в обнародовании либеральных идей первого варианта документа играют и критические замечания на «Наказ» Сумарокова. Не имея возможности ознакомиться с черновым вариантом законопроекта лично, А. Н. Радищев, как и всякий, мог почти безошибочно домыслить предложения Екатерины по возражениям сторонников крепостничества. «На основаніи этихъ возраженій можно, кажется, заключить, что въ первоначальномъ наказѣ прямо говорилось

¹ Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова сыном его сенатором Бибиковым. М., 1865. С. 59.

² Дитятин И. И. Екатерининская комиссия 1767 года «О сочинении проэкта Нового уложения». Ч. II // Юридический вестник. 1879. № 1. С. 495.

³ Кнорринг Н.Н. Екатерининская законодательная комиссия 1767 года в освещении иностранных резидентов при русском дворе // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову 1859 – 1929. Прага, 1929. С. 329.

объ освобожденіи крѣпостныхъ, иначе весьма горячія возраженія не имѣли бы никакого основанія», – замечает В. И. Сергеевич¹.

Между тем, «Проект в будущем» содержит имплицитную критику законопроекта в части крестьянского вопроса так, как если бы Екатерина вовсе не поднимала этот вопрос в своем «Наказе». И уже в 1801 году А. Н. Радищев называет документ компиляцией, отказывая императрице не только в оригинальности, но и в искренности высказываемых идей: «Законодательница сия мудрая не хотела объявить полную мысль свою, оставила многое на догадку, или предоставляя себе право делать толкование по произволу»². Литератор все так же обличает Екатерину в закоренелом крепостничестве, прозрачно намекая на восстание Пугачева как один из результатов ее правления. «Россия в сие время много образовалась, и *многие видели мы перемены* (курсив мой – Ю. Р.); общее умоначертаніе образовалось во многом по законам Екатерины II... действия их нередко бывают тщетны, хотя начало законополучения не во мгле времен сокрыто»³. Что же осталось вне поля зрения писателя и законотворца?

Как уже было отмечено, в том документе, который сама Екатерина II называла «фундаментомъ законодательнаго зданія имперіи» (Письмо Вольтеру), была впервые предпринята попытка отмены крепостного права. Это отчетливо видно на примере исторических сравнений, которые использует императрица. В отрывках, не вошедших в конечный вариант «Наказа», она рассуждает о бывшем положении крестьян в Германии, Венгрии и Чешской земле. Такие крестьяне, отмечает государыня, «не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлья и пр. и далѣе ихъ рабство не простиралось»⁴. По монаршей мысли, великое злоупотребление, когда холопство является и личным и действительным. Екатерина старается подкрепить свои доводы историей Греции и Рима. «Для того,

¹ Сергеевич В. И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 252.

² Радищев А. Н. О законоположении / Радищев А. Н. Избранные философские сочинения под общей ред. и с предисл. И. Я. Щипанова. Л., 1949. С. 402.

³ Там же. С. 403.

⁴ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Ч. IV. Внутренняя политика. СПб., 1885. С. 538.

что рабы и у римлян не могли полагать упования на законы, то и законы не могли на них имѣть упования... Быль у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостью господь своихъ убѣжденные, могли требовать, чтобъ они другому были проданы»¹. Указанные исторические параллели дополняются примером службы рабов в законе Моисеевом. После чего государыня выступает с конкретным предложением: «Можно также установить, чтобъ на волю отпущеннаго челоуѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего еще та польза государственная выйдетъ, что нечувствительно умножится число мѣщанъ в малыхъ городахъ»². Все это, указывает А. Г. Брикнер, в печатном Наказе было выпущено. Как была выпущена вторая половина предложения: «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества», в которой было озвучено предложение по освобождению крестьян: «и привести ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу»³.

Таким образом, под воздействием первых читателей законопроекта между черновой редакцией и печатной версией образовалось значительное различие по части крестьянского вопроса. Не найдя союзников среди депутатов, Екатерина все же не смирилась с постигшей ее неудачей. Позднее в «Комиссии о государственных родах» она (теперь с помощью Бибикова) вновь попыталась облегчить участь крестьян. В знаменитой 13-й статье второй главы «Проекта правамъ благородныхъ» значится: «Благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно»⁴.

Итак, Екатерина пыталась отменить крепостное право как открыто и гласно, так и подспудно. О действиях, предпринятых императрицей, было известно общественности, русской и зарубежной: от литератора А. П. Сумарокова до французского полномочного министра де-Боссэ. И не без основания

¹ Там же. С. 540.

² Там же. С. 541 – 542.

³ Там же. С. 541.

⁴ Сборник русского исторического общества. 1881. Т. 32. СПб., С. 580.

А. С. Пушкин назвал радищевские сетования на несчастное состояние народа «преувеличенными и пошлыми».

«...частные поверхностные сведения, наобум припоровленные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве»¹.

Поверхностность, по замечанию А. С. Пушкина, граничит у А. Н. Радищева с возмутительной сатирой. Он «поносит власть», старается раздражить ее своим «горьким злоречием»². Создается впечатление, что у писателя свой мифологизированный образ власти, чудовищный и безжалостный. Революционность «Путешествия» во многом связана именно с этим надуманным тираническим господством, которого не было на самом деле, но с которым истово боролся писатель.

Для литературоведения советского времени эта политическая близорукость А. Н. Радищева оказалась настолько подкупающе благодарным материалом, что на исторические неточности его революционного воззвания просто закрывались глаза. Писатель изображался первым противником крепостничества, «первым борцом за свободу русского народа». Чем более щедрими на панегирики были исследователи творчества писателя-революционера, тем страшнее рисовались враги простого люда – абсолютизм и самодержавство. Наука сослужила недобрую службу литературе для детей и юношества. В последней обладательница престола – Екатерина Вторая – рисовалась как жестокосердная тиранка и сторонница крепостничества, ультимативно отвергшая всякие попытки отмены неравноправия и неволи. В книге 1949 года М. Муратова «Жизнь Радищева» (издательство «Детская литература») и государыня, и дворяне представлены как одно беспощадное, антигуманное целое: «Радищев, однако, ясно понимал, что ни императрица, ни дворяне не согласятся добровольно уничтожить крепостное право, **даже путем частичного и постепенного ослабления власти помещиков** (курсив мой – Ю. Р.) над крестьянами»³. Это усиление акцента («даже») на

¹ Пушкин А. С. Александр Радищев / Собр. Соч. в 10-ти т. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1982. С. 217.

² Там же.

³ Муратов М. Жизнь Радищева. М.–Л., 1949. С. 164.

невозможности постепенного освобождения крестьян, оправдывало не только резкий тон автора «Путешествия» по отношению верховной власти, но и репрезентировало свержение крепостного права «снизу» как один единственно возможный способ его искоренения.

Возвращаясь к «гневным» надписям Екатерины, сделанным на страницах хотиловского манифеста, следовало бы обратить внимание читателя на те исторические события, которые предшествовали созыву Большой комиссии и изданию «Наказа». Захватившая власть с помощью гвардейских полков, состоявших из поместных дворян, Екатерина так и осталась до конца не свободной в своих инициативах, ограниченная дворянством. Отчетливее всего это можно увидеть на примере «Большого наказа императрицы», либеральные положения которого были отвергнуты еще на этапе депутатских прений. Однако интенционная направленность закона монархини проявила себя вполне. Как с точки зрения эмблематики (надпись на медалях депутатов «Блаженство каждого и всех»), так и с практической стороны (очевидные шаги по отмене крепостного права в первой редакции «Наказа», «Комиссии о государственных родах»), Екатерина стремилась дать благоденствие всем гражданам без исключения. Таким образом, вопрос, с которым писатель обратился к общественности со страниц своего «Проекта в будущем» («Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, назваться блаженным?»), был вовсе не новым и революционным, а старым и заскорузлым в своей злободневности. С этим же вопросом обращалась к Большой комиссии и Екатерина, да «никто» ее не послушал. Поэтому ремарка, сделанная на полях хотиловского манифеста, является скорее выражением сожаления, чем тиранической отповедью А. Н. Радищеву. Писатель действительно был приговорен к смертной казни, но поводом к тому послужили не вольнолюбивые мысли на страницах Хотиловского манифеста, а замечания о возможности свержения крепостного права снизу, общий обличительный пафос его повести. Интерпретация суровости приговора, согласно которой антикрепостнически настроенная Екатерина расправилась с врагом самодержавия, сложилась в

советские годы и имела своих последователей. Однако всякий, кто знаком с «Наказом» Екатерины Второй может разглядеть в тираническом облике императрицы также и мать своего Отечества, как титуловали государыню депутаты комиссии по составлению проекта Нового уложения. Матерью Отечества Екатерину можно именовать уже потому, что она заботилась о всех сословиях, в том числе о самом бесправном из них – крестьянстве, но, к сожалению, не была услышана своими соратниками.

Заключение

Картина изображения совершенного общества в литературе неразрывно связана с законодательным идеалом. Несмотря на прославление безыскусного образа жизни утопийцев, нормы государства описывает Т. Мор, теме гражданского и уголовного правосудия уделяет внимание автор «Города Солнца» Т. Кампанелла. В ряду неперенных черт русской социально-политической утопии также следует назвать идею благих законов¹. Автор первого русского утопического произведения А. П. Сумароков основывает счастливое общество на кратких и жестких установлениях, нравственные и гражданские нормы становятся объектом описания князя М. М. Щербатова в утопии «Путешествие в землю Офирскую», закон естественный прославляет в «Новейшем путешествии» масон В. А. Левшин.

Между тем, отдельных работ, посвященных законодательному идеалу в утопической литературе, ранее не существовало. Отдельные попытки описать моральный кодекс представителей идеального государства сквозь призму масонских взглядов сочинителя не позволяли получить развернутое представление об истоках его правового эталона. Комплексный подход, при котором учитываются возможная вовлеченность автора в правовую сферу действительности (например, участие в комиссиях по составлению проекта Нового уложения), наличие отдельных трудов по юриспруденции и общая историко-правовая ситуация в стране (издание фундаментальных законов и установлений) позволяет эксплицировать те смыслы, которые находились в основе изображаемых законов и были не очевидны вне обозначенного контекста.

Указанный метод привел к пересмотру представлений о жанровой детерминированности ряда утопических произведений. Так, «Приключения Фемистокла» Ф. А. Эмина, произведение, которое американским славистом С. Л. Бэрмом трактуется как полусатирическое-полухвалебное сочинение, в связи с екатерининскими законами о лихоимстве обретает жанровую целостность как

¹ Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 9.

панегирическая утопия. Черты утопии-дисномии (dis-плохой, nomos-закон) обнаруживаются в «Новейшем путешествии» В. А. Левшина при сравнении его с текстом «Большого наказа императрицы». Образ офирского полицейского-священнослужителя помимо традиционного масонского объяснения приобретает вполне определенные прототипы в законодательстве «Северной Минервы» – ее знаменитом «Наказе» и «Уставе благочиния».

Идея мудрых указов стала достоянием русской утопии с самого момента ее зарождения. Однако по-настоящему прочно тема идеальных установлений вошла в утопическую литературу с момента созыва Комиссии по составлению проекта Нового Уложения 1766 – 1768 гг.

* * *

Среди идей, имеющих отношение к законодательному идеалу, есть ряд таких, которые являются общими как для зарубежных, так и для отечественных утопий. Это скорость в решении судебных дел и краткость нормативных установлений. В памфлете «Сон. Счастливое общество» (1759): «Дѣла окончиваютъ очень скоро, для того что очень мало спорять, а еще меньше пишутъ», в утопии Л. С. Мерсье «все дела, входившие в ведение полиции, разбирались чрезвычайно быстро», в политическом романе князя М. М. Щербатова «всякое уголовное дело повелевают без всякого мешкания исследовать». На судебном здании из «Сна» А. Д. Улыбышева вывеска: «Святилище правосудия открыто для каждого гражданина, и *во всякий час* он может требовать защиты законов».

Представление о чрезмерной объемности законодательных актов сопровождает утопические тексты на всем протяжении XVIII века. В самой первой российской утопии, изображающей счастливое общество, «Книга узаконений» содержит всего 2-3 пункта, в ухронии Л. С. Мерсье «основанные на разуме и человечности предписания... мудры, ясны, отчетливы и немногочисленны». Не велик и гражданский катехизис офирян М. М. Щербатова.

Следующей особенностью, объединяющей законотворческий эталон утопий России и Запада, является вовлечение государя в судебно-правовые дела своей

страны. Так, правитель Египетской земли Сизострис Фенелона сам принимает всякого, кто представляет ему жалобу или какое-либо иное сообщение. «Великий человек» мечтательной страны Сумарокова «всѣхъ подданныхъ своихъ приемлетъ... ласково, и всѣ дѣла выслушиваетъ терпѣливо», государыня Фракии Ф. А. Эмина вместе с присяжными рассматривает дела с целью вынести самое справедливое решение.

В отличие от элементов сюжета, которые могли быть заимствованы отечественной утопией у своей старшей сестры – утопии западной и наоборот¹ черты воссозданного нормативного эталона и в том и в другом случае были куда более злободневными, обусловленными состоянием судебной-правовой системы «здесь и сейчас». Автор произведения об идеальном социально-политическом устройстве, естественно, исходил из недостатков или достоинств оного в современности. Таким образом, государственно-правовой образец в каждом случае представлял собой актуальный конструкт, отвечающий веяниям своего времени.

* * *

Исследование утопических текстов на предмет отражения в них законодательного идеала можно было бы продолжить, основываясь на образцах жанра XIX столетия. Так, в произведении «Сон» А. Д. Улыбышева находит выражение идеал священнослужителя, который начал складываться в законодательстве Петра Первого и окончательно сформировался в важнейших юридических документах времен Екатерины Великой. В дополнительной, XXI, главе «Большого наказа», всецело посвященной полиции, Екатерина провозглашала два взгляда. Согласно первому, под полицией следует понимать порядок вообще в государстве, согласно второму, полиция служит сохранению благочиния в обществе. В «Уставе благочиния, или полицейском» (1782) эти наблюдения были развернуты: первым объектом заботы полицейских органов названа религия. Аналогичный взгляд высказывает чиновник из «Сна»

¹ Русская утопия в контексте мировой культуры. Сост. и предисл. В. П. Шестакова. СПб., 2013. С. 6.

А. Д. Улыбышева: «Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель бога, источника порядка во вселенной?»¹ «Уставом благочиния» прописаны правила добронравия, как-то: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь» и проч. На «законах человечности» основан и культ неведомому Богу в рассказе А. Д. Улыбышева. Но и в том, и в другом случае к православному благочестию это отношения не имеет. Несмотря на то, что «Сон» является общепринятой декабристской утопией, можно полагать, что историко-законодательный подтекст также имел на данное произведение свое особое влияние.

Более отчетливая связь с предшествующей правовой традицией видна в утопии другого автора XIX века. *Locus comunis* сатирических утопий периода просвещенного абсолютизма была проблема хаотичности и разрозненности русских установлений. Не случайно в счастливой стране А. П. Сумарокова весь закон состоит из двух правил, в идеальном обществе В. А. Левшина вовсе нет записанных законов, а положения громоздкого, но нереализованного «Наказа» государыни Р** с обличительной целью приводятся целыми предложениями. Как только при Николае Первом издается «Полное собрание законов Российской Империи», этот недостаток русских законоположений перестает отображаться в текстах утопического жанра. Почти сразу же после издания знаменитого свода этому событию посвящает художественные строки автор утопии «4338 год», князь В. Ф. Одоевский.

Бумажный Свод законов хранится под *стеклянным* сосудом с изображением государя, при котором был издан. Заостряя внимание читателя на противопоставлении бумага – стекло, В. Ф. Одоевский усиливает панегирик законодательному документу. Несмотря на презрение к давно устаревшему писчему материалу – бумаге, замену его более совершенным – стеклянным папирусом, Свод законов с благоговением хранится благодарными потомками.

¹ Улыбышев А. Д. Сон /Русская литературная утопия. Сост., общ. ред. вступ. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 89.

Описывая в одном контексте функции главного министра Северного царства и реликвию николаевских времен, автор указывает на конечный результат, итог кодификации, предпринятой при государе. Так, направления работы первого сановника империи фантастично расширены и одновременно лишены процессов по уголовным или административным делам. Кроме прочего в его обязанности входит поддержание здорового интереса к своему предмету среди ученых и поэтов. Основанием для распространившегося просвещения по праву следует считать издание в далеком прошлом Свода законов Российской империи. «Многое в сем памятнике сделалось ныне совершенно необъяснимым, но из того, что мы до сих пор могли разобрать, видно, как древне *наше* просвещение!», – восклицает министр примирений и первый сановник страны¹. В России 4338 года нет ни полиции, ни преступности. Таким образом, создается впечатление, что благоденствие жителей Северного государства является неким итогом консервативной политики императора Николая Первого. Поскольку «панегирик...прославляет идеал, реализованный здесь и сейчас», Одоевский является автором панегирической (а не просто бюрократической) утопии². Его законодательный идеал претворен в жизнь. В отличие от утопистов XVIII века (М. М. Херасков, В. А. Левшин, М. М. Щербатов), обличающих главу государства в неосуществимости программ, заявленных в законах, Одоевский указывает на пользу кодификационных инициатив имперской власти. На основании восторженного описания законов прошлого можно считать утопию В. Ф. Одоевского утопическим сочинением с элементами эвномии.

Итак, научная проблема утопии и законодательства может быть экстраполирована и на тексты XIX столетия. Ввиду преобладания фантастического компонента в утопиях этого периода – связь с правовой сферой действительности может быть предельно редуцирована. Изображение худого (дисномия) и благого (эвномия) закона хотя и не является определяющим для

¹ Одоевский В. Ф. 4338 год / Русская литературная утопия. Сост., общ. ред. вступ. статья и комм. В. П. Шестакова. М., 1986. С. 117.

² Калинин И. А. Русская литературная утопия XVIII – XX веков: проблемы поэтики и философии жанра: дис ... канд филол. наук: 10.01.01. / И. А. Калинин. СПб., 2002. С. 35.

жанровой категоризации произведения, между тем, не утрачивает своей актуальности и для утопий данного периода.

Список литературы

Законы и законодательные акты

1. Артикул воинский / Российское законодательство X – XX веков в девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 327 – 366.
2. Бецкой И. И. Устав Императорского Шляхетского Сухопутного Кадетского Корпуса, учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. – СПб. 1766. – 25 с.
3. Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать 12. 950. Июля 30 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVIII. – СПб., 1890. – С. 281 – 283.
4. Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. – М.: Синодальная типография на Никольской улице. 1893. – 364 с.
5. Духовный регламент, тцанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго, по соизволению и приговору Всероссийскаго Духовнаго Чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. – М., 1861. – 239 с.
6. Именной указ об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов / Томсинов В. А. Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762 – 1782 годы. – М.: Зерцало, 2011. С. 98 – 123.
7. Именной, данный Директору Санктпетербургской Академии Наук, Княгине Дашковой – о учреждении Российской Академии 15.839. Сентября 30 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. С. 1781 по 1783 гг. – СПб., 1830. – 1023 – 1027.
8. Манифест о наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 генраря 1764 года

- по приложенному реестру, положенных по новым штатам на жалованье, разных сборов и об отсылке оных в Штатс-Кантору. № 11. 988. Декабря 15 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – С. 457 – 462.
9. Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. – СПб.: Императорская Академия Наук. 1770. – 405 с.
 10. О производстве жалованья обретающимся у дел в присутственных местах прибывшим из Санкт-петербурга по Санктпетербургским, а кои в Москве по Московским окладам, и о прибавке суммы на канцелярские расходы и служителей. 11.753. Февраля 13 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – С. 158.
 11. О употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния. № 11.092 Августа 16 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XV. – СПб.: Печатано в Типографии II Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – С. 498 – 499.
 12. Об удержании судей и чиновников от лихоимства. 11. 616. Июля 18. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб., 1830. – С. 22 – 23.
 13. Окружная грамота (в списке) Царя Алесея Михайловича Туринскому Воеводе Василию Кокореву: о строжайшем подтверждении тамошним жителям, чтоб они, как Христиане, имели должное и благоговейное почитание к святым Божиим Тайнам, носимым священниками из церкви в дома, для приобщения больных; под опасением заключения в монастыри на покаяние – Писана 1650, Октября 28 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. –

- М.: Типография Селиванского. № 141. 1822. – С. 460 – 461.
14. Прибавление к Духовному Регламенту. № 4022. Майя 1722. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. VI. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб., 1830. – С. 699 – 715.
 15. Проект правам благородных / Сборник русского исторического общества. Т. 32. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – С. 169 – 183.
 16. Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. Отд. 5. – М. 1871. – С. 748 – 755.
 17. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит. 1985. – С. 83 – 256.
 18. Указ именный, данный Московскому Обер-Полициймейстеру – Об учреждении под ведомством тамошней Полиции особой больницы, богадельни и работных домов – 14.357 Августа 12 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XX. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб., 1830. – С. 198 – 199.

Историография и литературные источники

19. Абрамзон Т. Е. Суеверные представления и их осмысление в русской литературе второй половины XVIII века.: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Абрамзон Татьяна Евгеньевна. – СПб., 1998. – 20 с.
20. Авсеенко В. Г. Томас Мор // «Русское слово». – 1860. – № 11. – Отд. III. – С. 30 – 64.
21. Аинса Ф. Реконструкция утопии Эссе. – М.: Наследие, 1999. – 207 с.
22. Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. (Къ исторіи византійской отреченной письменности). – Одесса, 1901. – 120 с.
23. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М.:

- Университетская книга; Логос, 2006. – 383 с.
24. Альтшуллер М. Г. Херасков // Краткая литературная энциклопедия. Т. VIII. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Стлб. 264 – 265.
 25. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
 26. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.
 27. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. – М.: Мысль, 1986. – 239 с.
 28. Ануфриев А. Е. К вопросу о доминантных признаках жанра литературной утопии // Вестник Вятского государственного университета. 2012. –Т. II. – № 2. – С. 106 – 110.
 29. Ануфриев А. Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01./ Ануфриев Анатолий Евдокимович. – М., 2002.
 30. Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. СПб.: Издание с-петербургского юридического общества, 1884. – Кн. 2. – С. 1 – 54.
 31. Артемьева Т. В. Российские Атлантиды века Просвещения [Электронный ресурс] // Универсум платоновской мысли Режим доступа: http://platoakademeia.ru/index.php/ru/conferences/item/299-upt_8_26
 32. Артемьева Т. В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Альманах 12. Российская утопия. От идеального государства к совершенному обществу. Материалы Международной Летней школы по истории идей 9 – 30 июля 2000 г. – СПб., 2000. – С. 13 – 47.
 33. Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 92 с.
 34. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопии в России эпохи Просвещения. – СПб., Алетейя, 2005. – 496 с.

35. Архангельский А. С. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. – Казань, 1897. – 91 с.
36. Барласов М. А. К истории указа от 16 августа 1760 г. [Электронный ресурс] // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Elizaveta/Ural_arch_ezeg/1/text.htm
37. Барсков Я. Л., Жижка М. В. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. – М. – Л.: АCADEMIA, 1935. – 586 с.
38. Батшев М. Книжная полка [Электронный ресурс] // Литература. № 12. 2007. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200701220>
39. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Стелс, 1995. – 304 с.
40. Бибииков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова сыном его сенатором Бибииковым. – М., 1865. – 138 с.
41. Билярский В. Материалы для истории Ломоносова. – СПб.:Типография императорской академии наук, 1865. – 928 с.
42. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. – М.: Учпедгиз, 1945. – 422 с.
43. Блохин В. Ф. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в сфере государственных интересов. «Радищев, рабства враг, цензуры избежал!» // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства: XVIII – XX вв. Сб. статей. – Брянск: Курсив, 2010. – С. 55 – 80.
44. Блюмбаум А. Политическая история как утопический радикализм [Электронный ресурс] // Русский журнал. Круг для чтения – Режим доступа: old.russ.ru
45. Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Екатерины Второй. – М.: Эксмо, 2007. – 573 с.
46. Брикнер А. Г. Князь М. М. Щербатов как член Большой Комиссии 1767 г. // Исторический вестник. – 1881. – Т. 3. – № 10. – С. 217 – 249.
47. Бугров Д. В. Политико-правовые идеи в русской социокультурной утопии

- второй половины XVIII в. /Д. В. Бугров // Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV – XX вв. – Екатеринбург: Волот, 1998. – С. 226 – 234.
48. Бычкова С. Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX в). Дисс. на соис. уч. степени канд. юр. наук. 12.00.01. – Нижний Новгород, 2015. – 225 с.
49. Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. – 1989. – № 4. – Л.: Наука. – С. 107 – 119.
50. Валлич Э. И. Н. М. Карамзин – первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора // История социалистических учений. Сб. статей. – М.: Наука, 1977. – С. 243–256.
51. Веденяпин П. Г. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. – № 5 – 7. 1865. – С. 113 – 134.
52. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. – Пгр., 1917. – 285 с.
53. Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. I. Греко-византийский период / – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1886. – 607 с.
54. Веселовский А. Н. К вопросу об источниках Сербской Александрии // Журнал министерства народного просвещения. – 1884. – Июнь. – С. 182 – 197.
55. Веселовский А. Н. Параллели к сказанию о «Новгородском рае» // Филологические Записки. – 1875 – Вып. III. – Отд. «Историко-литературные заметки», Воронеж – С. 1–7.
56. Витенберг Б. Путешествия в мир утопий (Обзор книг по литературной утопии) // Новое литературное обозрение. М., 2008. – № 93. – С. 327–337.
57. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. – СПб.: Гиперион, 2003. – 312 с.
58. Голейзоковский Н.К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в

- середине XIV века. // Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. – София, 1982. – С. 42 – 67.
59. Гончаров С. А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор. Вопросы поэтики. Межвузовский сборник научных трудов. – Волгоград, 1990. – С. 39 – 48.
60. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727 – 1775 гг. – М., 1913. – 492 с.
61. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России II половины XVIII в. – М.: Наука, 1984. – 253 с.
62. Грачиотти С. Функция утопии в русской литературе второй половины XVIII в. // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы межд. науч. конф. ЮНЕСКО. – М.: Наука и техника, 1985. – С. 148 – 152.
63. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 452 с.
64. Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение / История русской литературы: в 10 т. / М.; Л: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. III: Литература XVIII века. – Ч. I. – С. 349 – 420.
65. Даль В. И. Утопия / Толковый словарь живаго великорусскаго языка. – Т. IV. СПб. – М., 1882. – С. 536.
66. Даль С. П. Императрица Елизавета Петровна. Рассказы из русской истории. – М., 1894. – 32 с.
67. Дашкова Е. Р. Речь, говоренная при открытии императорской российской академии октября 21 дня 1783 года / Литературные сочинения. – М.: Правда, 1990. – 363 с.
68. Дживилегов А. Утопии / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона – Т. XXXV. – СПб. 1902. – С. 76 – 77.
69. Дитятин И. И. Екатерининская комиссия 1767 года «О сочинении проэкта Нового уложения». Ч. II // Юридический вестник: Апрель. № 4. – М: Издание Московского Юридического Общества. Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. –

- С. 477 – 499.
70. Дмитриева Е. Е., Топорков А. Л. Авантюрная автобиография И. И. Тревогина // Памятики культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. – М.: Круг, 1992. – С. 49 – 75.
 71. Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. – СПб: «Искусство – СПб», 2007. – 416 с.
 72. Екатерина II. О величии России. – М.: Директ – Наука, 2010. – 96 с.
 73. Ермолай-Еразм. Аще восхотят царем правителница и землемерие // Библиотека литературы Древней Руси. Т. IX. СПб.: Наука, 2000. С. 474 – 485.
 74. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 590 с.
 75. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М., 1996. – С. 125 – 143.
 76. Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. НЛО. – М. 2004. – 360 с.
 77. Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. – Казань, 1892. – 103 с.
 78. Западов А. В. Эмин / История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М. – Л.: Изд-во АН СССР. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. 1947. С. 256 – 264.
 79. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. – М.: Академический проект. Раритет, 2001. – 800 с.
 80. Калинин И. А. Русская литературная утопия XVIII – XX вв.: Проблемы поэтики и философии жанра : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Калинин Илья Александрович. – СПб., 2002. – 247 с.
 81. Калинин И. Слепота и прозрение. Риторика истории России и «Риторика темпоральности» Поля де Мана // НЛО. М., 2003. – № 59. – С. 250 – 273.
 82. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
 83. Карамзин Н. М. Философа Рафаила Гитлоде странствование в новом свете и

- описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии. Перевод с Английского языка. Сочинение Томаса Мориса (Моруса). В Санкт-Петербурге у Шнора 1790 года. // Московский журнал. 1791. – Ч. I. – С. 358 – 365.
84. Карякин Ю. Ф. Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – 305 с.
85. Кауркин Р. В. Утопические проекты Ивана Тривоги // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. – № 6 (1). – С. 245 – 249.
86. Кизеветтер А. А. Русская утопия XVIII века / Исторические очерки: Из истории политических идей. – М., 1912. – 502 с.
87. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. – СПб., 1896. – 352 с.
88. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. – М.: «Наука», 1977. – 335 с.
89. Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА – КНИГА. 2009. – 1197 с.
90. Кнорринг Н.Н. Екатерининская законодательная комиссия 1767 года в освещении иностранных резидентов при русском дворе // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову 1859 – 1929. – Прага, 1929. – С. 327 – 350.
91. Князья, цари и императоры России. Елизавета Петровна. Беззаботная императрица. Годы правления 1741 – 1761. – 2016. – № 7. – М. – 46 с.
92. Ковтун Н. В. Становление русской утопической парадигмы. Опыт жанрового анализа // Философский век. Альманах 14. История идей как методология гуманитарных исследований. Программы спецкурсов. – СПб: Санкт-Петербургский Центр истории идей. 2001. – С. 204 – 223.
93. Коломинов В., Файнштейн М. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). – Л.: Наука, 1986. – 149 с.

94. Краснов А. Образ будущего Петербурга, Царского Села и Гатчины в романе М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» // Нева. – 2006. – № 4. – С. 271 – 275.
95. Кулакова Л. И. Херасков / История русской литературы. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. – М. – Л: АН СССР, 1947. – С. 320 – 341.
96. Курмачёва М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). – М.: Наука, 1983. – 352 с.
97. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь тайной канцелярии XVIII в.. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 639 с.
98. Кусков В. В. История древнерусской литературы. – М.: Высшая школа, 1998. – 335 с.
99. Лавринович М. Б. Социально-политическая программа Екатерины II: «Третье сословие» как утопия русской истории // Философский век. Альманах. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. Вып. 12. – СПб., 2000. – С. 60 – 73.
100. Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. Ч. XIII – XIV. – СПб., 1784.
101. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII вв.: Эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.
102. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
103. Манхейм К. Идеология и утопия. – М.: ИНИОН, 1992. – 245 с.
104. Мильдон В. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 288 с.
105. Михайлова А. В., Михайлова Т. В. Вера и правда в текстах Ивана Пересветова как часть политической терминологии московского царства, или

- Чему турецкий султан может научить русского царя // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (39). – Екатеринбург. – С. 127 – 131.
106. Мнение об освобождении крестьян // Русский архив. – М., 1871. – Стлб. 288 – 293.
107. Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. – М., 1994. – 216 с.
108. Муратов М. Жизнь Радищева. – М.–Л.: Государственное издательство детской литературы министерства РСФСР, 1949. – 247 с.
109. Назаренко Б. А. Право Офирского государства в утопии М. М. Щербатова // Актуальные проблемы российского права. М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина. 2009. – № 1. – С. 30 – 36.
110. Нарышкина Л. Н. Авторские отступления в романе М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сб. науч. Трудов под ред. В. А. Западова. – Л., 1978. – С. 57 – 68.
111. Незеленов А. И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1889. – 404 с.
112. Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1702 – 1802 гг. – СПб., 1874. – 878 с.
113. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера. – London: Trübner & Co, 1858. – 345 с.
114. Общество Незнающих. Ежедневная записка // Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. – СПб. – 1783. – Ч.VIII. – С. 39 – 43.
115. Одоевский В. Ф. 4338 год / Русская литературная утопия под ред. В. П. Шестакова. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 320 с.
116. Омелько Л. В. Массонские идеи в прозе В. А. Левшина 1780-х годов // Массонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 53 – 65.
117. Орлов П. А. История русской литературы XVIII века: Учеб. для ун-тов. – М.:

- Высш. шк., 1991. – 318 с.
118. Оропай А. Ф. Утопическое и реальное в художественном пространстве произведений М. Щербатова и А. Радищева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия Философия – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2011. – № 2. – 97 – 104.
119. Перевезенцев С. В. Русская социально-политическая мысль XI – XVII вв. Хрестоматия. – М.: Изд-во Московского университета. 2011. – 727 с.
120. Петруччани А. Вымысел и поучение // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 98 – 112.
121. Пиксанов Н. К. Массонская литература [второй половины XVIII века] // История русской литературы в 10 т. – М.: Л: Изд-во АН СССР 1947. – Т. IV. – Литература XVIII века. Ч. II. – С. 51 – 84.
122. Писаренко К. А. Елизавета Петровна: наследница петровских времен. – М.: Вече, 2013. – 317 с.
123. Письмо из Сатурна // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. – Дніпропетровськ. – 2009. – Вип. 3. – С. 157 – 159.
124. Полевой Н. А. Столетие России с 1745 до 1845 или историческая картина достопамятных событий в России за сто лет. Ч. I. Санкт-Петербург, 1845. – 408 с.
125. Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае / Подготовка текста, перевод и комментарии Н С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 42– 48.
126. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1782. – № 38. – 13 мая 1782 года. – С. 290.
127. Привалова М. В. Русская социальная утопия XVIII и первой половины XIX вв. (на материале произведений А. Радищева и М. Щербатова) // Гуманитарный вектор. – Чита. 2013. – № 2 (34). – С. 25 – 29.
128. Приказчикова Е. Е. Утопическая традиция эпохи Просвещения в жизни и творчестве А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») //

- Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX веков. – М.: Флинта, 2014. – С. 19 – 42.
129. Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01 / Приказчикова Елена Евгеньевна – Екатеринбург, 2010. – 55 с.
130. Прилежаев Е. М. Наказ и пункты от Св. Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении проекта Нового уложения // Христианское чтение. – СПб. 1876. – Ч. I. – № 9 – 10. – С. 223 – 265.
131. Проскурина В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // НЛЮ. – М., 2005. – №. 72. – С. 103–132.
132. Пугачев В. В. А.Н. Радищев. Эволюция общественно-политических взглядов. – Горький: Изд-во Горьковского университета, 1960. – 102 с.
133. Путешествие Уильямса Кокса // Русская старина. 1877. – Т. XIX. – Кн. V. – С. 23 – 52.
134. Пуффендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному в 2-х т. – СПб., 1726. – 214 с.
135. Пушкин А. С. Александр Радищев / Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. – С. 239 – 250.
136. Пыпин А. Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. 1896. – № 11. – С. 264 – 305.
137. Радищев А. Н. О законоположении / Радищев А. Н. Избранные философские сочинения под общей ред. и предисл. И. Я. Щипанова. – Л.: Госполитиздат, 1949. – 558 с.
138. Ржига В. Ф. Новая версия легенды о земном рае // Byzantinoslavica. 1930. – Рос. II – S. 374 – 385.
139. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках. Т I. – СПб., 1912. – 680 с.
140. Российский государственный архив древних актов. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631.
141. Русская социально-политическая мысль XI – XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.

- В. Перевезенцев. – М.: Изд-во Московского университета. 2011. – 731 с.
142. Русская утопия в контексте мировой культуры. Сост. и предисл. В. П. Шестакова. – СПб.: Алетейя. 2013. – 309 с.
143. Сахаров В. И. Массонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения (вместо введения) // Массонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Под ред. д-ра филол. наук В. И. Сахарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 3 – 29.
144. Свентоховский А. История утопий. – М.: Изд-во В. М. Саблина, 1910. – 427 с.
145. Светлов Л. Б. Исчезнувший журнал // Литературная Россия. – М., 1966. – № 51.
146. Светлов Л. Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: АН СССР. 1961. – Т. XX. – Вып. IV. – С. 326–331.
147. Святловский В. В. Каталог утопии. Государственное издательство. – М – П., 1923. – 100 с.
148. Святловский В. В. Русский утопический роман. – Петроград: Гос. изд-во. 1922. – 52 с.
149. Семейский М.И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол. 1709–1741 // Русское слово. Литературно-ученый журнал. – СПб, 1859. – Февраль. – С. 209 – 277.
150. Сергеевич В. И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. – СПб., 1878. – № I. – С. 188 – 264.
151. Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы Международной конференции 27 – 28 июля 2000 г. – СПб., 2000. – С. 216 – 224.
152. Сиповский В. В. Херасков / Русский биографический словарь под ред. А. А. Половцева. – СПб., 1901. – Т. XXV. – С. 309 – 318.
153. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 1. (XVIII век). – СПб., 1909. – 951 с.

154. Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. II (История литературы с эпохи Петра до Пушкина). – СПб. 1908. – 340 с.
155. Смилянская Е. «Суеверия» и народная религиозность в России века Просвещения // *Canadian American Slavic Studies*. 2004. – Vol. 38. – (№1-2). – P. 121 – 154.
156. Смирнова Э. С. Два примера убранства иконостасных тябла на Севере // *Средневековая Русь. Сборник статей памяти Н. Н. Воронина*. – М., 1976. – С. 352 – 357.
157. Соболевская Н. Н. Рецензия на книгу Б. Ф. Егорова «Российские утопии: Исторический путеводитель» // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. – 2009. – Т. 8. Вып. 2. – С. 166 – 169.
158. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XXVII. – СПб., 1851–1879. – 595 с.
159. Старцев А. И. Иван Тревогин – издатель «Парнасских ведомостей» // *Новый мир*. – М., 1958. – № 9. – С. 278 – 284.
160. Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760-х–1780-х годов // *История русской литературы в IV Т. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века*. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1980. – С. 571 – 626.
161. Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII. – СПб., 2006. – Вып. 24. – С. 125 – 143.
162. Степанян К. А. Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель // *Знамя*. – М., 2008. – № 5. – С. 214 – 217.
163. Ступин М. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. – Владикавказ, 1887. – 146 с.
164. Сумароков А. П. Ода Государыне Императрице Елизавете первой. На день Ея рождения, 1755 года, Декабря 18 дня / Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. II. – М., 1781. – С. 13 – 19.

165. Сумароков А. П. О казни / Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. – М., 1781. – С. 331–334.
166. Сумароков А. П. О разумении человеческом по мнению Локка / Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, Ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого Собрания члена. Ч. VI. – М., 1787. – С. 303 – 307.
167. Сумароков А. П. Ода Е. И. В. Всемиловитейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской / Сумароков А. П. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 608 с.
168. Сумароков А. П. Слово похвальное о государе императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства Ея императорского величества / Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. II. – М., 1781. – С. 243 – 258.
169. Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудлюбивая пчела. – Декабрь 1759 года. – С. 738–741.
170. Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151. – Кн. 3. – С. 39 – 46.
171. Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. – М, 1863. – 478 с.
172. Толстой А. К. История государства российского / Полное собрание стихотворений в 2-х томах. Т. I. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1984. – 638 с.
173. Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. – СПб.: Типография императорской академии наук. 1883. – 100 с.
174. Топорков А. Л. История Ивана Тревогина // Публицистика и исторические

- сочинения периода феодализма. Сборник научных трудов. Отв. ред. доктор филол. наук. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск: Наука. – 1989. – С. 246 – 276.
175. Торжествующая Минерва // Москвитянин. М. – 1850. – Кн. 1. – № 19. – С. 109 – 128.
176. Третьяков В. К. Императрице Елизавете Петровне в день ее коронации / Избранные произведения. Вступ. ст. и подг. текста Л. И. Тимофеева. – М. – Л.: Советский писатель. 1963. – С. 458 – 464.
177. Улыбышев А. Д. Сон /Русская литературная утопия. – М.: Изд-во Московского университета. 1986. – 320 с.
178. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. – М., 2002. – 605 с.
179. Фельбигер И. О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. – СПб., 1783. – 180 с.
180. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. Историко-юридическое исследование // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. – М., 1891. – Вып. 7. – С. 54 – 61.
181. Фроловский Г. В. Пути русского богословия. – М.: Институт русской цивилизации. 2009. – 849 с.
182. Фуэнтес Ф. Утопия // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша / Пер. с итал. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. – М.: Памятники исторической мысли. 2003. – 669 с.
183. Харитонов Е. В. Русское поле утопий (Россия в зеркале утопий) // Фантастика. М. – 2002. – Вып. 2. – С. 417 – 477.
184. Херасков М. М. Избранные произведения. Вступ. статья и подготовка текста и примечаний А. В. Западова. М. – Л.: Советский писатель. 1961. – 127 с.

185. Херасков М. М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. – М., 1803. – 178 с.
186. Херасков М. М. Ода ея императорскому величеству на день Высокоторжественного Ея возшествия на Всероссийский престол 1791 года / Творения вновь исправленные и дополненные. Ч. VII. М.: Унив.тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. 1796 – 1803. – 418 с.
187. Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии / Творения, вновь исправленные и дополненные. Ч. XI. – М. 1802. – 328 с.
188. Ходнев А. И. История императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. – СПб., 1868. – 683 с.
189. Чаликова В. Утопия рождается из утопии [Электронный ресурс] режим доступа: <http://chalikova.ru/utopiya-rozhdaetsya-iz-utopii.html>
190. Чернышева Т. А. Природа фантастики. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 189 с.
191. Чернышева Т. А. Русская утопия // Литературно-художественный и общественно-политический двухмесячник. Сибирь. – Иркутск-Новосибирск – 1990. – № 6. – С. 118–127.
192. Чечулин Н. Д. Русский социальный роман. (Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкаго дворянина. Сочинение князя М. М. Щербатова). – СПб.: Типография «В. С. Балашевъ и Ко», 1900. – 53 с.
193. Чумакова Т. В. Утопия в Древней Руси // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы международной конференции 27 – 28 июля. – СПб., 2000. – С. 187 – 201.
194. Шестаков В. П. Русская литературная утопия. Сост, общ. ред. вступит. статья и комментарии. – М.: Изд-во МГУ. 1986. – 320 с.
195. Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический словарь – справочник. [в 2-х кн.] А – К. – М.: АСТ – ЛТД, 1997. – 446 с.
196. Шкловский В. Б. Чулков и Левшин. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. 1933. – 264 с.
197. Щербатов М. М. Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II /

- Щербатов М. М. Неизданные сочинения. – М.: Соц ЭКГИЗ, 1935. – 215 с.
198. Щербатов М. М. Размышления о смертной казни // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. М., – 1860. – Кн. 1. – Январь – Март. – С. 58 – 72.
199. Щербатов М.М. О способах преподавания разных наук / Сочинения князя М.М. Щербатова. Т. II. Статьи историко-политические и философские. Под ред. И.П. Хрущова и А.Г. Воронова. – СПб.: Типография М. Акинфиева и И. Леонтьева. 1898. – 630 Стлб.
200. Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую г. С. шведского дворянина / Щербатов М. М. Политические сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. – Т.1. – СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896. – 1060 с.
201. Щербатов М.М. Размышления о законодательстве вообще / Политические сочинения. Под ред. И. П. Хрущова. – Т.1. – СПб.: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева» , 1896. – 1060 с.
202. Эйгес И. Р. Утопия / Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М. – Л.: «Изд-во Л. Д. Френкель», 1925. – Стлб. 994.
203. Эйдельман Н. Александр Радищев. Серия. Страницы истории нашей Родины. – М.: Изд-во «Малыш». 1983. – 32 с.
204. Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настаёт... Год 1789-й: [Великая фр. революция и Россия] / Н. Эйдельман – Л.: Лениздат, 1989. – 300 с.
205. Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала [Электронный ресурс] Режим доступа:
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_BlDik.php
206. Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла и разные Политические, Гражданские, Философические, Физические и Военные его с сыном своим разговоры: постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. – М., 1781. – 312 с.
207. Янкович Ф. И. Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской Империи. – СПб.: Императорская Академия Наук. 1807. – 145 с.
208. Abrams M. H. Geoffrey Galt Harpham Utopias and dystopias // A Glossary of

- Literary Terms. Wadsworth Cengage Learning. 9 edition. 2008. – 378 p.
209. Baczko B. Lumières de l'utopie. – Paris: Payot. 1978. – 424 p.
210. Baehr S. L. Review: Re-Searching Utopia. Reviewed Work: Histoire de l'utopie en Russie by Leonid Heller, Michel Niqueux // The Slavic and East European Journal. (Autumn, 1998) – Vol. 42. – № 3. – P. 517–520.
211. Baehr S. L. The Masonic component in eighteenth-century Russian literature // Russian Literature in the Age of Catherine the Great. A collection of essays / Ed. By A. G. Cross. – Oxford. 1976. – P. 121 – 139.
212. Baerh S. L. The paradise Myth in Eghteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. – Stanford. California. 1991. – 308 p.
213. Black J. L. Citizens for the fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia (with a translation of book on the duties of man and citizen (St. Petersburg, 1783). East european quarterly, boulder. disributed by columbia university press. – NY. 1979. – 273 p.
214. Breuillard J. Fragments d'utopies dans la literature russe du XVIIIe siècle. Levšin et Xeraskov. // Revues des Etudes Slaves. – 1984. № 56 (1). – P. 17 – 31.
215. Bryner Cyril. The Issue of Capital Punishment in the Rein of Elizabeth Petrovna // The Russian Review. –1990. Vol. 49. – P. 389 – 416.
216. Encyclopedie ou Dictionnaire universel raisonne des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de letters, 1751–1772. Vol.12. Denis Diderot et Jean le Rond d`Alembert. Paris.1765. – 965 p.
217. Fortunati V. Utopia as a Literary Genre / Dictionary of Literary Utopias, ed. by Vita Fortunati and Raymond Trousson. – Paris: Champion, 2000. – P. 634 – 643.
218. Hosking A. G. Russia and Empire, 1552 – 1917. – HarperCollins.1997. – 548 p.
219. Kleinwüchter F. V. «Bibliotheca utopistica» – Katalog einer Merkwüdiggen Summlung von Werken utopistischen inhalts 16-20 Jahrh, aus Nachlasse Ludwig Hevesi mit einer Einleitung.
220. Monnier A. Une utopie russe au siècle de Catherine // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1982. – Vol. 23. – No. 23 (2). – P. 187–195.

221. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. – Dec. 1975. – Vol. 80. – No. 5. – 1221 – 1243.
222. Sambricio Carlos. Sinapia: utopia, territorio y ciudad a finales del siglo XVIII // *Scripta nova revista electronica de geografía y geografía y ciencias sociales*. Vol. XVIII, núm. 475, 1 mayo de 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-475.htm>